

А.П. Корелин

Власть и общество в России

*Век XIX-й:
время ожиданий
и перемен*

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

А.П. Корелин

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ.
ВЕК XIX: ВРЕМЯ ОЖИДАНИЙ
И ПЕРЕМЕН**

**Москва
2013**

Девятнадцатый век – особая эпоха в российской и мировой истории. На европейском континенте происходили грандиозные перемены. Страна за страной вступали в период социально-политических и промышленных революций. Ломались средневековые экономические и политические структуры и институты, прорисовывались контуры будущего гражданского общества. Россия, в силу ряда обстоятельств, встала на путь перемен позднее других ведущих держав, а сам процесс модернизации страны, особенно в сфере государственного устройства, взаимоотношений власти и общества, отличался крайне противоречивостью. Автор, анализируя причины и ход событий, определявшие специфику движения страны на этом пути, стремился показать, что несмотря на ряд депрессивных факторов, основные тенденции этого времени прослеживались в России вполне определенно. Однако они так и не смогли завершиться взаимоприемлемым для власти и общества исходом, что стало одной из важнейших причин революционных катаклизмов начала XX в.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

XIX век в мировой и российской истории – особая эпоха, характерной чертой которой стал переход от традиционного общества к обществу индустриальному. Очистительные грозы буржуазных революций до основания потрясли абсолютистские режимы, ломали обветшавшие политические институты и правовые установления. В ходе промышленного переворота технико-организационная и технологическая модернизация сопровождалась модернизацией социальной структуры: феодальные сословия уступали место классовым градациям. Стремительное распространение просвещения, охватывавшее все более широкие слои населения, способствовало проникновению и утверждению в обществе новых, буржуазных принципов политической и деловой практики, иных правовых и морально-этических норм государственной и общественной деятельности. Во взаимоотношениях государства и общества, по мере возрастания численности и влияния общественных самоуправляющихся институтов и организаций, все заметнее прослеживается тенденция к возрастанию в процессе формирования самой власти и проведения правительственной политики роли общественного мнения. Фактически уже к середине века в большинстве стран Запада утвердилось в качестве государственной формы правления представительная конституционная монархия, ставшая шагом вперед в процессе формирования правового государства и гражданского общества.

Россия же вплоть до конца века оставалась абсолютистской, самодержавно-монархической империей. Тем не менее, и в ней общеевропейские поступательные тенденции, осложненные рядом объективных и субъективных факторов, прослеживаются достаточно отчетливо. Самодержавие, являвшееся по сути своей институтом феодальной эпохи, и его адепты, стремясь сохранить по возможности в неизменном виде свои позиции, пытались, обычно под флагом отстаивания самобытности российского пути развития, сохранить старый режим и его социально-экономическую базу. И для этого была почва в виде традиционалистских укладов и патриархально-попечительных начал в отношениях властных институтов и общества. Вместе с тем власть предпринимала неоднократные попытки преодолеть связанные с этим стагнационные явления, грозившие отбросить страну назад, снять или, по крайней мере, смягчить неуклонно обострявшиеся социально-политические противоречия, грозившие революционным взрывом, и решать проблемы путем реформ, которые позволили бы несколько модернизировать властные структуры и общество, что открывало путь для их буржуазной эволюции. Эта тенденция также имела как внутренние, так и внешние побудительные факторы. Первые основывались на собственном социально-экономическом развитии и его последствиях, вторые были результатом влияния международных связей страны. Россия стала частью мирового сообщества, и российский абсолютизм был вынужден так или иначе приспособляться к процессам, протекавшим в передовых странах Запада, чтобы не допустить катастрофического отставания страны и потерю ею статуса великой державы. Перенимая культурные и технические новшества и достижения, правительство невольно вынуждено было так или иначе заимствовать и современные политико-юридические институты и нормы. И, наконец, особую роль в выборе путей развития страны, как и ранее, играл субъективный фактор – личностные особенности российских самодержцев, накладывавшие существеннейший отпечаток на характер и направления внутренней политики. Роль верховной власти в авторитарных политических системах всегда и везде была весьма велика, без ее учета не-

возможно понять многие кардинальные повороты и в нашей истории. Правда, и в этой сфере в России наблюдались определенные сдвиги, хотя в крайне замедленном виде. Все это делало процесс модернизации в ней социально-экономического и политического строя, особенно в переходную эпоху XIX века, крайне сложным, противоречивым, волнообразным.

«ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО...» СТАГНАЦИЯ ИЛИ РЕФОРМЫ?

Потребность в переменах настоятельно стала ощущаться в российском обществе еще в последней трети XVIII века. Об этом задумывались передовые умы, предлагая различные варианты решения сложнейших проблем модернизации страны. Дилемма «стагнация или реформы» становилась одной из насущнейших во внутренней политике правительства. При этом, как отмечал еще В.О. Ключевский, законом жизни государств, по тем или иным причинам отставшим от вырвавшихся вперед стран-лидеров, является то, что «нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает для реформ»¹. В этих условиях роль государства, личные особенности монархов-самодержцев приобретали в России особую значимость, а на первый план выходили попытки совершенствования системы государственного управления и некоторой либерализации строго регламентированной общественной жизни. В царствование Екатерины II это нашло отражение и в «Жалованных грамотах» дворянству и городам, и в создании Уложенной комиссии, и в мерах по внедрению просвещения, которые можно рассматривать как первые шаги к созданию элементов гражданского общества. Однако попытки «просвещенного абсолютизма» воздействовать с помощью этих мер и направленного образования на умы с целью укрепления самодержавного режима особых успехов не имели. Та же Екатерина II жестко пресекала любые проявления «вольнодумства», особенно попытки покунуться на прерогативы само-

державия. Правление же Павла показало, что неограниченное самодержавие под флагом борьбы за внедрение «законности и порядка» легко переходит в деспотизм. В этих условиях одним из противоядий против крайностей абсолютизма может служить дворцовый переворот, не меняющий формы правления, но делающий ее неустойчивой и нелегитимной, или ограничение всевластия монарха рамками закона.

Именно в результате дворцового переворота 11 марта 1801 г. и оказался на престоле Александр I, с именем которого связывали надежды на перемены самые различные слои русского общества. Современники единодушно свидетельствовали о всеобщем ликовании, которым было встречено восшествие на престол нового царя. Ожидалось не только смягчение административно-полицейских стеснений, но и какие-то общие изменения во внутренней политике и государственном устройстве, освобождение от давящего ига всевластной абсолютистской монархии. Насколько основательны были эти надежды?

Как личность Александр I формировался в сложной и противоречивой атмосфере екатерининского двора, исполненной вражды и подозрительности. Екатерина, ненавидевшая своего сына Павла, фактически отняла внука у родителей, и сама усердно занималась его воспитанием, рассчитывая даже передать ему престол в обход отца. Принципы воспитания, изложенные ею в специально написанной «Азбуке», были основаны на идеях естественного права, разумности, свободы развития человеческой личности, которые самым причудливым образом переплетались с постулатами абсолютизма. С идеями европейского Просвещения, воплотившимися затем в свободолюбивые лозунги Французской революции, будущий император ближе познакомился благодаря Ф. Лагарпу – швейцарцу с республиканскими убеждениями, определенного императрицей воспитателем к любимому внуку. Вместе с тем, несколько позже юноша впитал в себя и дух военщины, муштры и парадомании, царившими в гатчинской резиденции отца, научился лавировать между враждующими группировками, таить свои мысли и чувства. Все это в какой-то степени объясняет те противоречивые оценки личности нового императора, которые впоследствии

давали ему современники: природный ум, образованность, широта мышления, чувствительность, сострадательность – и в то же время скрытность, нерешительность, позерство, хитрость и даже вероломство.

Став силою обстоятельств фактически участником заговора против своего отца и оказавшись в 23 года на троне, он вынужден был, особенно первое время, осторожно маневрировать, – видимо, с целью выявления настроений и группировок в обществе и при дворе. В своем манифесте по поводу восшествия на престол он заявил, что принимает на себя «обязанности управлять Богом ему врученным народом по закону и сердцу своей бабки императрицы Екатерины». Были восстановлены «Жалованные грамоты» дворянству и городам, разрешены поездки за границу, ликвидирована Тайная канцелярия, объявлена амнистия пострадавшим от павловского произвола лицам, отменены пытки как средство дознания. Убраны были виселицы у присутственных мест, введенные в 1799 г. «для прибития к оным имен разных чинов», замеченных в злоупотреблениях. Полиция была передана в ведомство гражданских губернаторов. Специальным указом священники и дьяконы освобождались от телесных наказаний. Более того, к предстоящей в сентябре 1801 г. коронации предполагалось вместе с манифестом опубликовать «Всемиловитивейшую грамоту, русскому народу жалуюмую», в которой были изложены правовые гарантии защиты личности и собственности всех сословий, свободы печати, гласности, суда, право обвиняемого на защиту и т.п. В ней впервые провозглашалось, что «не народы сделаны для Государей, а сами Государы промыслом Божиим установлены для пользы и благополучия народов». Верховная власть клятвенно обещала народу неукоснительно исполнять изложенные в ней статьи, объявляя ее «коренным законом» страны. Грамота, однако, так и не появилась. Но были проведены некоторые либеральные преобразования: цензурная реформа 1804 г., несколько умерявшая административный произвол в отношении печати и даже дозволявшая право «скромной и благоразумной» критики существующих порядков, в 1803–1804 гг. создана система всесословных учебных заведений, открыт ряд лицеев и

университетов, введена университетская автономия. Причем университеты получили право контроля над подведомственными им учебными заведениями, право цензуры, назначения преподавателей гимназий. Формально прием студентов был свободен для лиц всех сословий. Российскому обществу стали доступнее передовые идеи западной мысли: в первые годы XIX века в России были опубликованы переводы сочинений Ж.Ж. Руссо, А. Смита, Вольтера, И. Бентама, Ж.Л. Депольма, Ш.Л. Монтескье, Г.Т.Ф. Рейналя и др.

Сохранение Россией статуса великой державы, упрочение материальной базы государства требовало принятия мер по ликвидации наметившегося отставания российской экономики от ведущих европейских стран. Был издан ряд указов, направленных на развитие отечественной промышленности, сельского хозяйства, торговли. Так, указ от 7 августа 1801 г. гласил, что все усовершенствования и изобретения в этих областях встретят поддержку правительства, а указ от 12 февраля 1802 г. рекомендовал Академии наук публиковать заимствованные из иностранных журналов сведения о различных открытиях, касающихся промышленности и сельского хозяйства. После нескольких лет фритредерства во внешней торговле правительство в целях защиты отечественной промышленности постепенно перешло к фактически запретительным внешнеторговым тарифам на импорт иностранных товаров. Министр внутренних дел О.П. Козодавлев (1810–1819), руководивший экономической политикой (в то время в ведении Министерства внутренних дел была почти вся экономика), считал, что процветание России невозможно без развитой промышленности, а последняя не может существовать без постоянной и энергичной поддержки правительства. В одной из всеподданнейших записок он убеждал императора, что слабость отечественной промышленности грозит потерей независимости государства, что гораздо хуже военного поражения². Вместе с тем министр предупреждал, что государство, контролируя и поддерживая промышленность, не должно предписывать и регламентировать всю деятельность предпринимателей, а только указывать и рекомендовать, чтобы не стеснять частную предприимчивость. Так задолго до

С.Ю. Витте, считающегося отцом российской индустриализации, были изложены основные принципы покровительственной правительственной политики, которые, однако, затем были настолько забыты, что Витте пришлось обратиться в поисках теоретического обоснования своей практики к зарубежному опыту.

С целью содействия становлению особо нужных для государства отраслей промышленности законом от 1 июля 1809 г. купцам и мещанам, основывавшим суконные фабрики, предоставлялись ссуды и льготы, а позднее, указом от 28 декабря 1818 г., заводы и фабрики разрешалось заводить и крестьянам. С целью обеспечения предприятий рабочими 15 марта 1807 г. был введен в действие указ, подготовленный еще при Павле, которым на уральских заводах вместо приписных крестьян вводилась категория «непрерывных работников», т.е. фактически создавалось ядро постоянных рабочих. Вместе с тем был принят ряд мер, которые фактически вели к некоторому смягчению сословных перегородок. В 1803 г. помещикам было разрешено отпускать своих крестьян на волю за выкуп (указ от 20 февраля), в результате чего предполагалось создать особое сословие – «вольные хлебопашцы». Специальным указом 12 декабря 1801 г. купцам и государственным крестьянам предоставлялось право приобретать ненаселенные имения, а затем (указ 18 октября 1804 г.) купцам, имевшим восьмиклассные чины (должности этого класса давали право на ходатайство о возведении в дворянство), разрешалось владеть и населенными имениями. Пожалованные дворянам имения разрешалось причислять к благоприобретенным, что создавало предпосылки для возникновения единой земельной собственности. Государственные крестьяне могли, при соблюдении особых требований, записываться в купечество (указ 24 октября 1804 г.). Указом от 13 августа 1803 г. объявлялось о «беспрепятственной выдаче» паспортов всем крестьянам, которые отпускались в окрестные местности для ведения торговых дел. Купцам, ведшим внешнюю торговлю, разрешалось учреждать паевые товарищества, в которые могли входить и дворяне (указ 1 января 1807 г.). Эти акты создавали предпосылки и для формирования новых групп

собственников, которые при благоприятных условиях могли бы составить так называемое третье сословие.

Среди всех этих достаточно разрозненных, часто непоследовательных и противоречивых мер наиболее значимыми, привлечшими особый интерес дворянской верхушки общества, оказались проблемы государственного управления. Александр I, несмотря на заявление о верности принципам екатерининского царствования, весьма критически оценивал состояние сложившейся в то время административно-управленческой системы. Еще в мае 1796 г. он писал близкому ему по умонастроению графу В.П. Кочубею: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок – грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?»³ Важнейшей мерой по искоренению «беспорядка» признавалось упорядочение законодательной базы страны и управления. Еще при Павле в 1796 г. была создана Комиссия для составления законов, преобразованная из Комиссии для сочинения проекта нового Уложения (уголовных, гражданских и казенных дел). «Наработки» этих учреждений, как и девяти предыдущих, создававшихся в разные царствования XVIII столетия, оказались не востребованными. Александр I склонен был возобновить работу в этом направлении. Указом от 5 июля 1801 г. правителем Комиссии составления законов был назначен граф П.В. Завадовский. «...Законы, – отмечалось в указе, – истекая от законодательной власти различными и часто противоположительными путями и, быв изданными более по случаю, нежели по государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерении, ни постоянства в их действиях. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого... бессилие законов в их исполнении и удобность перемывать их по первому движению прихоти или самовластья»⁴. Казалось бы, император осуждал и собственное «самовластье», заявляя тем самым о своем намерении сделать закон верховным регулятором жизни.

Идея законности витала и в правящих сферах, и в обществе. Но необходимость упорядочения и упрочения законодательной базы по-разному трактовалась верховной властью и дворянской аристократической верхушкой. Самодержцы, помимо искоренения «своеволия» чиновников, беспорядка и злоупотреблений в системе управления, видели в этом средство укрепления собственных властных позиций, инструмент всевластия монарха-самодержца. «Просвещенное» дворянство рассматривало эту меру в свете примата закона перед неограниченным самодержавием, как средство превращения последнего в «истинную монархию». Настроения эти обычно находили выражение в записках и проектах, исходивших от представителей аристократии. В частности, таковыми были «олигархические» проекты канцлера князя А.А. Безбородко, графов А.Р. и С.Р. Воронцовых, Н.И. и П.И. Паниных, П.А. Зубова, Н.С. Мордвинова, адмирала П.В. Чичагова, Г.Р. Державина и др.⁵ Их авторы, беря преимущественно за образец английскую политическую систему, предлагали ввести в легитимные рамки компетенцию монарха и расширить права Сената, большинство членов которого должно было избираться дворянством.

Реформаторские настроения подогревались отчасти самим императором. Решено было привлечь в качестве консультантов для разработки нового законодательства виднейших зарубежных юристов, о чем были уведомлены российские послы в ряде европейских стран. Роль такого консультанта пытался взять на себя английский правовед Бентам, что было заранее обречено на неудачу, т.к. он практически не знал России. Вскоре деятельность Комиссии составления законов, которую после Завадовского поочередно возглавляли такие достаточно видные, но совершенно с различными политическими взглядами сановники, как Г.Р. Державин, князь П.В. Лопухин, М.М. Сперанский, постепенно угасла. На первый план вышли меры по институциональному усовершенствованию системы государственного управления.

Первыми «законосовещательными» органами, на которые опирался Александр I, были созданный 30 марта 1801 г. Непременный совет, в который вошли наиболее влиятельные са-

новники, и так называемый Негласный комитет, состоявший из молодых друзей-единомышленников императора (В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов, А. Чарторыйский). Именно на заседаниях последнего был составлен проект «Жалованной грамоты народу», рассматривались проекты расширения прав Сената и министерская реформа. В первые годы правления Александр, видимо, не имел четкого представления о необходимых преобразованиях высшего звена управления. Первоначально предполагалось высшим органом сделать Сенат, на который возлагались не только функции надзора и контроля за всеми присутственными местами и судебными учреждениями, но и право толкования законов (указ 8 сентября 1802 г.). Непременный совет (впоследствии, с 1810 г. – Государственный совет), в который, с введением 8 сентября 1802 г. министерств, вошли все министры, фактически должен был стать высшим исполнительным органом. Как отмечалось в указе по поводу его создания, его предназначение состояло в том, чтобы «постановить силу и блаженство империи Всероссийской на незыблемые основания закона». Затем таким учреждением стал Комитет министров, в котором председательствовал сам император. Исключительное положение этого органа подчеркивалось тем, что на него возлагались функции управления страной во время отъезда монарха. Внешне Комитет министров напоминал объединенное министерство. Но император распорядился так, чтобы председательствование в нем в его отсутствие осуществлялось поочередно всеми его членами, а принятые им сколько-нибудь важные решения осуществлялись только с «высочайшего соизволения». Все дела по управлению ведомствами Александр предпочитал решать путем личных контактов с отдельными министрами. Причем важную роль, как и при Павле, играла императорская канцелярия, которой фактически подотчетны были все высшие звенья управления.

Все эти преобразования были проведены так, чтобы никак не умалить императорские prerogatives. Когда Сенат, широко вещательно объявленный «верховным местом в империи», попытался, по самому незначительному поводу, использовать свое право толкования законов, император сначала гневно от-

реагировал на сенаторский «бунт» («я им дам себя знать»), а затем указом от 21 марта 1803 г. «разъяснил», что право толкования относится не к подписанным им, а только к ранее изданным указам. Комитет министров тоже постепенно утратил свою значимость, собираясь от случая к случаю для обсуждения, как правило, малозначащих дел. Да и сами министры далеки были от мысли о координации своей деятельности, предпочитая роль визирей при императоре, который продолжал практику единоличного управления. Учреждение министерств, вводившее ведомственное единоначалие, должно было, по замыслу их создателей, как-то упорядочить деятельность органов центрального управления, в которых царил хаос и произвол. Министерская реформа формально централизовала ведомственное управление и усилила его бюрократизацию. Но фактически она не оправдала ожиданий. Министры, по замечаниям современников, склонны были считать свои ведомства за пожалованные им деревни. Так, В.П. Кочубей в своем письме к А.Р. Воронцову писал: «Нет никакого согласия. Министры ненавидят друг друга и занимаются ябедничеством. Согласия, столь необходимого в управлении, не было никогда»⁶. Вместе с тем реформа имела и совершенно неожиданные последствия в сфере местного управления, став «головной болью» для правительства на долгие десятилетия. В губерниях возникли ведомственные учреждения различных министерств, фактически не подчинявшиеся губернаторам, что подрывало принцип единоначалия, крайне негативно сказавшись на статусе губернских начальников, которые считались представителями верховной власти на местах. А в целом введение новых управленческих институтов, в чем-то приближавшихся, хотя бы внешне, к формам государственного устройства европейских стран, фактически не изменяло сути самодержавного образа правления.

Консультантом императора в эти годы вновь выступил Лагарп, в очередной раз побывавший в России – с августа 1801 г. по май 1802 г. К этому времени он был уже умудренный политик, приобретший практический политический опыт на посту президента Гельветической республики. Бывший наставник убеждал своего воспитанника в необходимости преобразова-

ний. Россия, настаивал он, не может оказаться в стороне от событий, развернувшихся на Западе, не может не учитывать его уроков, злоупотребления в империи становятся все более нетерпимыми и могут со временем привести к «противоборству» между народом и властью. И он предлагал приступить к разработке гражданского и уголовного уложений, просвещению народа, к поддержке третьего сословия и постепенному освобождению крестьян от крепостной зависимости. Реализация реформ потребует длительного времени, осторожности и настойчивости. В России, по его мнению, много людей, настроенных против преобразований. Весьма интересен его экспертный анализ этой консервативной и даже враждебной массы. Это и высшие власти, и почти все дворянство, и большая часть мещанства, да и все люди зрелого возраста, которым «трудно перемениться», а также все те, кто напуган событиями во Франции, Швейцарии, Италии. Этой массе противостоит небольшая группа сторонников реформ, которую возглавляет император. Его поддерживают «несколько дворян, других просвещеннее», часть мещанства, ученых, незначительная группа младших офицеров. «Я из сего списка, – писал далее Лагарп, – исключая народ в массе. Он, конечно, желает улучшения своей участи, но не имеет никакого понятия о средствах, какие надлежит употребить, он сделался бы самым величайшим неприятелем, когда бы с ним стали совещаться при невежественном его состоянии или позволили ему только изъявить свое желание». Однако императора не должна смущать такая раскладка сил, т.к. со временем «число вспомогателей не замедлит приумножиться». Но на первых порах подготовка реформ должна вестись в тайне от общества, реализация замыслов должна быть постепенная и внешне незаметная, чтобы не возбуждать ненужных страстей, а во главе преобразований должен стоять монарх⁷.

Рекомендации Лагарпа, видимо, вполне совпадали с настроением Александра I, который, памятуя о недавнем дворцовом заговоре и опасаясь вызвать недовольство дворянства, а еще более – крестьянскую «пугачевщину», не спешил переходить от слов к делу. «Молодым друзьям» приходилось время от времени подталкивать императора к практическим шагам,

но, как правило, безуспешно. Да и сами они были сторонниками постепенности, граничащей с бездеятельностью. Весьма интересна в этом плане записка, поданная царю Строгановым, характеризующая его представление о состоянии российского общества и готовности последнего к преобразованиям. Автор записки, фактически дополняющей и конкретизирующей наблюдения Лагарпа, признавал, что есть опасность вызвать реформами недовольство помещиков и брожение среди крестьян. Но эту опасность не стоит преувеличивать. Что представляло собой высшее российское сословие? «Дворянство, – писал Строганов, – у нас состоит из множества людей, которые ... не получили никакого воспитания и все мысли которых устремлены на то, чтобы видеть только волю императора. Ни право, ни закон, ничто не может породить в них ни малейшего сопротивления. Это класс – самый невежественный, самый ничтожный, самый тупой. Вот приблизительная картина того дворянства, которое живет в деревнях». Не лучше, по его мнению, и дворяне, находящиеся на службе. Передовая часть их будет приветствовать реформы, другая же часть, хотя и составляющая большинство, может быть недовольна, но не стоит ждать от них какого-либо активного протеста. Об этом свидетельствует опыт павловского царствования, когда «всякая мера», даже угнетавшая дворян, «выполнялась с поразительной точностью, и никто другой, как дворянин, выполнял распоряжения, направленные против его собрата и против чести и интересов его сословия». «В стране с деспотическим режимом – читал я где-то – изменения значительно более легки и менее опасны, – продолжал автор, – так как они зависят от воли одного лица, за которым все остальные следуют, как бараны». Поэтому сильная власть монарха в эпоху преобразований – благо. Следует, однако, иметь в виду, что это мнение представителя олигархической аристократии, что в действительности поместное дворянство не было в целом такой уж серой массой и что среди него были и достаточно образованные и либерально мыслящие лица. Но в то же время, действительно, основная масса дворянства, поместного и служилого, не могла быть опорой реформаторов, хотя вместе с тем, действительно, воля царя воспринималась ими как

единственный закон, что и подтвердили позднее так называемые «великие реформы» 60–70-х годов этого века.

Крестьянство, по мнению Строганова, не может не ощущать тяжести рабства. Невозможность для него владеть собственностью и распоряжаться собой подавляет его способность, предприимчивость, ненависть его к помещикам очевидна. Однако отношения крестьян к царю совершенно иное – они видят в нем своего защитника, и всякое покушение на прерогативы царя вызовет с их стороны решительный отпор. Но, как и Лагарп, автор предупреждает против необдуманного и поспешного освобождения крестьян и сближения их с другими сословиями, т.к. это может привести к осознанию ими своего положения, а это, в свою очередь, «может... посеять семена очень опасного брожения». Это опасение разделялось всеми авторами проектов и записок и самим императором. Крестьянские выступления в царствование Александра I хотя и не приобрели массового характера, но своим постоянством держали власти в напряжении. Это обстоятельство, а также опасение заговоров со стороны офицерства и придворных кругов, видимо, и объясняют нерешительность и непоследовательность императора в практических мерах. К тому же он все более входил во вкус власти, и преобразовательные идеи, которым на словах он был привержен, все более приходили в столкновение с генетически врожденной психологией самодержца.

Уже в ходе заседаний Негласного комитета Александр твердо заявил, что обсуждаемые реформы должны быть «исключительно делом самого императора» и что «реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции»⁸. И действительно, из широковещательных деклараций царя, на которые он не скупился в кругу «молодых друзей», особенно в первое время, в практическое законодательство вошли лишь отдельные, в большинстве своем второстепенные меры, причем на первый план вышли административно-управленческие проекты. Сами заседания Негласного комитета становились все более редкими и постепенно прекратились, а его участники так или иначе отдалились от императора.

После неудачных антифранцузских коалиционных войн и ряда поражений, завершившихся позорным для России Тильзитским миром (1807), вызвавшим недовольство общества и критику властей, Александр I вновь вернулся к идее преобразований государственно-политического строя. На этот раз разработка плана реформ оказалась связана с именем М.М. Сперанского (1772–1839), ставшего ближайшим помощником и «спичрайтером» императора. Сын сельского священника, он с блеском окончил Петербургскую духовную академию и благодаря протекции заметивших его способности сановников поступил на государственную службу. Широко образованный и начитанный – он был знаком с трудами древнеримских и греческих мыслителей, французских и английских философов и публицистов, знал запрещенные труды А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, Ф.Ф. Ушакова, – недавний семинарист сделал блестящую карьеру. Начав ее как правитель канцелярии Непременного совета, он затем заведовал департаментом МВД, был членом Комиссии составления законов, товарищем министра юстиции и, наконец, статс-секретарем Александра I. С конца 1808 г. влияние его настолько возросло, что он считался едва ли не вторым лицом в сановно-бюрократической пирамиде. К этому времени он был уже автором ряда записок и проектов. Ему поручалось составление и редактирование манифестов и указов, положений и распоряжений, которые в изобилии издавались в годы александровского царствования. Способный, исполнительный чиновник, достаточно быстро схватывавший мысли императора и гибкий в изложении его замыслов, он привлек к себе внимание монарха еще, видимо, и тем, что он, в отличие от недавних «молодых друзей» по Негласному комитету, не был навязчивым и не пугал сюзерена своей настойчивостью. Александр, делившийся с ним в ходе продолжительных бесед своими замыслами, поручил ему составление «Плана государственного преобразования России», который вскоре был готов.

Документ этот, как справедливо отмечают исследователи, фактически имел двух авторов. Действительно, позднее, уже оказавшись в опале, Сперанский в письме к царю напоминал своему августейшему адресату историю разработки проекта.

«В конце 1808 г., – писал он, – после разных частных дел, Ваше Величество начало занимать меня постоянно предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам шедшие, и нередко удостоивая провожать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало наконец составить одно целое. Отсюда произошел “План общего государственного образования”»⁹.

В октябре 1809 г. проект под названием «Введение к уложению государственных законов» был представлен императору. Во вводной его части излагались причины необходимых преобразований, анализ которых поражает глубиной и, особенно для того времени, смелостью мысли. Все государства в своем развитии, отмечал автор, проходят определенные исторические фазы – от рабства, феодализма к республиканским формам правления. Это непреложный закон развития, что и демонстрируют страны Запада. «...Время есть первое начало и источник всех политических обновлений, – гласил важнейший постулат документа. – Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемогущего его действия устоять не может». Россия, согласно этому закону развития, «стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе»¹⁰. Правительство уже сделало первые шаги в этом направлении, приняв меры по упорядочению государственного управления, сближению сословий, по распространению просвещения и т.д. Стремление сдержать последствия этих мер, по мнению Сперанского, бессмысленно. «Какое, впрочем, противоречие, – тонко подмечал он, – желать наук, коммерции и промышленности и не допускать самых естественных их последствий, желать, чтобы разум был свободен, а воля в цепях, чтобы страсти утонялись и переменялись, а предметы их, желания свободы, оставались бы в одном положении, чтобы народ обогащался и не пользовался плодами своего обогащения – свободою. Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться»¹¹.

Ход истории, отмечалось далее, привел к тому, что Россия стоит на пороге социальных потрясений и положение ее сходно с тем, в каком находилась Франция перед революцией 1789 г. Однако в России революцию можно предотвратить путем своевременно принятых мер и в первую очередь – проведением необходимых политических преобразований «сверху». Эта мысль на долгие годы стала затем основополагающей в идейном арсенале «просвещенной» бюрократии и российского либерализма. Именно теперь, рассуждал автор, настало время для проведения в стране кардинальных преобразований, ибо возможности частичных перемен исчерпаны, – они не дадут желаемых результатов. «Все исправления частные, – писал он, – все, так сказать, пристройки к настоящей системе были бы непрочны. Пусть составят какое угодно министерство, распорядят иначе части, усилят и просветят полицейские и финансовые установления, пусть издадут даже гражданские законы: все сие введения, быв основаны единственно на личных качествах исполнителей, ни силы, ни твердости иметь не могут»¹².

Проект предусматривал модернизацию всей системы государственного управления, в результате чего Российская империя должна была стать правовым государством. Исходным было положение, что во всяком «благоустроенном» обществе должны главенствовать «положительные, постоянные, неподвижные законы», равно обязательные для всех, в том числе и для монарха. В основу государственного устройства должен быть положен принцип разделения функций власти – законодательной, исполнительной и судебной – при выборном народном представительстве, но, однако, при верховенстве монарха. Верховная власть выступает у Сперанского и как инициатор преобразований, и как их гарант. Это, по его мнению, должно составить отличительную черту российского основного закона и его преимущество перед западными конституциями, появление которых было результатом революций. В России же конституция «одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодаря вдохновению верховной власти».

В проекте была разработана стройная система всех видов власти на всех уровнях – от волости до центра. Распорядительные органы были представлены выборными думами: волостными, окружными и губернскими и высшим представительным органом – Государственной думой. Последняя, правда, не обладала правом законодательной инициативы, принимая для обсуждения уже готовые законопроекты. Такое право имел только император, который, кстати, утверждал и выборных лиц. Этого требовало, по мнению автора проекта, «пространство империи, разнообразие населения и степень нашего просвещения». Однако же формально ни один закон не мог иметь силы без рассмотрения его Государственной думой.

По такому же принципу формировались и органы исполнительной власти. При губернских, окружных и волостных правлениях планировалось создать советы, состоящие из представителей всех сословий, имевших собственность. В чем-то эти органы с начатками местного самоуправления были близки к прообразу будущих земских учреждений. Центральная исполнительная власть (министерства) формировалась из лиц, назначаемых императором и фактически только перед ним и ответственных.

Менее разработанным оказался раздел, посвященный органам судебной власти. Но они также должны были формироваться из выборных лиц, а высшей инстанцией для них должен был стать Сенат.

Высшим органом в империи, призванным объединять деятельность всех видов власти, должен был стать Государственный совет, представлявший собой совещательный орган при монархе. Члены его не избирались, а назначались царем, который и председательствовал в нем. Совет должен был закрепить незыблемость монархического начала в России.

При определении социального строя будущей конституционной монархии Сперанский отдавал предпочтение не сословному, а имущественному признаку, который и определял уровень гражданских и политических прав населения. В полном объеме этими правами располагали дворяне – владельцы недвижимости и крепостных душ; среднее сословие (купцы, ме-

шане, государственные крестьяне) пользовалось всеми гражданскими правами, но в политическом отношении – только в зависимости от размера имущественного ценза; «народ рабочий» (помещичьи крестьяне, прислуга, ремесленники, рабочие люди) фактически лишался политических и ряда важных гражданских прав. Но при этом допускался переход из одной сословной группы в другую путем приобретения недвижимости, выслуги на государственной службе или, наоборот, в результате утраты имущественного или юридического статуса.

Весьма интересно и предложение Сперанского об изменении административного деления, предусматривавшего выделение в центральной России, наряду с прежним губернским устройством, пяти крупных областей (Сибири, Кавказа, Оренбургского и Новороссийского краев и Земли донских казаков), представлявших собой особые территории со своими прочно сложившимися социально-экономическими, бытовыми и национальными особенностями. Им предполагалось предоставить определенную автономию.

Таким образом, проект имел в виду преобразование существовавшей системы государственного управления и закрепление той «истинной монархии», которая, добровольно ограничивая себя законом, фактически продолжала стоять над ним. Так своеобразно преломлялись в представлении автора буржуазные и традиционалистские, феодально-абсолютистские принципы государственного устройства. Несомненно, сам по себе проект мог быть шагом к становлению в России конституционной монархии. Однако только почти через сто лет и только под натиском революции российское самодержавие пойдет на введение представительного правления, взяв в качестве отправных принципов реформы основные положения именно этого проекта. Но тогда Александр I, в значительной мере причастный к творению Сперанского, предпочел «не узнать» собственные мысли. Ознакомившись с проектом, он с тревогой заметил: «Что же я такое? Нуль! Из этого я вижу, что он подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам своим»¹³.

Расчеты Сперанского на быстрое проведение реформ не оправдались. Из всего задуманного плана был реализован пункт об учреждении Государственного совета (указ 1 января 1810 г.) и уточнен закон об образовании и функционировании министерств (манифест 25 июля 1810 г. и указ 25 июля 1811 г. об «Общем учреждении министерств»). Но министерские реформы, полнее определив круг ведения ведомств и их взаимодействие, так и не создали объединенного правительства. Проект реорганизации Правительствующего Сената, который в какой-то мере должен был сыграть эту роль, был одобрен Государственным советом, но так и не был реализован. Преобразования лишь несколько усовершенствовали государственный аппарат, повысив уровень его централизации. Но сосредоточение всех властных функций в руках императора не сделало систему государственного управления более эффективной. Сперанский, отмечая это обстоятельство, в одной из своих записок констатировал: «...Множество дел... стали восходить на Высочайшее решение и, наконец, вся многосложная машина управления приведена в такое состояние, что ни одна часть не может двинуться без именного указа или повеления». Маркиз А. Коленкур, французский посол в Петербурге, ознакомившись каким-то образом с подготавливавшимися проектами, уведомлял в своем донесении Наполеона (15 августа 1810 г.), что в результате предполагаемых реформ власть «централизуется, и наблюдатель может заметить, что это царствование, будучи по форме более либеральным, чем предыдущее, закончится в итоге усилением абсолютизма»¹⁴.

Недовольство реформаторскими тенденциями охватило самые широкие слои столичного и провинциального дворянства и чиновничества. Негативное отношение к ним еще более усугублялось тем, что некоторые из преобразований Сперанского самым непосредственным образом затрагивали их интересы (например, указы об экзаменах на чин или о представлении свидетельств об образовании для занятия определенных должностей, ряд финансовых мер для ликвидации бюджетного дефицита – сокращение ведомственных расходов, повышение налогов и податей, особенно введение единовременных сборов

с помещиков и т.п.). Но дело было не только и не столько в отдельных частных непопулярных мерах. Дворянство верно уловило опасность для себя в общей направленности преобразований. Д.П. Рунич, в то время московский почт-директор, впоследствии отмечал: «...самый недалновидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная еще, в чем состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имевшие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперед плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобщее»¹⁵. Все это вызвало гвал ожесточенных нападков на реформатора. На Сперанского посыпались жалобы, доносы и даже обвинения в государственной измене. В условиях надвигающейся войны с Наполеоном император был вынужден удалить его из Петербурга, сослав его в Пермь. Правда, через некоторое время он был назначен пензенским губернатором, а затем сибирским генерал-губернатором с самыми широкими полномочиями. Но опала против него не была снята даже после его возвращения в 1823 г. в Петербург. Его место ближайшего советника и исполнителя монарших задумок занял вошедший вскоре в силу А.А. Аракчеев, ставший фактически руководителем Государственного совета и императорской канцелярии.

Отечественная война 1812 г. для судеб России имела весьма знаменательные последствия. С одной стороны, она вызвала единодушный патриотический подъем самых широких народных масс, которые (в какой уже раз!) отстаивали российскую государственность и независимость страны. С другой стороны, она имела следствием обострение гражданских чувств и тягу к идеям социальной справедливости. Эти настроения хорошо выразил участник войны декабрист А.А. Бестужев, писавший позднее, уже из крепости, Николаю I: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу. Тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а потом и народной. Вот начало свободолубия в России»¹⁶. Эти обстоятельства, несомненно, сказа-

лись на направлении всей внутренней политики Александра I. Во-первых, он вновь вернулся к идее конституционного переустройства власти. Следует отметить, что эта идея носилась в воздухе в послевоенной Европе. В 1815 г. конституционная монархия была установлена во Франции, конституционное устройство получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция, в чем немалую роль сыграла настойчивость именно российского императора. В беседе с П.Д. Киселевым император поделился своими мыслями о дальнейших преобразованиях. Смерть Екатерины II, отметил он, «не позволила ей азиатские обычаи и многое в правлении, по желанию ее, переменить. Мы должны теперь идти равными шагами с Европою; в последнее время она столько просветилась, что, по нынешнему положению нашему, оставаться позади мы уже не можем. Но на все надо время. Всего вдруг сделать нельзя... Помощников нет, кругом видишь обман... Россия может много, но на все нужно время»¹⁷. Во-вторых, угроза нарастания всеобщего крестьянского протеста, особенно на фоне продолжавшихся революций в ряде стран Запада (Испания, Португалия, Неаполь), заставляли не только императора, но даже и часть поместного дворянства обратить внимание на состояние российской деревни, на необходимость что-то предпринять в отношении крепостного права. Без этого все проекты по конституционному реформированию государственного строя оставались как бы незавершенными.

Собственно, Александр и не оставлял конституционных замыслов, которые он неоднократно пытался реализовать на западных окраинах империи. Для России вообще было характерно сохранение национальных особенностей в управлении присоединенными территориями. После присоединения в 1809 г. Финляндии там было сохранено конституционное устройство и гарантирована политическая автономия. Новым полигоном для опыта с задуманным им симбиозом конституции с самодержавной властью стало Великое герцогство Варшавское, вошедшее после поражения Наполеона в состав Российской империи. В 1815 г. Польше была дарована конституция, предусматривавшая создание выборного народного представитель-

ства и определенную автономию в управлении. Более того, выступая в марте 1818 г. на открытии первого общепольского Сейма, Александр обещал распространить эти «законно-свободные» учреждения на всю Россию. Русское общество, до того не посвященное в преобразовательные планы монарха, впервые официально было оповещено, что эта идея была предметом «непрестанных помышлений» императора, который считал эти учреждения не более и не менее как «спасительными» для страны, и что он намерен распространить их «спасительное действие» на все подвластные ему народы. Эти мысли, бывшие ранее известными лишь узкому кругу сподвижников царя, теперь были опубликованы в печати («Северная почта») и получили широкую общероссийскую и международную огласку. В том же 1818 г., посетив в апреле после Варшавы Бессарабию, Александр обнародовал «Устав образования Бессарабской области», устанавливавший в ней особое автономное самоуправление. Высшая законодательная и распорядительная власть здесь передавалась Верховному совету, который состоял из пяти назначавшихся императором членов и шести депутатов, избранных от местного дворянства. Решения, принимавшиеся Советом, не подлежали утверждению царем и были окончательны (не подлежали апелляции). Аналогичным образом формировались все сословные учреждения, земская полиция и суд.

Как бы в исполнение своих планов по введению «законно-свободных» учреждений по всей империи, Александр поручил Н.Н. Новосильцеву разработать соответствующий проект, работа над которым началась в мае 1818 г. К осени 1820 г. документ, получивший наименование «Государственная уставная грамота» (разработчики П.И. Пешар-Дешан и князь П.А. Выземский) был готов¹⁸. В главных своих положениях он в чем-то повторял конституцию Сперанского. Им предусматривалось введение двухпалатного Сейма (Сената, члены которого назначались царем, и Посольской палаты с выборными депутатами), местных представительных органов («сеймиков»). Декларировалось равенство всех граждан перед законом, неприкосновенность личности, свобода слова, печати, вероисповедания. При этом православие оставалось господствующей религией, а по-

литическое и гражданское равноправие предоставлялось только лицам христианских исповеданий. Право собственности объявлялось священным и неприкосновенным, и всякое посягательство на него объявлялось тягчайшим преступлением. Более разработанным был принцип федеративного устройства империи, которая, согласно проекту, разделялась на 12 наместничеств (округов), каждое из которых имело адекватную центральным органам структуру управления. Провозглашая принцип разделения властей, «Грамота» в еще большей степени, чем проект Сперанского, подчеркивала верховенство монарха над всеми властными структурами. И хотя авторы ее оставляли в неприкосновенности все дворянские привилегии и фактически не касались проблемы крепостного права, дворянско-консервативные круги быстро поняли, что принятие этого акта – первый шаг к введению ненавистой конституции и отмене крепостного права. Агрессивное неприятие влиятельными консервативными слоями общества любых форм конституционализма, несомненно, не раз заставляло императора задуматься. Очередной конституционный проект так и остался «без движения». Нерешительность Александра в значительной мере объяснялась и опасениями непредсказуемых последствий такого рода преобразований. Так, отправляя за границу своего брата Николая, он говорил ему, что в Англии лучше, чем где-либо, можно изучить устройство конституционных учреждений. «Я не знаю, – делился он своими сомнениями, – насколько они подходят к нашей стране. Впрочем, я никогда не стану врагом прогресса, но я предпочитаю оставить зло, чем искоренять его реформой плохой и опасной. Во всяком случае путешествие по Англии явится превосходной школой для вас, и я уверен, что оно принесет плоды, которыми Россия воспользуется впоследствии»¹⁹.

Внимание императора вновь привлекли сугубо административно-управленческие проблемы, связанные с реформой местного управления. Появился ряд проектов учреждения наместничеств (областей) в качестве посредствующего звена между верховной властью и губернской администрацией – для «бдительного надзора за исполнением в губерниях законов и пред-

писаний высших властей». Предполагалось введение коллегиального начала (советы при наместнике и губернаторах), с допущением отчасти выборности членов. Была даже предпринята попытка практической реализации этой идеи. Опытным полигоном стали Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская губернии, объединенные в одно генерал-губернаторство во главе с А.Д. Балашевым. Обследовав вверенные ему губернии, он в полном отчаянии сообщал в письме императору от 2 мая 1820 г.: «Отческое сердце ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний. <...> В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушание тьма. Недоимок миллионы. Полиция ничтожна. Дел в присутственных местах кучи без счету, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи в неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные, но и ябедников великое множество. Лучшие дворяне от выборов уклоняются. Чины и ордена не в той высокой цене, как должно. Жалованье чиновников и канцелярских служителей почти ничтожно, кроме винных продавцов и таможни. Хозяйственной части нет и признаку. Главные коронные доходы основаны на винной продаже. Всемиловитейший государь!.. Слава воина и дипломата гремит по Европе, но внутреннее управление в государстве вашем расслабло... Единственное на сей раз средство есть усилить местные управления; вы сие и предполагали. Докончите, государь, намерение ваше!»²⁰ Устрашенный увиденным, Балашев просил об отставке. Эксперимент, без каких-либо видимых успехов, продолжался восемь лет (1819–1827), после чего уже Николай I восстановил прежний порядок управления.

Необходимость отмены крепостного права уже давно осознавалась передовыми умами России. В частности, Негласный комитет располагал достаточным количеством проектов и записок по крестьянскому делу. На его заседаниях неоднократно обсуждались различные варианты приступа к решению этой, становившейся все более острой проблемы, в которую упирались и все попытки модернизации государственного строя. Но

как только дело доходило до принятия практических мер по реализации проектов, все советники царя, да и он сам, проявляли крайнюю осторожность. Причинами были и боязнь крестьянского «буйства», и нежелание поступиться хотя бы частью своей собственности, и опасения иметь дело с «безземельным пролетариатом». Наиболее авторитетный из членов Негласного комитета граф Строганов не раз предупреждал, что главная задача состоит в том, чтобы провести освобождение крестьян без потрясений: «...если нельзя выполнить этого условия, лучше совсем ничего не делать».

Император так и не смог определиться в принципах переустройства крепостной деревни. Вступив на престол, он прекратил раздачу государственных крестьян в частные руки. Но когда он в качестве меры по ограничению крепостного права предложил запретить продажу крепостных в розницу и без земли, Непременный совет в мае 1801 г. твердо отверг проект на том основании, что крестьяне и дворовые могут истолковать это как уменьшение или даже уничтожение прав помещиков. И монарх был вынужден уступить. Из многочисленных проектов первых лет александровского царствования фактически был реализован только один – указ о «вольных хлебопашцах», разрешавший помещикам отпускать своих крестьян на волю за выкуп. Последствия его были мизерны: за четверть века по этому указу были освобождены всего 47 тыс. душ мужского пола. Еще одним актом, каким-то образом ограничивавшим крепостное право в России, был закон 20 февраля 1804 г. о регулировании отношений между крестьянами и помещиками в Лифляндии. Он был разработан особым комитетом, в который входили чиновники и представители местного дворянства. Крестьяне-хлебопашцы наделялись некоторыми правами: они получали в наследственное пользование свои усадьбы, освобождались от рекрутчины, особые комиссии, состоявшие из дворян и чиновников, устанавливали размер крестьянских повинностей за пользование помещичьими землями, вводились элементы самоуправления в деревне (выборные волостные суды). Но при этом деревня почти полностью оставалась под вотчинной властью помещиков.

Затем почти десятилетнее топтание на месте, хотя император не раз высказывал свое негативное отношение к «рабству». В 1807 г. он, например, говорил генералу Савари: «Я хочу вывести народ из того варварского состояния, в котором он находится при существовании торга людьми. Я скажу даже более. Если бы образованность была на более высокой степени, я уничтожил бы рабство, если бы даже это стоило бы мне жизни»²¹. Время шло, а император все никак не мог решиться на какие-либо определенные меры. «Образованность» помещиков менялась крайне медленно, экономически же подавляющее большинство их вполне довольствовались прежними приемами хозяйствования. Основная масса крестьян, и владельческих, и государственных, за крайне небольшими исключениями, оставалась, при «попечительстве» помещиков и чиновников, в «невежестве», и особых перспектив в этом плане власти не видели. Попыткой найти какое-то решение этой проблемы можно считать введение так называемых «военных поселений» – совместное творение императора и Аракчеева. Исследователи видят в них не только попытку решения проблемы укрепления армии за счет создания постоянного контингента резервистов, находящихся на хозяйственном самообеспечении, но и путь к постепенному ограничению крепостного права, введению (правда, при жестком контроле властей) элементов крестьянского самоуправления и повышению эффективности крестьянского хозяйства. Вместе с тем Александр I не оставлял попыток склонить помещиков к добровольному освобождению своих крепостных. В частности, не без некоторого давления «сверху» такую инициативу в 1816 г. проявило эстляндское дворянство. По новому положению крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю и были вынуждены арендовать ее у своих прежних владельцев. В 1817 и 1819 гг. подобным же образом было отменено крепостное состояние крестьян в Курляндии и Лифляндии. По случаю проведения реформы в последней император заявил: «Радуюсь, что лифляндское дворянство оправдало мои ожидания. Ваш пример достоин подражания. Вы действовали в духе времени и поняли, что либеральные начала одни могут служить счастьем на-

родов»²². Одновременно он пытался подтолкнуть к такой же инициативе помещиков Малороссии. Однако дворянские собрания Полтавской и Черниговской губерний наотрез отказались от призыва принести «жертвы для общей пользы».

С середины второго десятилетия XIX века вновь оживляется работа над общим планом ликвидации крепостного права. В правительственных сферах создается ряд записок по крестьянскому делу, написанных если не по прямому поручению монарха, то с его ведома и согласия (записки и проекты П.Д. Киселева, Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрин, А.А. Аракчеева, Д.А. Гурьева и др.). Высказываясь за освобождение крестьян – как правило, без земли, авторы их растягивали этот процесс рядом «приготовительных мер» на десятилетия (проект Канкрин, например, до 1880 г.). Сам выбор весьма влиятельных сановников в качестве кандидатов в реформаторы свидетельствовал о серьезности намерений царя. Причем проект Аракчеева, едва ли не единственный в своем роде, предусматривал постепенный выкуп крестьян с землей по добровольному соглашению с помещиками и с участием казны. Выкупная операция рассматривалась автором как кредитная – принцип, положенный впоследствии в основу реформы 1861 г. В отношении же частных инициатив в этом деле позиция Александра отличалась двойственностью. Подталкивая помещиков к освобождению своих крепостных, император отклонял любые самостоятельные попытки дворянства выбирать пути освобождения крестьян и тем более создавать для этого какое-либо сообщество. Так, в частности, в 1816 г. он категорически отверг ходатайство 65 петербургских помещиков об утверждении составленного ими проекта освобождения крестьян. Уяснив из доклада суть дела, он решительно заявил: «Так предоставьте же мне издавать те законы, которые я считаю наиболее полезными для моих подданных»²³. Позднее, уже в 1820 г., группа высокопоставленных душевладельцев попыталась основать общество с целью «изыскания способов к улучшению состояния крестьян и постепенному освобождению от рабства как их, так и дворовых людей, принадлежащих помещикам, в сие общество вступивших». Записка была подписана рядом крупных сановников – князем

М.С. Воронцовым, князем А.С. Меншиковым, графом С.С. Поттоким, князем П.А. Вяземским и др. Однако Александр признал эту записку «ненужной», усмотрев, видимо, в ней очередную попытку вторжения в сферу прерогатив монарха.

И вот, когда казалось, что император близок к практическому осуществлению своих либеральных начинаний, все дело стало катастрофически быстро останавливаться. В постоянных колебаниях, присущих Александру, явственно стал брать поворот вспять. В политическом плане это проявилось в выдвижении мрачной фигуры могущественного временщика А.А. Аракчеева, сосредоточившего в своих руках все нити управления, в наступлении на печать, в усилении гнета цензуры, изгнании либеральной профессуры из университетов, насаждении в учебных заведениях обскурантизма и т.д. В начале 20-х годов появился ряд указов, которые вновь развязали произвол помещиков в отношении крестьян, в частности, позволили ссылать их за «предерзостные поступки» в Сибирь, запретили жаловаться на владельцев. В основе этого поворота лежал целый комплекс причин – внутренних и внешних.

Одной из основных причин фактического крушения планов Александра было состояние и уровень развития российского общества. Само понятие «общество» неоднозначно трактуется в исследовательской литературе. Одни исследователи используют его весьма широко, фактически в социологическом ключе, включая в него весь народ. В этом случае общество предстает как сумма весьма неоднозначных градаций – социально-экономических, политических, культурных, образовательных и т.п. В другом случае это понятие используется как синоним «общественности», образованного, политически и граждански активного слоя населения. Для изучения процесса формирования гражданского общества, видимо, следует иметь в виду оба подхода.

В социальном плане российское общество в начале XIX века представляло собой иерархически выстроенную сословную пирамиду – с привилегированной дворянской верхушкой, трактуемой законодательством как первенствующее сословие; весьма рыхлыми городскими сословиями – полупривилегиро-

ванным купечеством и податным мещанством, составлявшими вместе с духовенством среднюю часть пирамиды, и многомиллионным, фактически бесправным крестьянским сословием – помещичьи, удельные, кабинетские, государственные крестьяне, юридически подразделявшиеся на многочисленные разряды. Считалось, что все сословия, от высшего до податных, так или иначе предназначены к выполнению определенных государственных повинностей.

Дворянство, формально получившее свободу от государственной службы и зафиксированные в «Жалованной грамоте» 1785 г. права и привилегии, продолжало считаться служилым сословием, пополняя кадрами все звенья государственного аппарата (от высших до местных) и офицерский корпус. Вместе с тем оно имело и некоторые корпоративные права, дававшие возможность определенного самоуправления в рамках губернских и уездных дворянских обществ, а также право подавать властям ходатайства и петиции – вплоть до монарха. В принципе дворянские собрания могли использовать эти возможности для выражения не только своих интересов, но и общества в целом. Однако вплоть до 1861 г. они практически не пользовались правом обращения к высшим властям. Дворяне избирали на своих собраниях не только лиц, руководивших сословно-корпоративной жизнью дворянских обществ, но и замещало по своему выбору ряд должностей по местному управлению и суду. Причем все выборные должности приравнивались по статусу к государственной службе. Основным объектом критики дворянства было «беспородное» чиновничество, являвшееся, по его мнению, вредным «средостением» между монархом и народом. О главном предназначении высшего сословия, с точки зрения самого дворянства, весьма характерно мнение графа С.Р. Воронцова, которое он изложил в письме от 6 (18) мая 1801 г. Н.Н. Новосильцеву. «Дворянство... – писал он, – является ближайшим посредником между государем и народом. Оно помогает обуздывать народ и является естественной поддержкой трона. Нужно внушить народу самое глубокое уважение к дворянству... Только унижением и уничтожением дворянства жирондисты и якобинцы успели ниспровергнуть мо-

нархию во Франции... Ослаблять дворянство значит подкапываться под основание трона»²⁴.

Что касается купечества и мещанства, то они, согласно «Жалованной грамоты городам» 1785 г., тоже получили возможность учреждать свои сословные общества во главе с управяи, но компетенция их и возможности самоуправления были минимальны. Вопреки рекомендациям Лагарпа о необходимости создания третьего сословия в качестве особой социальной структуры этот вопрос в правящих верхах даже не поднимался. Наоборот, если при Павле купцы получили возможность, став коммерции-советниками, при обращении к ним властей за советом вносить проекты изменений и дополнений в законы о торговле, могли избираться и входить вместе с чиновниками и в равном с ними числе в Коммерц-коллегию, то при Александре выборы были прекращены и присутствие купцов в коллегии ликвидировано.

Наконец, крестьянство формально также имело общинное самоуправление, но фактически помещичья деревня находилась под опекой и жестким надзором владельцев и их администрации, собственно, так же, как и государственные крестьяне во взаимоотношениях с властями. Община, с одной стороны, формально располагала какими-то начатками самоуправления, с другой стороны, была фактически принудительным объединением и не предоставляла необходимой свободы своим членам ни в производственном, ни даже в бытовом отношении. Ярким примером доведения до крайностей администрирования в государственной деревне являлись военные поселения. В целом заложенные в сословных учреждениях начала самоуправления и постепенное перерастание их в общегражданские общественные организации или хотя бы особое позиционирование их в отношении властных структур в это время не прослеживается.

Зато заметно активизировалась так называемая общественность. Образованное, «просвещенное» общество, в какой-то мере располагавшее возможностями для изъявления своих интересов, по подсчетам исследователей, составляло в первой половине XIX века около 2,5–4% населения империи²⁵. Поли-

тически и граждански активная часть его представляла еще менее значительную величину. Именно эта его часть активно реагировала на повороты правительственной политики, формировала общественное мнение. Несмотря на завесу секретности, готовившиеся в тиши кабинетов проекты преобразований так или иначе становились известными, порождая массу слухов, домыслов и переживаний. Этому способствовала и некоторая либерализация режима, формирование системы учебных заведений, налицо был заметный рост количества частных печатных изданий, появление, наряду с возникшими еще в последней трети XVIII века салонами и клубами, новых общественных объединений.

Появились сатирические журналы – верный признак некоторого свободомыслия. Так, в Москве издавался журнал «Сатирический театр, или зрелище людей нынешнего света», публиковавший материалы против увлечения французским воспитанием, обличавшим пустоту светского общества, разоблачавший взяточничество, несправедливость и т.п. Такого же направления придерживался «Журнал карикатур», издававшийся в Петербурге. Наряду с новостями и светскими сплетнями общественность впервые получила возможность обсуждать и коренные проблемы состояния страны, пути ее развития. Основными политическими темами, естественно, стали преобразования государственного строя, административно-управленческие реформы и судьба крепостного крестьянства. При общей заинтересованности этими проблемами и признания их судьбоносными для страны, именно в это время обнаружилось расхождение в способах решения этих задач и наметились основные идейные направления – либеральное и консервативно-охранительное. Столичный «Дух журналов» (издатель Г.М. Яценко), публикуя статьи разных направлений – от либеральных до консервативно-патриархальных, направленных в защиту крепостного права, – в то же время помещал на своих страницах экстракты из текстов некоторых европейских конституций, обзоры текущих политических событий. Журнал «Русский вестник», издававшийся С.Н. Глинкой, известным публицистом охранительно-патриотического направления, резко криковал

французскую просветительную философию, приведшую к разрушительной революции, воспевал достоинства самодержавного правления и исторические подвиги русского народа. Порой между изданиями возникали острые дискуссии. Большой резонанс у публики вызвало появление в 1818 г. в журнале «Сын отечества» (ч. 45, № 17, 18) двух статей А.П. Куницына – «О конституции» и «О состоянии иностранных крестьян». Автор доказывал, что времена, когда монархи хотели царствовать только для себя, прошли, что конституционное правление отвечает «сердцу народа». Статьи были ответом на публикацию в «Духе журналов» (1817, кн. 49), посвященную сравнению русского крестьянства с иноземным, написанную в умилительно-патриархальном тоне. Дискуссия закончилась тем, что на книгу Куницына «Право естественное» (СПб., 1818–1820. Ч. [1]–2) был наложен запрет. Тем не менее, на ту же острую тему была опубликована книга известного ученого К.И. Арсеньева «Начертание статистики Русского государства» (СПб., 1818, 1819. Ч. 1–2), в которой автор утверждал, что для поднятия производительности труда нет ничего лучше, чем неограниченная гражданская свобода производителя, что Россия является государством с деспотическим правлением и что для свободного развития страны необходимо широкое распространение просвещения. Эти авторские позиции радикально отличались от взглядов известного историка Н.М. Карамзина, который ранее в «Записке о древней и новой России» (1810), фактически адресованной царю, утверждал, что никакие преобразования не нужны, что Россия «благоденствует» и нет никакой нужды в переменах, которые являются лишь простым подражанием Франции.

Заметный сдвиг прослеживается и в возникновении различных общественных объединений²⁶. История формирования организованной русской общественности фактически начинается с последней трети XVIII века, начало которой положило Вольное экономическое общество (ВЭО, октябрь 1765 г.). Для этого тридцатилетия характерно было возникновение, помимо аристократических салонов, разнообразных клубов: дворянско-чиновнические Английские клубы в Петербурге (1770) и Моск-

ве (1772), просуществовавшие фактически до 1918 г., петербургский купеческий Бюргер-клуб, музыкальные и танцевальные клубы и т.п. Для первой четверти XIX века, помимо салонно-клубных объединений, членство в которых ограничивалось рядом условий, характерным стало формирование прежде всего литературно-художественных и научно-практических сообществ, более демократических по своему составу: Дружеское литературное общество (1801–1802.), Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801–1811), Беседа любителей русского слова (1811), Вольное общество любителей российской словесности (1818), известное литературное сообщество «Арзамас» (1815), Московское общество испытателей природы (1805), Общество истории и древностей российских (1804), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ, 1820) и др. Некоторые из них, особенно научно-практические объединения, как ВЭО и МОСХ, имели почетный статус Императорских обществ. Обсуждение различных научных проблем, пропаганда передового зарубежного и отечественного опыта в промышленности и сельском хозяйстве и практическая помощь в его освоении – все это вполне отвечало видам правительства, которое даже оказывало некоторую материальную помощь этим организациям. Видам правительства отвечало и Общество истории и древностей российских, занимавшееся выявлением исторических материалов и их публикацией. Одним из важных направлений его деятельности была история российской государственности, и не случайно во главе общества оказывались представители правящей династии. Почти все литературно-художественные кружки и общества, в ходе дискуссий о путях развития литературы и искусства, не могли не касаться текущих политических проблем. Массовыми их, видимо, назвать еще нельзя, но, объединяя несколько сот действительных членов, они оказывали определенное воздействие на формирование общественности. Так, в уставе «Арзамаса» его цель определялась как «польза отечества, состоящая в образовании общего мнения».

Большинство таких объединений вскоре оказались политизированными, а некоторые даже эволюционировали в тайные

сообщества будущих декабристов. Мысли о лучшем устройстве государственного управления вышли за пределы чиновничьих кабинетов и становились достоянием общественности. Отчасти об этом свидетельствуют и уже упоминавшиеся многочисленные предложения и проекты, которые поступали на имя императора. В целом реформаторская направленность политики правительства поддерживалась либеральной общественностью, критиковавшей власти лишь за медлительность и неэффективность мер. В то же время любые либеральные проекты подвергались жесткой критике со стороны консерваторов, не принимавших реформы. Однако масштабы оппозиции были достаточно скромные, а расхождения между различными ее направлениями еще не носили четко оформленного противостояния. Характерной особенностью общественного движения и общественной мысли того времени была общность основных целей, при некоторых, часто весьма существенных, расхождениях в путях их достижений: противодействие деспотическим тенденциям верховной власти, преобразование ее в «истинную» монархию, ограниченную законом, упорядочение правовой базы государства, ликвидация «своеволия» чиновничества, постепенное распространение просвещения. Тем не менее, именно в это время начало формироваться поколение постоянных оппонентов власти. Постепенно набирало вес общественное мнение, оказывая неоднозначное влияние на реформаторские настроения императора, в какой-то мере став и причиной его колебаний.

Одним из ярких его проявлений стала общественная реакция на министерскую реформу. Введение министерств, пожалуй, впервые вызвало достаточно широкий резонанс в общественных кругах. «И Питер, и Москва несколько недель немолчно рассуждали о министерствах, — отмечал один из современников, князь И.М. Долгоруков. — Вошли в навяз старые слова с новым значением, стали, например, говорить: “Государь работал с таким-то министром”. Много ли надобно, чтобы вскружить голову? Словом, публика вся как бы проснулась, даже и дамы стали вмешиваться в судебный диспут, рассуждая о законах, бредить о конституциях»²⁷. Не менее острой реак-

цию вызвала варшавская речь императора 15 марта 1818 г. при открытии польского Сейма, опубликованная в правительственном официозе «Северная почта» и получившая оживленные отклики. Здесь было всё – и недоверие, и возмущение, и оскорбленное патриотическое чувство за Россию, которой дали «поляков» за образец, и надежда, что все останется «при одних обещаниях всеобъемлющих перемен». Дворянство уловило взаимосвязь и взаимообусловленность процессов политического и социального освобождения, хотя император ни слова не сказал о перспективах крестьянской реформы. Даже слышавший либералом генерал А.П. Ермолов считал, что правительство лишится поддержки дворянства и, оказавшись лицом к лицу с народом, вынуждено будет опираться не на закон, а на силу оружия. М.М. Сперанский также выражал обеспокоенность, что слухи об освобождении крестьян могут утвердиться в «черном народе», которые будут истолкованы так, что правительство уже не только хочет даровать свободу, но что оно уже ее даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение. Во всех государствах, а в России особенно, мало кто понимает разницу между свободой политической и гражданской. «По всей вероятности, – считал он, – смысл речи относится прямо к первой; вторая же должна быть отдаленным и постепенным ее последствием».

Такая реакция, видимо, еще раз заставила задуматься императора. Прежде всего он выразил крайнее недовольство публикацией своей речи, заявив министру внутренних дел Козодавлеву: «Все хотят мешаться в политические дела»²⁸. Возглавивший вскоре это ведомство В.П. Кочубей также был обеспокоен складывавшейся ситуацией. В письмах императору он писал: «Наша страна счастливая, никакое внешнее политическое событие не может еще повлиять на нее. Тем не менее, надобно сознаться, что у нас много недовольных. <...> Что у нас происходит брожение умов, этого никто не может отрицать... Я не утверждаю, что под этим кроется что-либо другое, кроме пустой болтовни. <...> ...но когда число болтунов возрастает до чудовищных размеров, когда помимо этого я знаю, что в стране несомненно существует сильное недовольство, то я говорю,

что не следует пренебрегать и пустой болтовней...»²⁹ Но не все была так безобидно. А.И. Кошелев писал о настроениях в московском обществе, которое даже критиковало императора за его «слабость» в отношении А.А. Аракчеева: «...все беспрестанно осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно желали ее и на нее полагали все надежды»³⁰. Именно в это время начали формироваться тайные декабристские общества.

Александр, видимо, ощущал эту опасность, как понимал и неготовность страны к кардинальным переменам. Еще указом от 13 января 1807 г. создается Комитет общей безопасности, учреждение которого связано было с усилением оппозиционных настроений, принявших особую напряженность после Тильзитского мира. Фактически учреждается тайная политическая полиция. Последовал ряд мер по ужесточению цензуры, участились преследования либерально настроенных университетских профессоров, широко стала практиковаться перлюстрация частной переписки. В положении о Комитете общей безопасности специальный параграф гласил, что через перлюстрацию переписки он должен получать сведения о «...подозрительных лицах, о разглашаемых слухах, сочинениях и известиях, вредные последствия иметь могущих, и о скопищах и собраниях подозрительных»³¹.

К началу 20-х годов современники отмечали состояние углублявшейся депрессии в настроении императора. Возникали тайные общества, о существовании которых монарх был информирован. Нарастало недовольство в армии, симптомом которого было восстание Семеновского полка. Экономика, финансы, государственное управление испытывали постоянные трудности. Ухудшалось международное положение России. В частности, рухнули надежды Александра на то, что созданный, в основном, по его инициативе в 1815 г. Священный союз европейских монархов обеспечит внутренний порядок в странах Европы, станет оплотом против революций и бунтов. Союзники отодвигали Россию от решающего влияния на европейские дела, хотя на конгрессе в Троппау русский монарх подписал вместе с Пруссией и Австрией протокол о вооруженном вме-

шательстве в дела других государств в целях борьбы с революцией. Начиная с Венского конгресса Австрия, Англия и Франция сводили на нет успехи русского оружия, стремились переделить Европу по своему усмотрению. Испания, Португалия, Пьемонт, Неаполь, Греция стали очагами народных возмущений. В начале 20-х годов Александр впервые, может быть, со всей ясностью понял, какая пропасть лежит между его либеральными мечтами и надеждами, осторожными конституционными шагами и возможной бурей народного возмущения или мятежа в случае жесткого введения преобразований в жизнь. Опасность справа грозила возможной личной гибелью, опасность слева ставила под вопрос само существование государственной системы. Это, видимо, и заставило Александра I свернуть свои программы и отказаться от продолжения радикальных преобразований, сохраняя при этом какую-то видимость продолжения работы над реформами. В августе 1821 г. Сперанский записал в своем дневнике поразительные по цинизму слова императора: «Разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться с преобразованиями, но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются»³².

Неурядицы и тупики в государственной и общественной жизни усугубились потрясениями и драмами в личной жизни монарха (безвременные смерти сестры Елены Павловны и дочери Софьи, пожар в царском дворце, ужасное наводнение в Петербурге и т.д.), углубившие состояние глубокой депрессии и ввергшие его в мрачный мистицизм. В этих условиях у него возникла идея отречения от престола и ухода в частную жизнь. Смерть императора в ноябре 1825 г. в Таганроге, породившая массу слухов о ее мнимости, неопределенность с наследованием (в связи с отсутствием у Александра прямых наследников и отказом от трона брата Константина) явились поводом для резкого обострения напряженности в обществе, завершившегося восстанием 14 декабря 1825 г.

- 1 *Ключевский В.О.* Литературные портреты. М., 1991. С. 442.
- 2 См.: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 299, 301.
- 3 *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 114.
- 4 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 26. № 19904. 5 июня 1801 г. Далее: ПСЗ.
- 5 См.: *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 69 -145.
- 6 Там же. С. 207.
- 7 Там же. С. 78, 79.
- 8 *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 31.
- 9 *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. М., 1905. С. 330.
- 10 *Его же.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 153, 154, 160.
- 11 Там же. С. 156.
- 12 Там же. С. 164.
- 13 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 185; История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. СПб., 1911. Т. 3. С. 80.
- 14 *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 282.
- 15 *Рунич Д.П.* Из записок Д.П.Рунича // Русская старина. 1901. Февраль. С. 355, 356.
- 16 Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства / под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906. С. 35.
- 17 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1. С. 29.
- 18 *Чернов К.С.* Забытая конституция. «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». М., 2007.
- 19 *Шильдер Н.К.* Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 482.
- 20 Цит. по: *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 399, 400.
- 21 История России в XIX веке. [СПб.], [1907]. [Ч. 1], т. 1. С. 32.
- 22 *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XX в. М., 1989. С. 11.
- 23 *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1. С. 129, 130.
- 24 Архив князя Воронцова. М., 1877. Кн. 11. С. 391.
- 25 *Мионов Б.П.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 210, 211.
- 26 См.: *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России, 1765–1917: историко-экономический очерк. М., 1963; *Клейменова Р.Н.* Общество любителей Российской словесности, 1811–1930. М., 2002; *Аронсон М., Рейснер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 119–188; *Туманова А.С.* Общественные организации

- и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 32–40; и др.
- 27 *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го в августе месяце на 25-ом году от рождения моего ... СПб., 2004. Т. 1. С. 594, 595.
- 28 *Общественные движения в России в первую половину XIX века.* СПб., 1905. Т. 1. С. 396.
- 29 *Вести из Петербурга в 1820 и 1821 гг.: собственноручныя всеподданнейшия письма графа В.П.Кочубея // Русская старина.* 1902. Февраль. С. 378, 386.
- 30 *Кошелев А.И.* Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы): с 7-ю прил. Berlin. 1884. С. 13.
- 31 *Анатолий Васильевич Предтеченский.* Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 19.
- 32 *Мироненко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 72.

АПОГЕЙ САМОДЕРЖАВИЯ

Разгромив восстание декабристов, новый император Николай I оказался в довольно сложном положении. В обществе шло брожение. Вспыхнули волнения крестьян (более сотни сравнительно массовых выступлений), для подавления которых пришлось применять военную силу. Пока шел процесс над декабристами, царь изучал ситуацию, пытаясь представить масштабы и глубину «крамолы», выработать линию поведения.

Будучи третьим сыном императора Павла, Николай I не считался претендентом на престол и не имел для этого специальной подготовки. С младенческих лет, следуя традициям царской семьи, он был зачислен на военную службу: в полугодовом возрасте был произведен в полковники и тогда же получил первое жалованье – 1 105 руб. Воспитателем его был назначен генерал М.И. Ламздорф, грубый самодур и солдафон, позволявший себе иногда даже поднимать руку на воспитанника. Правда, впоследствии великий князь получил обычное для императорских детей воспитание и образование. И хотя наставниками его были такие известные ученые, как экономист А.К. Шторх, правовед М.А. Балугьянский, историк Ф.П. Адельунг, литератор Н.В. Кукольник, Николай испытывал отвращение к отвлеченным гуманитарным знаниям, выучивая, по его собственным признаниям, к экзаменам «кое-что в долбляжку, без плода и пользы для будущего»¹. Единственное, что его серьезно привлекало, – это было военное дело, особенно фортификация. В этой области он проявлял незаурядные знания и

интерес, что и определило в дальнейшем его специализацию – руководство инженерными подразделениями русской армии. В последние годы жизни Александр I неоднократно давал понять своему младшему брату, что ему в скором времени, видимо, придется занять престол. И тем не менее обрушившиеся на Николая события были неожиданны, потребовав от него выдержки и решительности. И надо признать, что в этих чрезвычайно сложных условиях он проявил немало мужества и здравого смысла.

В первые годы царствования новый император пользовался достаточно высокой репутацией в обществе. Его сравнивали с Петром Великим (и он сам стремился подражать своему кумиру), чему в немалой степени способствовал и созданный им самим имидж решительного, жесткого, но справедливого монарха, готового не только любыми мерами восстановить порядок, но и не чуждого преобразовательных замыслов. Это imponировало и ревнителям самодержавно-крепостнических устоев и традиций, и поборникам некоторых умеренных усовершенствований режима, и сторонникам кардинальных реформ. В манифесте 13 июля 1826 г., изданном по случаю завершения суда над декабристами, он не только осудил «дерзостные мечтания, всегда разрушительные», но и признал необходимость постепенного усовершенствования «отечественных установлений». По его приказанию был составлен «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», в которых он находил «много дельного». Поводом для раздумий послужили и бумаги Александра I, и многочисленные записки и проекты, поданные, как обычно, к воцарению нового монарха, в которых содержались и критика существующих порядков, и предложения по их усовершенствованию – и справа, с требованием укрепления «основ», и слева – с пожеланиями преобразований.

Был создан секретный, так называемый Комитет 6 декабря 1826 г., в который вошли видные сановники прошлого и нового царствования – председатель В.П. Кочубей, члены М.М. Сперанский, И.В. Васильчиков, Д.Н. Блудов и др. Комитет должен был прежде всего «сделать обстоятельное обозрение» проектов

и записок, обнаруженных в бумагах Александра I, а затем на этой основе «обозреть настоящее положение всех частей управления, дабы из сих соображений вывести правила к лучшему их устройству и исправлению»². Напугав членов Комитета, Николай предложил им в ходе работы выяснить, «что ныне хорошо, что оставить нельзя и чем заменить». На одном из комитетских заседаний был полностью зачитан «Свод показаний» декабристов, что еще раз продемонстрировало внимание царя к программам «мятежников».

Одним из основных направлений деятельности Комитета стала работа по пересмотру системы высшего и местного управления, представлявшего, по справедливому замечанию его членов, картину «полного смещения властей». Но он не ставил задачу поиска путей коренного их преобразования. В одном из журналов Комитета отмечалось, что он считает целью своих трудов «не полное изменение существующего порядка управления, но его усовершенствование посредством некоторых частных перемен и дополнений»³. В основание пересмотра законов о государственных учреждениях был положен принцип разделения властей, но при этом совершенно определенно было заявлено, что осуществление этого принципа органически связано с упрочением самодержавия монарха. В результате предложения о разделении сфер деятельности ведомств свелись не к усилению их автономности, а к попыткам более четкого разделения компетенции существующих учреждений. В целом Комитет обнаружил удивительное мастерство по части подмены принципиальных нововведений чисто формальными внешними изменениями, в существе ничего не менявшими. Было предложено разделить Сенат на судебный и правительственный, придать Государственному совету сугубо совещательные функции, а Комитет министров вообще упразднить. Таким образом, фактически внешне были повторены проекты Сперанского 1809 г., с той лишь разницей, что тогда принцип разделения властей был завуалированным способом некоторого ограничения самодержавия, а теперь тот же принцип должен был открыто укрепить самодержавное правление.

В отношении реорганизации местного управления предложения Комитета сводились к обеспечению более действенного контроля за деятельностью местной администрации, ограничению произвола и самоуправства местных властей, за соблюдением ими строгой законности. С этой целью Сперанским был подготовлен «проект губернского учреждения», согласно которому в губерниях и уездах должны были создаваться коллегиальные административные и судебные присутствия, состоящие из представителей ведомств и местного дворянства. Все эти меры должны были способствовать укреплению и совершенствованию государственного аппарата, при его дальнейшей централизации.

Другим важным направлением его деятельности была попытка составить проект «Закона о состояниях», уточняющий и утверждающий права и обязанности сословий. Но вместо идеи Сперанского о необходимости сближения сословий, его предложений сделать их рамки более или менее условными, Комитет стал на позиции более четкого их размежевания и обособления. Первостепенное внимание было уделено дворянскому вопросу. Дело в том, что в правительственных кругах одну из важнейших причин выступления декабристов видели в оскудении дворянства и разбавлении его выходцами из других сословий. Князь И.В. Васильчиков, активный участник процесса над декабристами, суммируя свои впечатления, писал в 1829 г.: «Дворянство наше бедное... не прочно для правительства: переворот для него не страшен, ибо ему терять нечего; самое достоинство ему обременительно, не имея средств прилично содержать оное... Дворянство богатое связано существованием своим с престолом: оно все теряет с потрясением оно и всякий переворот грозит всему сословию потерю прав, ему дарованных, и достояния его»⁴. С целью поднять политическое и материальное положение высшего сословия Комитет предлагал, во-первых, предоставить помещикам право учреждать майораты – крупные заповедные имения, не подлежащие дроблению при наследовании, и, во-вторых, оградить сословие от наплыва претендентов на «благородство», отменив получение дворянского достоинства путем выслуги и оставив лишь один

путь – высочайшее пожалование. Для людей «среднего состояния» предлагалось создать особый разряд «именитых граждан», который должны были составить лица, ранее получившие дворянство на службе (достигшие обер-офицерского чина на военной службе или чина VIII класса – на гражданской). Только из них и могло идти пополнение высшего сословия, но опять-таки лишь по высочайшему усмотрению. Остальные городские неподатные сословия, уже окончательно лишаемые доступа в дворянство, должны были составлять потомственных и личных граждан, в сословия которых входили те, кто ранее мог претендовать на получение личного дворянства, а также купцы 1 и 2 гильдий и лица, получившие высшее и среднее образование. Все они освобождались от подушного оклада, рекрутского набора и телесных наказаний.

Особый раздел «закона о состояниях» посвящался крестьянству. Сперанский написал обширную записку, в которой были изложена целая программа законодательной разработки крестьянского вопроса, предусматривавшая постепенное ограничение крепостного права – запрещение продажи крестьян без земли и перевода их в дворовые, сохранение и расширение прав помещиков освобождать крестьян как с землей, так и без земли, как в одиночку, с семьями, так и целыми селениями; улучшение быта казенных крестьян, с тем чтобы их положение затем могло послужить образцом для помещиков и т.д. И лишь после осуществления этих предварительных мер, рассчитанных на неопределенно длительное время, крестьяне освобождались от крепостной зависимости, а их отношения с помещиками должны были определяться договорными условиями – за пользование помещичьей землей они должны были нести определенные повинности и выполнять определенные договорными работами. При этом Комитет, принявший предложения Сперанского, настаивал, чтобы редакция закона была составлена в таких выражениях, которые давали бы «почувствовать, сколь священо и неотъемлемо перед правительством и законом право и самих помещиков на собственность владеемой ими земли»⁵.

Предложенная программа, весьма умеренная, скорее даже консервативно-охранительная, в чем-то послужившая для Ни-

колая I ориентиром в его царствовании, была реализована лишь отчасти. Комитет формально просуществовал пять лет, но его регулярные заседания прекратились уже с 1830 г. К этому времени для императора стало ясно, что особой необходимости спешить с преобразованиями нет. Решать «конституционные» проблемы он начал с жесткой централизации государственного управления. Так, именно в его царствование был окончательно завершен переход министерств от коллегиальной к единоличной форме управления. Вместе с тем заметно сокращалась компетенция и роль Сената и Государственного совета. Фактически центральным правящим органом становится Собственная Его Императорского Величества Канцелярия: созданная еще в конце XVIII века как личная царская канцелярия, она превращается в высшее учреждение империи⁶.

Первое отделение ее становится связующим звеном между монархом и остальными высшими, центральными и губернскими органами власти. Сюда стекались министерские и губернаторские отчеты, все ведомственные бумаги, отсюда рассылались указы и повеления. Затем на отделение был возложен надзор за службой гражданских чиновников. В его рамках фактически сложились две новые бюрократические структуры, осуществлявшие и управленческие, и надзорные функции. Таким путем верховная власть пыталась преодолеть традиционный российский порок – саботаж чиновниками, особенно на местах, государственных распоряжений и инициатив. Переход к рационалистической модели управления потребовал значительного увеличения численности бюрократического аппарата. Если в конце XVIII века штат чиновников составлял 15–16 тыс. человек, то к середине XIX века он уже насчитывал 61,5 тыс. Правда, по этому показателю Россия все равно значительно уступала западноевропейским странам. Но российский бюрократизм имел своим следствием не столько оптимизацию управленческого механизма, сколько усложнение делопроизводства, низкую его эффективность, что не удалось преодолеть и Николаю I⁷.

Стремясь упрочить в стране законность и порядок, положить конец злоупотреблениям, Николай I уделил особое вни-

мание кодификации законодательных актов. Со времен Соборного уложения 1649 г. накопилось огромное количество манифестов, указов, положений, которые зачастую не только противоречили друг другу, но и друг друга отменяли, в которых практически невозможно было ориентироваться. Все предшествующие попытки власти разобраться в этом хаосе оканчивались безуспешно. Указом от 31 января 1826 г. было создано Второе отделение С.Е.И.В. канцелярии, которое должно было собрать разрозненные законодательные акты, расположить их в хронологическом порядке и на этой основе составить затем свод действующих законов. «Я желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов», – так сформулировал Николай I одну из важнейших задач своего царствования⁸. Во главе отделения император поставил своего бывшего наставника М.А. Балугьянского, но фактически всю деятельность этого учреждения возглавлял и направлял М.М. Сперанский. В 1830 г. гигантская работа по подготовке и публикации первого Полного собрания законов Российской империи была завершена. В него вошли более 30 тысяч законодательных актов – с 1649 г. по 3 декабря 1825 г., составивших 45 увесистых томов. Одновременно готовились и вскоре тоже были изданы шесть томов продолжения. К 1832 г. были подготовлены 15 томов «Свода» действовавших законов Российской империи, разбитых по сферам применения и ставших единственным основанием для решения всех дел⁹. Выступая на заседании Государственного совета, обсуждавшего вопрос о введении «Свода» в действие, Николай снял с себя Андреевскую звезду – высшую награду империи – и надел ее на Сперанского.

Этот акт высочайшего признания заслуг Сперанского был если вдуматься, в то же время и трагедией великого русского реформатора, окончательно перечеркнув все его многолетние попытки ввести в государственные строй России конституционные начала. В «Своде» центральное место занимали «Основные законы Российской империи», первая же статья которых гласила: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти

его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Остальные статьи лишь дополняли и развивали это положение. Закон и порядок, все правовые нормы регулировались авторитарным государством, все нити управления в котором сходились в руках императора. Так бесславно завершилась попытка Сперанского создать «истинную монархию», предполагавшую какую-то связь верховной власти с народным представительством: бесконечные уступки требованиям самодержцев завершились полным торжеством абсолютизма¹⁰.

Весьма характерны для николаевского режима были разделы 15 тома «Свода законов», содержавшего «Уложение о наказаниях». Переработанные и изданные в 1845 г. они с особой жесткостью карали виновных в преступлениях против государственного строя и порядка управления. Расплывчатость и неопределенность формулировок в отношении идентификации состава государственного преступления предоставляли широкий простор для использования карательными органами самых жестких преследований не только в отношении избличенных в «преступных деяниях», но и в предполагаемом умысле. Наиболее характерные в этом плане статьи «Уложения» гласили: «Изобличенные в составлении и распространении письменных или печатных сочинений, или изображений, с целью возбудить неуважение к Верховной власти, или же к личным качествам Государя, или к управлению Его государством, приговариваются как оскорбители величества: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет... Участвовавшие в составлении или злоумышленном распространении таких сочинений или изображений подвергаются тому же наказанию. Виновные в составлении сочинений или изображений сего рода, но не избличенные в злоумышленном распространении оных, приговариваются за сие, как за преступный умысел: к заключению в крепости на время от двух до четырех лет... За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публично речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, усиливаются оспаривать или подвергать сомнению неприкос-

новенность прав ее, или же дерзостно порицать установленный законами образ правления, или порядок наследия Престола, виновные в том подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до шести лет...»¹¹.

Постепенно империя превращалась в военно-полицейское государство. Особую роль в этой системе стало играть Третье отделение императорской канцелярии, созданное по указу 3 июля 1826 г. во главе с А.Х. Бенкендорфом, на которое был возложен политический сыск¹². Отделение, опиравшееся на жандармский корпус и разветвленную сеть тайных осведомителей, действовало от имени императора и фактически не считалось с компетенцией других ведомств. Обширнейшие функции отделения были распределены по пяти экспедициям: первая осуществляла следствие по политическим делам, связанным с революционными организациями; вторая – с расколами и сектантством; третья – вела слежку за иностранцами, выполнявшая фактически и роль контрразведки; четвертая – имела дело с крестьянскими волнениями, выявляя также и случаи жестокого притеснения крестьян помещиками; пятая – надзидала за периодической печатью. Исключительность положения и важность для императора этого отделения характеризует тот факт, что все министры имели, как правило, еженедельные всеподданнейшие доклады, а А.Х. Бенкендорф – ежедневные.

Четвертое отделение, созданное 26 октября 1828 г., фактически представляло собой реорганизованную канцелярию вдовствующей императрицы Марии Федоровны (супруги императора Павла I), в чьем ведении находились благотворительные учреждения и женские учебные заведения. Пятое отделение, учрежденное 29 апреля 1836 г. и считавшееся временным, занималось разработкой реформ, касавшихся положения государственных крестьян. Временным считалось и учрежденное 30 августа 1842 г. Шестое отделение, занимавшееся вопросами административного устройства Закавказья, итогом работы которого стало создание в 1844–1845 гг. Кавказского наместничества. Кроме того, в механизм императорского оперативного управления входили многочисленные комитеты, занимавшие

различными вопросами, само создание которых отражало складывавшуюся традицию царской реакции на возникавшие порой острые, а чаще тривиальные управленческие проблемы. Как правило, все они считались секретными, в чем, видимо, сказывалось недоверие монарха не только к обществу, но и к собственному бюрократическому аппарату.

Таким образом, при общей авторитарной тенденции в организации власти в государственном управлении сосуществовали две как бы параллельные властные «вертикали», с несомненным преобладанием «личных», канцелярских императорских структур. Причем эта тенденция дополнялась стремлением монарха к милитаризации всего гражданского управления, что нашло свое выражение не только в попытках искоренить традиционную азиатскую расхлябанность и безответственность чиновников и внедрить дисциплину и порядок в «присутственных местах», но и в попытках найти опору в военных кадрах, в армейской дисциплине. Известно *credo* Николая I: «Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит»¹³. Причем в своем стремлении к всеохватывающему контролю над ведомствами император готов был лично контролировать персональный состав служащих: «Я хочу возвысить гражданскую службу, как возвысил военную. Я хочу знать всех моих чиновников, как я знаю всех офицеров моей гвардии».

Усилились авторитарные тенденции и на уровне местного управления. В частности, это нашло отражение в увеличении числа генерал-губернаторств, в усилении власти губернаторов. Новый статус последних был определен в царском «Наказе губернаторам», изданном 3 июня 1837 г., в котором начальник губернии прямо назван был ее «хозяином»¹⁴. Если ранее власть его в какой-то мере ограничивалась губернским правлением, состоявшим из представителей местных ведомственных структур, а губернатор был лишь его председателем, то теперь губернаторская канцелярия стала фактически подменять этот коллегиальный орган, а ее организация стала напоминать императорскую канцелярию с тем же обилием комитетов и комиссий. Нашла здесь свое отражение и та же тенденция к вое-

низации. Помимо назначения на губернаторские посты действующих или отставных офицеров, широкое распространение получает практика назначения военных губернаторов, в ведении которых, помимо местной администрации и полиции, состояли и армейские части со всеми вытекающими из этого последствиями.

Вместе с тем верховная власть стремилась в целом сохранить традиционные механизмы управления национальными окраинами. Сохраняла свою автономию Финляндия, в Остзейском крае (прибалтийское генерал-губернаторство) поддерживалась и даже усилилась баронская система управления, до восстания 1830–1831 гг. действовала конституция Царства Польского. Чрезвычайные обстоятельства побудили Николая I отменить польскую конституцию, упразднить Сейм и Государственный совет. Вся власть была сосредоточена в руках наместника, национальные польские войска ликвидировались, воеводства были переименованы в губернии, официальным языком делопроизводства вместо польского стал русский и т.д. В целом же особенности традиционалистской модели управления в окраинных национальных районах империи власть стремилась сохранить. И, пожалуй, правы те авторы, которые считают, что из всех существовавших в XIX веке колониальных империй Россия менее всего соответствовала наименованию -- «тюрьма народов»¹⁵. Каким бы путем ни происходило присоединение тех или иных территорий (военной интервенцией, мирным присоединением, колониальным освоением), процесс их освоения носил чаще всего характер «мягкой» колонизации, с сохранением регионального автохтонного управления, с опорой на местные элиты. Свою специфическую систему управления имели Сибирь, закавказские княжества и ханства, Бессарабская область, Астраханская губерния, Башкирия и регионы с преобладанием казачьего населения. Так или иначе в большинстве окраинных национальных регионов функционировали параллельные управленческие механизмы – бюрократическая имперская вертикаль, налагавшаяся на местные традиционные этноконфессиональные властные структуры.

Таким образом, в то время, когда в большинстве западно-европейских стран политический строй преобразовывался, принимая те или иные конституционные формы, в России отчетливо прослеживается тенденция к сохранению и укреплению абсолютизма. Причем делалось это под предлогом борьбы за установление порядка и законности, под флагом национализма. Идейным обоснованием этой политики стала теория особого, самобытного пути развития России, отличного от Запада. Именно в николаевское царствование Россия и Запад стали противопоставляться друг другу как два различных мира, основанных на разных принципах, формирующих различные политические, национальные и религиозные ценности народного быта. В первых же манифестах, изданных после подавления восстания декабристов, подчеркивалась необходимость «очистить Русь святую от ... заразы», привнесенной с Запада, т.к. «не в свойствах и не в нравах русских был сей умысел». Поворот этот особенно усилился с начала 30-х годов. Это было время, принесшее немало волнений императору: эпидемия холеры и связанные с ней массовые волнения, бунты военных поселенцев, революция во Франции и, наконец, польское восстание. Реакцией на это Николая I было прежде всего «завинчивание гаек», мобилизация всего репрессивно-полицейского аппарата, а также усиление борьбы с «тлетворным» влиянием западных либеральных идей.

Все это стимулировало оформление так называемой «теории официальной народности», возникновение которой обычно связывается с именем министра народного просвещения графа С.С. Уварова. Последний, будучи еще товарищем министра, представил отчет о ревизии Московского университета, в котором впервые были сформулированы основные положения ставшей затем знаменитой «триады» – православие, самодержавие, народность. На этих началах он предлагал построить воспитание и образование подрастающего поколения, внедрять их в качестве основополагающих принципов не только в просвещение, но и в литературу, искусство, науку. Впоследствии эти принципы должны были лечь в основу всей внутренней политики правительства, ибо на них, по мнению автора, жиж-

дется величие и могущество России. Будучи европейски образованным человеком, Уваров понимал, что России неизбежно, при сохранении всех национальных, самобытных особенностей развития, предстоит повторить путь, пройденный Западом. Его *credo* было – отодвинуть ее хотя бы на 50 лет от того, что ей готовят теории. Впоследствии, с различными вариациями в определении этого срока, подобной установки придерживались многие российские государственные деятели. В принципе в этой идеологической «триаде» не было ничего нового. По мнению некоторых исследователей, это был простой парафраз старого воинского призыва: «За Веру, Царя и Отечество!»¹⁶. Еще Н.М. Карамзин в записке «О древней и новой России» (1811) утверждал, что самодержавие есть «палладиум» России, что оно не расторгнимо с православием, а то и другое – с народом. Но только с николаевского царствования эти постулаты начали активно внедряться в жизнь, став идеологической основой всей внутренней политики.

В сфере социальной основные усилия Николая I были направлены на сохранение и укрепление сословно-иерархической структуры общества, в чем он в какой-то мере руководствовался рекомендациями Комитета 6 декабря. Во всех мероприятиях, касавшихся высшего сословия, император придерживался ставшим уже традиционным взглядом на дворянство как на опору престола, считая себя первым дворянином империи. Дворянство играло важную роль, особенно в органах местного управления, замещая по выбору губернских дворянских собраний ряд коронных должностей по административному управлению, полиции и суда. Однако история, в том числе и недавняя, показала, что не на все дворянство можно положиться. Едва ли не сто лет назад появилась сановная оппозиция, стремившаяся к ограничению самодержавия путем олигархической конституции или угрозой переворота. Не случайно посетивший Россию французский путешественник маркиз де Кюстин, обозревая прошедшие царствования, характеризовал государственный строй империи как «абсолютную монархию, умеряемую убийствами». В целом Николай I сумел справиться с аристократической фрондой, которой так опасался еще его брат.

Вместе с тем император сознавал и опасность размывания сословия за счет роста численности обедневших дворян и пополнения его выходцами из других сословий, на что указывал ему в своей записке князь Васильчиков. Манифест 6 декабря 1831 г. «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» наглядно показал стремление монарха устранить от участия в жизни дворянских обществ мелкопоместных и немущих дворян, усилить контроль над дворянскими собраниями и в то же время шире использовать дворянские выборные органы для укрепления местного административного аппарата¹⁷. Указ четко устанавливал ценз, дававший право на участие в собраниях и выборах должностных лиц: владение не менее 100 душ крепостных или 3 тысячами дес. незаселенной земли, а также хотя бы кратковременное пребывание на государственной службе в классной должности. Исключение делалось лишь для дослужившихся до чина полковника (VI класс Табели о рангах) или статского советника (V класс), для которых ценз был понижен до 5 душ крестьян или 150 дес. незаселенной земли. Таким образом мелкопоместные и обнищавшие дворяне отстранялись от влияния на жизнь дворянских корпораций и на местное управление. Полноправные же члены дворянских обществ по-прежнему должны были соответствовать статусу высшего сословия как служилого и землевладельческого. Служба на дворянских выборных должностях приравнивалась к государственной. Дворянские собрания получили право подавать всеподданнейшие ходатайства, не только касающиеся внутрисословных дел, но и об «исправлении местных неудобств, хотя бы они проистекали от каких-либо общих положений», т.е. формально получали возможность влиять на решение некоторых общих вопросов управления. Правда, в то время они этим правом практически так и не воспользовались. Несколько расширяя компетенцию дворянских обществ, особенно в плане представительства в органах местного управления, где дворянство в ряде случаев восполняло отсутствовавшие звенья местного, особенно уездного аппарата, Николай I в то же время усилил контроль над корпоративной жизнью высшего сословия. Дворянство оставалось государственно-регу-

лируемым сословием, находившимся в ведении МВД и под бдительным контролем начальников губерний.

Наконец, следуя рекомендациям Комитета 6 декабря и пожеланиям самого дворянства об ограничении доступа в высшее сословие из других слоев населения, император существенно повысил требования к соискателям «благородства»: теперь такое право получали только выслугой чина штаб- (а не обер-) офицера и чиновники V (а не VIII) класса. Менее высокие чины предоставляли теперь право на получение только личного дворянства, фактически не принимавшего участия в дворянских собраниях. Мерой, призванной укрепить материальное положение сословия, стал закон 16 июля 1845 г. об учреждении наследственных заповедных имений (майоратов), размером не менее 10 тыс. дес. удобной земли и с годовым доходом не менее 12 тыс. руб. Таким образом, следуя английскому и немецкому образцам, Николай I попытался укрепить социальную базу режима за счет поддержки крупной земельной аристократии. Однако усилия эти в целом оказались безуспешными: до 1861 г. было учреждено только 17 майоратов.

Одновременно правительство предпринимало меры по созданию новых сословных градаций. Были созданы сословия «почетных граждан» – потомственных и личных, что должно было, с одной стороны, уменьшить поток домогательств на дворянское звание, а с другой – создать сословные рамки для средних слоев населения – мелких чиновников, купцов, лиц свободных профессий, а также вообще получивших высшее и среднее образование. Им предоставлялось особое положение – правда, без права на создание особых корпораций – и некоторые льготы – свобода от телесных наказаний, подушной подати, рекрутчины. Так, стараясь укрепить незыблемые устои режима, правительство стремилось вместить в сословные рамки новые социальные группы.

Но настоящей головной болью правительства оставался крестьянский вопрос и прежде всего – проблема отмены крепостного права. К середине 30-х годов Николай I окончательно склонился к убеждению о необходимости вплотную заняться этим крайне болезненным делом. Причин для этого было мно-

го. В «верхах», несмотря на безуспешность предшествующих попыток подойти к решению этой проблемы, зрело осознание необходимости принятия каких-либо мер, чтобы избавиться от гнетущего беспокойства. И дело было даже не в осознании преимуществ вольнонаемного труда перед крепостным – помещичье хозяйство в условиях того времени было, видимо, еще экономически достаточно эффективным, хотя и уступало западноевропейским образцам. Важным фактором, заставлявшим вновь и вновь обращаться к крестьянскому вопросу, было все более тревожившее правительство нараставшее недовольство крестьян и их стремление к свободе. И опять-таки дело было даже не в размахе крестьянского движения – в целом оно не было столь уж велико и не представляло сиюминутной реальной опасности, а в его постоянной направленности. Играли роль и факторы морально-этические: крепостное право фактически становилось рабством. Сам Николай I в 1847 г. на приеме делегации смоленских дворян так выразил свое отношение к крепостничеству: «Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством – с другой»¹⁸. Правда, поверить в это простодушное заявление трудно, т.к. еще при жизни императора государство от имени верховных правителей раздавало своим фаворитам огромные земельные площади и сотни тысяч крестьян.

Глава III отделения А.Х. Бенкендорф в своих обзорах о настроении различных слоев общества постоянно отмечал стремление крестьян к свободе. В «Обозрении расположения умов...» за 1834 г. он предупреждал, что дело это опасное, что приступить к нему надо крайне осторожно и постепенно, «ибо крестьяне в силу своего умственного развития смешивают волю с своеволием». Но делать что-то надо, так как «могут явиться люди, которым придет пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко вреду правительства» и тогда, призвав крестьян к борьбе за свободу, «им легко будет произвести великие бедствия»¹⁹. Через некоторое время в отчете за 1839 г. он уже прямо уведомлял императора: «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. <...> Вообще весь дух народа

направлен к одной цели, к освобождению... <...> Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же, и что ныне составила огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству»²⁰. Все это привлекало внимание императора, который отчеркивал такие места на полях донесений.

Постепенно в умах части высшей бюрократии и некоторых слоев помещиков утверждалась мысль, что лучше поступиться частью своих привилегий, чем ожидать повторения пугачевщины. В том же отчете за 1839 г. Бенкендорф писал: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа»²¹. Эту мысль едва ли не дословно повторял председатель Государственного совета князь М.В. Васильчиков: «Лучше сделать добровольно первый шаг в видах постепенно освобождения крепостных людей, либо иначе скоро настанет время, когда они сами потребуют себе прав»²². Лишь немногие из современников, наиболее дальновидные, осознавали, что освобождения крестьян требовали и более глубокие причины. В частности, П.Д. Киселев, отметившийся еще при Александре I своими предложениями по решению этой проблемы, в своих записках к новому царю проводил мысль о важных государственных выгодах, «какие должны последовать от освобождения людей крепостного состояния в видах распространения промышленности и развития народного богатства и в видах охранения общественного спокойствия»²³.

П.Д. Киселев, ставший при императоре Николае I, по характерной фразеологии последнего, «начальником штаба по крестьянской части», по подготовке и практической службе был военным, но заметно выделялся на фоне сослуживцев умом и широтой политического кругозора. В годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он был начальником штаба 2-й армии, а затем в 1829–1833 гг. управлял Дунайскими княжествами, где провел аграрную реформу, введя «инвентари», регламентировавшие отношения крестьян и помещиков. Имен-

но Киселев стал человеком, которому император доверял свои мысли по крестьянскому вопросу. Еще весной 1834 г. Николай сказал ему, что занимаясь рассмотрением труднейших дел, он «во главе их признает необходимейшим преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении оставаться не может»²⁴. Проведенное в предыдущем царствовании безземельное освобождение крестьян в Прибалтике никак его не устраивало, так как, считал он, это обрекает их на постоянное батрачество у местных баронов и на нищету, что крайне опасно. «Освободить крестьян без наделов – безумие», – полагал он. Но освобождение крестьян с землей создавало новую проблему, так как дворянство, справедливо опасаясь император, никогда не согласится с утратой своей собственности. Право помещиков на землю – незыблемое, по его твердому убеждению, право, полученное дворянством за их службу государству. К тому же это было бы покушением на «священный» принцип неприкосновенности частной собственности, апологетом которой был сам император.

Над решением этой дилеммы бились несколько созданных в 30–40-е годы «секретных комитетов», в деятельности которых видную роль сыграл Киселев, назначенный сначала начальником пятого отделения императорской Канцелярии (29 апреля 1836 г.), а затем главой созданного указом 26 декабря 1837 г. Министерства государственных имуществ, в ведение которого были переданы государственные крестьяне. Попытки правительства каким-то образом смягчить ситуацию и постепенно подготовить отмену крепостного права сначала предусматривали некоторые меры по ограничению помещичьего произвола: за время николаевского царствования было издано более 100 указов по защите крестьян от их владельцев и по регулированию их отношений. Наконец, император решил последовать советам Сперанского – начать решение проблемы с улучшения положения казенных крестьян, чтобы затем использовать накопленный опыт для переустройства помещичьей деревни. Деятельным помощником императору в этом деле и должен был стать Киселев. На Министерство государственных имуществ возлагалось общее попечительство над государст-

венными крестьянами. На местах создавались губернские палаты государственных имуществ, губернии делились на округа, во главе которых стояли окружные начальники. Каждый округ делился на несколько волостей, которые уже управлялись на выборной основе: крестьянские волостные сходы выбирали волостное правление, старшин и волостную судебную расправу; волости подразделялись на сельские общества, которые выбирали сельских старост, сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, сотских, десятских, наконец, сельские судебные расправы. Казалось бы, все эти выборные органы должны были бы составить систему сельского самоуправления. Фактически же все они были поставлены под надзор и управление громоздкого и дорогостоящего бюрократического аппарата, содержавшегося на средства опекаемой им казенной деревни, в котором чиновник играл едва ли не такую же роль, как и помещик, хотя государственный крестьянин считался лично свободным.

Вместе с тем введение новой системы управления сопровождалось некоторыми экономическими мерами по улучшению положения крестьян: были несколько увеличены наделы за счет землеустройства и переселения малоземельных хозяев из районов аграрного перенаселения на окраины, регулировалась оброчная подать, министерство стремилось перевести натуральные повинности в денежные и тем самым стимулировало рыночные отношения, создавались общественные капиталы, вспомогательные и сберегательные кассы, выдававшие ссуды как целым обществам, так и отдельным домохозяевам, внедрялись прогрессивные формы ведения хозяйства и т.д. Сделаны были первые шаги по организации в деревне приходских училищ, ставших впоследствии одной из основ системы массового образования. Если в 1838 г. насчитывалось всего 60 таких заведений, то к 1855 г. их было уже 2 434, в которых обучалось около 200 тыс. крестьянских детей²⁵. В целом реформа 1837–1841 гг. хотя и не внесла существенных изменений в положение государственных крестьян, лишь усилив попечительные начала властей в жизнь казенной деревни, но все же она, несом-

ненно, принадлежала к немногим удавшимся мероприятиям николаевского царствования.

Для разработки мер по преобразования помещицкой деревни в 1839 г. был учрежден очередной «секретный» комитет, деятельность которого окружена была глубокой тайной. Официально было только известно, что он занимается вопросом о «повинностях в казенных имениях западных губерний». Фактически в основу его работы была положена записка Киселева с критикой закона о вольных хлебопашцах 1803 г. и предложениями о его исправлениях и дополнениях к нему. По утверждению ее автора, закон 1803 г. противоречил как интересам дворянства, так и общей направленности политики правительства в крестьянском вопросе. «Увольнение крестьян с землей, – писал он, – требовало перехода всей собственности из владения дворян в пользу низшего сословия. Последствием сей меры было бы уничтожение самостоятельности дворянства и образование демократии из людей, перешедших из крепостного состояния. После сего не нужно, кажется, особенно доказательств, сколь мера сия противна государственному устройству, в котором дворянство, составляя необходимое звено, соединяющее верховную власть с народом, должно исключительно пользоваться правом владения заселенными землями»²⁶. Но также опасна и пролетаризация крестьянства. Проанализировав историю крепостного права в России и опыт освобождения крестьян в других странах, Киселев предложил способ ликвидации крепостных отношений, опробованный в Австрии и Дунайских княжествах. Проект предусматривал сохранение земельной собственности в руках помещиков. Крестьяне же, которым владельцы пожелают предоставить личную свободу, получают участок земли, но не в собственность, а в пользование за определенную повинность, и переходят в разряд так называемых «обязанных» крестьян. Личная их свобода должна состоять в том, что они получали право иметь свою собственность, распоряжаться своей личностью; выполнив обязательства в отношении помещиков, они могли переходить в другое сословие или переселяться на земли других владельцев. Казалось бы, проект имел сугубо продворянскую направленность. Но в нем были и

положения, серьезно ущемлявшие интересы помещиков, главным из которых было то, что государство не оставляло более на их усмотрение ни определение размеров крестьянского надела, ни формы и объем повинностей, которые предполагалось строго регламентировать. Крестьяне получали право в случае нарушений условий договора обращаться в суд. Земля же поступала в пользование общины, что должно было, с одной стороны, обеспечить выполнение крестьянами всего объема повинностей (круговая порука), а с другой стороны, обеспечить социальную защиту общинников от притязаний помещика. Таким образом, реализация проекта могла бы стать основой переходного этапа к освобождению крестьян с землей.

Документ и сопроводительная записка к нему были 18 марта 1840 г. отправлены к царю, и тот, ознакомившись с ними, так изложил свои впечатления: «Читал с особым вниманием и полным удовольствием; начала, на коих основан проект, мне кажется, весьма справедливы и основательны. Я не нашел сделать ни одного замечания и разрешаю вносить в Комитет»²⁷. Кажется парадоксальным тот факт, что Киселев, получив согласие императора, не поставил в известность об этом своих коллег, создавая как бы еще один уровень секретности. Тактика «начальника штаба по крестьянской части», видимо, состояла в том, чтобы полностью не раскрывая свой замысел, приоткрывать на каждом этапе определенную часть программы, чтобы иметь возможность маневра перед ожидавшимся сопротивлением дворянства.

И действительно, основные положения проекта, преодолев каким-то образом завесу секретности, вызвали панику в дворянской среде, предупредив и решительное противодействие большинства членов комитета. Принципам будущей реформы (наделение крестьян землей и определение властями объема их повинностей) были противопоставлены совсем другие положения (личное освобождение крестьян без земли, возможность для помещиков договариваться с крестьянами без вмешательства властей), что предопределяло полную бесплодность этого акта. Фактически последний был даже шагом назад по сравнению с указом 1803 г. Киселев вынужден был отказаться от

мысли определить условия заключения договора между помещиками и крестьянами в самом тексте закона, предоставив это, как и санкционировал император, «добровольному соглашению сторон».

С такой поправкой проект был принят 2 апреля 1842 г. Государственным советом, получив наименование указа об «обязанных крестьянах»²⁸. Выступая накануне (30 марта) перед членами совета, Николай I сделал заявление, с предельной ясностью обнажившее его позицию в этом вопросе. Признав, что крепостное право есть очевидное зло, император тем не менее тут же заявил, что «прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным» и что даже помысел об этом «в настоящую эпоху» был бы просто «преступным посягательством на общественное спокойствие и благо государства». Отметив «новые веяния», обнаружившиеся в жизни деревни, он указал, что они вызываются, в основном, двумя причинами. Во-первых, «неосторожностью» помещиков, которые дают своим крепостным «несвойственное состоянию последних высшее воспитание», через которое в них «развивается новый круг понятий». Во-вторых, некоторые помещики «употребляют свою власть во зло, а дворянские предводители... к пресечению таких злоупотреблений не находят средств в законе». Действительно, в 1834–1845 гг. за злоупотребление властью в отношении крестьян были привлечены к суду 2 838 помещиков, из которых 630 были осуждены²⁹. Главным достоинством предложенного комитета проекта указа, по мнению императора, является то, что он более четко и определенно декларировал, что «земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков». Но и крестьяне получают выгоду от этого акта, так как они объявлялись «крепкими земле», а не владельцам, и им не угрожает превращение в безземельных батраков. Весьма характерным был ответ императора на одно из выступлений члена совета, посчитавшего, что в таком деле полагаться лишь на добрую волю помещиков нельзя и что нужна законодательная мера принуждения, иначе договоры заключаться не будут. В ответ Николай I заявил: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на

то, чтобы приказать помещикам заключать договора: это должно быть, опять повторю, делом доброй их воли, и только опыт укажет, в какой степени после можно будет перейти от добровольного к обязательному». Окончательный вывод был такой: «Не должно давать вольности, но должно проложить дорогу к переходному состоянию...»³⁰. Таким образом, император, столкнувшись с резкой оппозицией и прекрасно помня о роли дворянства в решении вопроса о российском престоле, вынужден был отступить, демонстративно подчеркнув свою принадлежность к высшему сословию. Сам же указ имел ничтожные последствия: в царствование Николая I на положение «обязанных крестьян» было переведено менее 25 тыс. ревизских душ (из 10 млн. крепостных).

Однако и прямого отказа от перспективы изменений в помещичьей деревне в позиции монарха тоже не было. Об этом свидетельствовало создание новых секретных комитетов и издание новых указов. Так, в результате работы одного из таких комитетов был издан закон 12 июня 1844 г., разрешавший помещикам освобождать дворовых без земли за определенный выкуп (деньгами или работой). В 1846 г. был создан очередной комитет под председательством наследника Александра Николаевича: рассматривался проект введения обязательных «инвентарей» в помещичьих имениях, которые бы определяли размер крестьянских повинностей. Проект предусматривал признание за крестьянами права иметь движимую и недвижимую собственность, запрещал отчуждение крестьян без земли и перевод их в дворовые, со временем предполагалось предоставить крестьянам свободу перехода к другим помещикам и даже в другие сословия. Однако эти предложения частью были признаны «неудобоисполнимыми по совершенной новости дела» (хотя они во многом повторяли уже обсуждавшиеся ранее идеи Киселева), частью сочтены несвоевременными «за отсутствием других приуготовительных мер». В 1847 г. был принят закон, разрешавший крестьянам тех имений, которые выставлялись на продажу за долги, выкупаться на волю за собственный счет. После же 1848 г. Николай I как-то совсем отошел от мысли о каких-либо преобразованиях в крестьянском деле.

Особую значимость в годы николаевского царствования приобрела и торгово-промышленная политика правительства, что в немалой степени обуславливалось начавшимся процессом так называемого промышленного переворота, перехода от мануфактуры к фабрично-заводскому производству, придававшим особую остроту и злободневность вопросам, связанным с необходимостью выбора путей дальнейшего развития страны. Отношение к этому явлению и сама правительственная политика были весьма противоречивы. С одной стороны, власти не могли не видеть в промышленности одно из важных средств укрепления экономического потенциала страны, необходимое условие поддержания высокого международного статуса империи, укрепление материальной базы режима, увеличение доходных статей бюджета и т.п. Исходя из этого, правительство, как и ранее, предпринимало меры по поощрению развития промышленности и торговли. Если в начале XIX века в империи насчитывалось немногим более 2,4 тыс. промышленных, в основном мануфактурного типа, заведений, на которых было занято 95 тыс. рабочих, производивших продукцию на 25 млн. руб., то к 1855 г. число заведений достигло 9,9 тыс., число рабочих – 520 тыс., а стоимость произведенной продукции достигала 160 млн. руб. Правда, большую часть этих предприятий составляли мелкие и средние помещичьи заведения, занимавшиеся, в основном, переработкой сельскохозяйственной продукции, полученной из собственных имений, а среди рабочих значительную часть составляли крестьяне-оброчники. Среди крупных предприятий фабрично-заводского типа выделялись размером и объемом продукции текстильные фабрики, работавшие, как правило, на импортном оборудовании. Сохранена была протекционистская система внешнеторговых тарифов, принятая еще в 1822 г. и лишь несколько смягченная в 1850-х годах. В 1828–1829 гг. были созданы Мануфактурный и Коммерческий советы – совещательные органы при Министерстве финансов, в которые входили представители от купечества и предпринимательского дворянства. Не обладая распорядительной властью, эти советы принимали участие в подготовке правительственных законопроектов, собирая необходимые сведе-

ния о состоянии промышленности и торговли, популяризировали новейшие технические открытия, организовывали промышленные выставки, предоставляли ссуды и льготы предпринимателям, способствовали становлению новых производств. Власти предпринимали меры по подготовке квалифицированных кадров. В 30-х годах были открыты новые технические учебные заведения – Технический институт в Петербурге, Московское ремесленное училище, технические рисовальные школы, коммерческие и мореходные учебные заведения, открыты реальные классы в гимназиях. Сделаны были и первые попытки законодательно оформить отношения наемных рабочих и предпринимателей. Так, закон 1835 г. обязывал хозяев заключать с наемными рабочими письменные договоры, выдавать расчетные листы и иметь книгу регистрации расценок и расчетов. Так как большинство таких рабочих составляли крестьяне-оброчники, то закон запрещал помещикам отзывать своих крестьян до истечения срока найма и лишал рабочих права оставлять работу без согласия хозяина. Законом 21 декабря 1827 г. были снижены цены на купеческие и крестьянские свидетельства, дававшие право на занятие торгово-промышленной деятельностью, а дворянам разрешалось открывать в городах промышленные предприятия с правом записываться во все купеческие гильдии. В 1835 г. было учреждено первое в России акционерное общество – Российская бумагопрядильная мануфактура с огромным по тем временам складочным капиталом в 1 млн. руб. Наконец, положением 3 марта 1848 г. помещичьим крестьянам, с согласия их владельцев, было разрешено приобретать в собственность земли, дома, лавки и вообще недвижимое имущество, было облегчено получение паспортов, что заметно увеличило подвижность населения³¹.

К 1856 г. в России насчитывалось 2 207 городских поселений, численность населения которых (5,6 млн. человек) увеличилась по сравнению с 1811 г. вдвое. Правда, постоянные жители составляли в них немногим более половины (55%), остальные проживали в городах временно или находились случайно³². Административная, хозяйственно-экономическая и культурная жизнь городов формально регулировалась Горо-

вым положением 1785 г., допускавшим, как уже отмечалось, определенный уровень самоуправления «градского общества». Фактически же сословное самоуправление подменяло собой общегородское. В крупных городах, особенно торгово-промышленных, определяющую роль играло купечество и его сословные учреждения. С 1836 г. в небольших городах, где купечество фактически отсутствовало, разрешалось выбирать мещан на все общественные должности. Все это, казалось бы, свидетельствовало о влиянии на городскую жизнь новых веяний. Однако, видимо, не следует преувеличивать пробуржуазную направленность правительственных мер. Сама городская выборная служба была обязательной, тяжелой и не престижной. К тому же разрабатывавшееся в 20–30-е годы новое городское законодательство, предусматривало усиление в нем сословного начала за счет предоставления исключительных привилегий высшим сословиям. Принятое в 1846 г. Городовое положение, введенное первоначально только в Петербурге, вернулось к идее сословности, провозглашенной екатерининской «Жалованной грамотой городам». Но введенный новым положением имущественный ценз заметно ограничивал круг избирателей: избирательное право по выборам Общей городской думы предоставлялось только владельцам недвижимой собственности или капитала, приносящим годовой доход не менее 100 руб. серебром. При этом горожане, отвечавшие условиям имущественного и возрастного ценза (не моложе 21 года), делились на пять сословных разрядов: 1) потомственные дворяне; 2) личные дворяне, почетные граждане, не записанные в купеческие гильдии, иностранцы; 3) купцы; 4) мещане и 5) ремесленники. При этом старшие разряды (потомственные и личные дворяне, почетные граждане, купцы первой гильдии) имели преимущества: они выдвигали из своей среды кандидатов на должность городского головы, они же посылали большее число представителей в Распорядительную думу. И, наконец, в состав последней входил назначенный представитель «от короны», на которого возлагалось наблюдение за правильностью действий думы. Таким образом, новое законода-

тельство фактически было направлено на обособление, а не на сближение сословий³³.

Эта черта была присуща и правительственной торгово-промышленной политике в целом. Так, предоставляя льготы и поощряя частное предпринимательство, власти вместе с тем и здесь руководствовались сословными принципами, отдавая предпочтение дворянским вотчинным и посессионным предприятиям. Покровительственная тарифная политика, устанавливая, в частности, запрещение на ввоз чугуна и железа или высокие ввозные пошлины на них, фактически поддерживала крепостнически организованную уральскую металлургию, что в конечном итоге привело к потере лидерства России в этой отрасли на международном рынке. При отсутствии частного коммерческого кредита государственные ссуды под залог недвижимости и крепостных также в первую очередь учитывали интересы и потребности вотчинных предприятий. И даже насаждая профессионально-технические заведения, готовившие столь нужные для экономики кадры, правительство не отступало от строго сословных принципов, запрещая, в частности, принимать в них крестьян. Под предлогом заботы о перепроизводстве промышленной продукции и необходимости «разгрузить» города, особенно столичные, от «опасного рабочего элемента» со второй половины 40-х годов предпринимались меры по ограничению устройства новых предприятий, сокращению расходов на промышленные выставки и техническое образование. Министр финансов Е.Ф. Канкрин, проведший в 1839–1841 гг. удачную финансовую реформу, упрочившую курс рубля и упорядочившую денежное обращение (был введен размен бумажных денег на серебро), что сыграло благоприятную роль в экономике страны, в то же время был ярким противником железнодорожного строительства, считая Россию неподготовленной для столь «демократического» вида транспорта, который усилит подвижность населения и создаст почву для социальных конфликтов в будущем. За все тридцатилетнее николаевское царствование, помимо ветки Петербург – Царское село, была построена лишь одна крупная железная дорога, соединившая столицы.

В целом в торгово-промышленной политике самодержавия было немало внешне общего с экономической политикой западных стран, прежде всего Австрии и Пруссии, – роль протекционизма, тенденция к государственной централизации, к всеобъемлющему регулированию частной промышленности посредством законодательства, кредитов, разрешительной системой учреждения предприятий и акционерных обществ. Но способствуя так или иначе некоторому развитию этой сферы экономики, правительство вместе с тем пыталось совместить старые и новые хозяйственные формы организации производства, зачастую отдавая предпочтение именно первым, что, несомненно, тормозило процесс промышленного переворота, стремилось вписать возникающие новые социальные страты в старые сословные рамки.

Тем не менее, эти годы отмечены и тенденцией к некоторому количественному росту образованных, просвещенных слоев общества, его социокультурной и дальнейшей политической стратификацией. Объективные потребности страны в подготовленных административно-управленческих, хозяйственных, профессорско-преподавательских, учительских кадрах обусловили рост числа лиц с высшим и средним образованием. Численность учащихся в университетах за 1835–1847 гг. выросла с 2 642 до 4 512, в гимназиях – с 14 075 до 20 970. К 1855 г. эти показатели несколько снизились – до 4 127 в высших и до 18 201 в средних учебных заведениях. Но уже вскоре ситуация выправилась, и позитивные сдвиги в этой сфере продолжились: в 1857 г. количество студентов составило 4 714, учащихся средних учебных заведений – 20 274³⁴. И тем не менее, потребность в образованных кадрах продолжала оставаться весьма острой. Государственный совет, обсуждая в 1834 г. проект Устава о службе гражданской, констатировал, что и «через 25 лет после указа 1809 г. ни средние, ни высшие наши училища не могли доставить такого числа образованных науками чиновников, какое нужно для всех родов службы». Выход был один: «Во всех родах службы дать решительное преимущество в чиновнопроизводстве лицам, науками образованным»³⁵. Правительство продолжало придерживаться курса на всесословность при

приеме учащихся (за исключением податных сословий) и предоставление при поступлении на государственную службу и в ходе дальнейшей служебной карьеры преимуществ образованию перед происхождением. В результате удельный вес сыновей дворян и чиновников среди студентов университетов, при некотором абсолютном росте их численности, держался примерно на одном уровне, составляя около 2/3 учащихся. Стремясь все же обеспечить за дворянством определенные преимущества в высшем и средних звеньях государственного аппарата, правительство, наряду с лицеями, создавало новые специальные учебные заведения, для поступления в которые необходим был сословный ценз (Пажеский корпус, лицеи, особенно престижным стало открытое в 1835 г. Училище правоведения), организовывало для дворянских детей специальные пансионы и т.п.

Несмотря на рост числа выпускников высших и средних учебных заведений, некоторые сдвиги в системе начального просвещения, образовательный и культурный уровень русского общества в целом, не говоря уже о податных сословиях, оставался еще крайне низким. Почти весь контингент выпускников университетов, специализированных вузов и училищ поглощался государственным аппаратом. И тем не менее, о возраставших культурных запросах общества и интересе к событиям политической жизни свидетельствовали непрекращавшаяся тяга к чтению, рост числа подписчиков на «толстые» литературные журналы, активизация издательской деятельности. Общественная жизнь по-прежнему сосредоточивалась в разнообразных кружках, салонах, клубах, помещичьих усадьбах и т.п. Число их продолжало расти и к 1830 г. составляло не менее 54³⁶. Затем исследователи отмечают некоторый спад: в 1830–1840 гг. их насчитывалось (правда, без провинциальных, но с учетом некоторых заграничных салонов) уже чуть более 40. Важно отметить, что в их собраниях, наряду с представителями различных кругов общественности, нередко участвовали и чиновники, в том числе и из высших сфер, что, видимо, представляло возможность для взаимного обмена мнениями и информацией.

Но в целом число общественных ассоциаций практически не выросло. Наиболее крупными из научных объединений, возникших в это время и так или иначе сотрудничавших с властью, были Русское географическое общество (1845), посвятившее свою деятельность изучению земель, народов и ресурсов Российской империи, и Археолого-нумизматическое общество (1846 г., позднее, с 1866 г. – Русское археологическое общество). Оба они включали в свой состав крупных ученых, деятелей культуры, видных сановников, пользовались благорасположением властей (в том числе отчасти и казенным финансированием), возглавлялись лицами из императорской фамилии и вскоре получили статус императорских обществ. В эти же годы возникло не менее 15 провинциальных сельскохозяйственных и экономических обществ, которые наряду с МОСХ стали проводниками различных достижений аграрной теории и практики на местах. Министерство государственных имуществ использовало их в качестве поставщиков информации о нуждах сельского хозяйства, участвовало в их научных и технических разработках. Продолжали свою деятельность и ряд обществ, созданных ранее. Так, Вольное экономическое общество в 1825 г. открыло сельскохозяйственную школу для крестьян, в 1844 г. – собственное земледельческое училище в Гатчине, а затем и в Петербурге. С 1838 г. Общество налаживает издание «Сельскохозяйственной библиотеки», выпускавшей популярные книжки для народного чтения, а со второй половины 30-х годов приступило к устройству губернских публичных библиотек. При Московском обществе сельского хозяйства в 1845 г. создается Комитет грамотности, занимавшийся проблемами народных школ. Оживляется деятельность Императорского минералогического общества, занимавшееся изучением природных ресурсов страны, приступившего с 1830 г. к изданию своих «Трудов».

Литература, журнальная публицистика по-прежнему, особенно в первые годы нового царствования, оставались главной сферой общественно-культурной жизни образованных кругов, формировавших в значительной мере общественное мнение. Несмотря на усложнившиеся политические обстоятельства, это

было время расцвета творчества блестящей плеяды русских писателей, поэтов, литературных критиков, мыслителей самых различных направлений – А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, А.Н. Островский... Различия касались не только литературно-художественных направлений и школ. Все более отчетливым становилось и идейно-политическое разномыслие. Заметно усилились позиции консерваторов, стремившихся к сотрудничеству с властью, в частности, принявших участие в разработке новой идеологической доктрины самодержавия, хотя полного слияния между ними так и не произошло. К этому направлению может быть отнесена, пожалуй, большая часть периодических изданий – газета «Русский инвалид» с «Литературными прибавлениями» к ней под редакцией А.А. Краевского (будущий издатель «Отечественных записок») в 30–40-е годы был последовательным сторонником теории «официальной народности»), журналы «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, «Телескоп» Н.И. Надеждина, «Москвитянин» М.П. Погодина и С.П. Шевырева и др. В этом стане оказались и А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев, пересмотревшие многое из политических стереотипов, сложившихся под влиянием философии эпохи Просвещения. Так, Пушкин, получивший в личные цензоры самого императора, теперь высказывал мысли о необходимости «для российского государственного организма» неограниченной монархии, стоящей «выше всех и даже выше самого закона», о «нестерпимом тиранстве североамериканской демократии», о положительном влиянии немецкой философии, спасающей молодежь от влияния идей французской революции. По его мнению, правительство вполне имеет моральное право контролировать и ограничивать печать путем введения жесткой цензуры. При этом оно может рассчитывать на сотрудничество с «людьми хорошими, а не с литературными шельмами». И он вместе с Жуковским предлагал властям издание частного литературно-политического журнала «согласно с видами правительства», который бы объединил вокруг себя «людей полезных, которые все еще дичатся (правительства. – А.К.), напрас-

но полагая его неприязненным к просвещению»³⁷. Особое влияние на многих недавних либералов оказали революционные события 1830 и 1848 гг.

Либеральное общественно-политическое течение, как и ранее, не было сколько-нибудь цельным и организованным. Трудно даже назвать какое-либо периодическое издание, которое можно отнести к «чисто либеральным». Представители этого направления общественной мысли публиковались, наряду с консерваторами и даже радикалами, и в «Вестнике Европы», и в «Отечественных записках», и в «Литературной газете», и в «Телескопе», и в «Европейце», и в «Московском телеграфе». Наиболее заметными течениями были так называемые «славянофилы» и «западники», окончательно сформировавшиеся в 40-х годах. В историографии нет единой точки зрения на политическую принадлежность первых к либералам. Но в последнее время большинство исследователей склонны считать и «славянофилов», и «западников» различными направлениями зарождавшегося российского либерализма. И те и другие были убежденными сторонниками отмены крепостного права. И те и другие выступали за необходимость реформирования государственно-политического строя: одни при этом видели идеал в вечевом строе прошлого, другие – в представительских началах и либеральных свободах Запада. Но при этом оба течения отдавали инициативу преобразований верховной монархической власти, при посредстве воздействия на нее общественного мнения.

Левый радикализм был представлен, в основном, различными студенческими кружками. Среди них были и тайные объединения, ставившие целью продолжение дела декабристов, введение в России конституционных начал, вплоть до осуществления цареубийства, как это планировалось кружком братьев Критских, возникшим среди студентов-разночинцев Московского университета в 1826–1827 гг., и близким к нему кружком Н.П. Сунгурова, и возникшие там же в начале 1830-х годов более умеренные литературно-философские кружки Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского («Литературное общество 11-го номера»), А.И. Герцена и Н.П. Огарева, постепенно в хо-

де философских и литературных споров приобретшие лево-радикальный характер. Ряд таких кружков и обществ возник и в провинции – во Владимире, Харькове, Курске, Одессе, Перми, Астрахани. Все эти ассоциации были немногочисленны, разрознены, как правило, слабо оформлены организационно, влияние их на общество было весьма незначительно. Но тем не менее их существование вызывало крайнее беспокойство властей. Тем более, что вскоре после их ликвидации возникали новые очаги радикализма. Так, в 40-х годах действовало Кирилло-Мефодьевское общество, ставившее целью создание славянской демократической федерации, и привлекший особое внимание властей кружок петрашевцев (по имени руководителя М.В. Буташевича-Петрашевского), фактически представлявший собой ассоциацию ряда кружковых объединений, члены которых разделяли республиканские или монархическо-конституционные идеи, а многие причисляли себя к социалистам-фурьеристам.

Все эти объединения вскоре после их возникновения были разгромлены полицией, их участники жестко наказаны. К этому времени вступило в действие новое «Уложение о наказаниях», уделявшее особое внимание государственным преступлениям. По делу петрашевцев к следствию были привлечены 123 человека, 21 из которых (в том числе Ф.М. Достоевский) были приговорены к расстрелу. Правда, после демонстрации обряда «казни» все они были помилованы и сосланы на каторгу. Участники других объединений в лучшем случае отделялись исключением из университета и высылкой в провинциальные города или имения.

Однако все эти меры были признаны недостаточными, и власти принялись искоренять «крамолу», рассадником которой были признаны прежде всего учебные заведения. В заведения от гимназии и выше было разрешено принимать только лиц «свободного состояния», крестьяне могли быть допущены только в приходские училища. В рескрипте 1827 г. министру просвещения император указывал, что систему образования следует привести в такое состояние, чтобы она соответствовала будущему «вероятному предназначению обучающихся, чтобы

каждый... не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвысится над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться»³⁸. Построенный на этих принципах школьный устав был утвержден 8 декабря 1828 г. В гимназиях, согласно распоряжению от 21 марта 1849 г., с 4-го класса было произведено разделение учащихся на классическое отделение, дававшее право поступления в университет, и реальное – согласно «будущего предназначения» гимназистов. Таким образом, преемственная связь между различными типами учебных заведений была нарушена: каждый тип школы становился строго замкнутым и сословно-обособленным, в школах вводились телесные наказания. С 1833 г. резко сокращается число частных учебных заведений. Подверглась пересмотру и сама университетская система. Согласно уставу 1835 г. автономия университетов и их роль в учебных округах была существенно ограничена – они лишались права надзора за низшей и средней школой, которое передавалось попечителям учебных округов. Даже благонамереннейший министр просвещения С.С. Уваров, имевший своей целью «отодвинуть Россию на 50 лет от того, что ей готовят теории», но высказавшийся за сохранение университетской автономии, был вынужден подать в отставку. В 1850 г. (при министре П.А. Ширинском-Шихматове) из университетской образовательной программы были упразднены философия и государственное право, преподавание логики и психологии возложено на профессоров богословия. Были закрыты Варшавский и Виленский университеты, число своекоштных студентов распоряжением императора было существенно ограничено, прекращался доступ в Россию преподавателей-иностранцев. Затруднено было и получение образования за границей. Правда, вскоре нужда в подготовленных кадрах заставила правительство отказаться от курса на изоляцию от Запада. В частности, вновь была разрешена подготовка университетских профессоров в западноевропейских университетах. О противоречивости политики Николая I в области образования даже барон М.А. Корф, активный член цензурного комитета, а затем товарищ министра просвещения, отмечал, что «правительство, щедро насаждая одною рукою про-

свещение, другую хотело опять исторгнуть все им насажденное»³⁹. О том же свидетельствует оценка состояния просвещения в империи А.Х. Бенкендорфом, данная им в ходе беседы с императором. Упор при этом глава III Отделения делал на политическом аспекте проблемы. По его мнению, «Россию наиболее ограждает от бедствий революции то обстоятельство, что у нас, со времен Петра Великого, всегда впереди нации стояли ее монархи; но что, по этому самому, и не должно слишком торопиться ее просвещением, чтобы народ не стал, по кругу своих понятий, в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление их власти». Спустя же некоторое время он, вновь касаясь этой темы, вынужден был признать, что ставя «умственные плотины» на пути западной образованности, нужно все-таки постепенно просвещать народ, но в «патриархальном духе», т.к. он «при всех усилиях пекущегося о нем правительства досель еще не вполне воспользовался даруемым ему просвещением, вследствие чего некоторые беспорядки, как результат полуобразованности – неизбежны»⁴⁰.

Особым преследованиям подверглась печать, литература, в которых власть также видела рассадник «вольнодумства». Уже 10 июня 1826 г. был утвержден новый цензурный устав, подготовленный еще в последние годы предыдущего царствования. Современники окрестили его «чугунным» – такой тяжестью лег он на авторов и издателей, подавляя всякую свободу взглядов. Он требовал от цензоров под страхом всяческих кар – вплоть до изгнания со службы и уголовного преследования – «ограждения святыни престола, поставленных от него властей, законов отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злоумышленного и преступного, но и неумышленного на них покушения»⁴¹. При освещении вопросов внутренней жизни страны в печати запрещалось касаться не только деятельности правительства, но и действий местных властей, затрагивать вопросы, так или иначе касающихся каких-либо изменений существующих порядков. По цензурному уставу 1828 г. правом цензуры пользовались, кроме III Отделения, и почти все ведомства. В случае обнаружения каких-либо нарушений правил, цензоры должны были «немедленно изве-

щать высшее начальство для учреждения за виновным надзора или же предания его суду по законам». Показательным было запрещение в 1832 г. журнала И.В. Киреевского «Европеец» за публикацию издателем статьи «Девятнадцатый век», в которой автор доказывал пользу включения в русскую образованность плодов европейской культуры. Император, сам цензуровавший статью, усмотрел в ней скрытый политический смысл: «...сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, понимает совсем иное... под словом “просвещение” он понимает “свободу”, “деятельность разума” означает у него “революцию”, а “искусно отысканная середина” есть не что иное как “конституция”»⁴². Вместе с запрещением издания было дано распоряжение, чтобы впредь основание новых журналов допускалось только лишь с высочайшего разрешения.

Хрестоматийной стала и история с публикацией «Философического письма» П.Я. Чаадаева и последовавших за этим репрессий. Высказанный в статье пессимистический взгляд на прошлое и настоящее России и на роль православной церкви в истории Отечества послужил причиной закрытия журнала «Телескоп», опубликовавшего «письмо», ссылки его редактора Н.И. Надеждина, отстранения от должности цензора и, наконец, признание, по личному распоряжению Николая I, автора «умалишенным». Высылками поплатились в то время и М.Е. Салтыков-Щедрин, и И.С. Тургенев, и известный славянофил Ю.Ф. Самарин, и Н.П. Огарев, и А.И. Герцен и др. Причем замечаниям и репрессиям подвергались авторы и периодические издания всех направлений. «Цензурные стеснения уравнивали все партии и направления, все должны были проходить самые удивительные цензурные мытарства и подвергаться самым непостижимым придиркам», – писал известный историк русской литературы С.А. Венгеров⁴³. В частности, не получили ответа А.С. Пушкин и В.А. Жуковский на свое предложение основать проправительственный журнал. В конце 40-х годов для ужесточения цензуры были созданы новые секретные комитеты – комитет под председательством кн. А.С. Меншикова для пересмотра списка издающихся журналов, затем комитет 2 апреля 1849 г. под председательством генерала Д.П. Бутур-

лина для тайного наблюдения за цензурой и за «духом и направлением всех произведений... книгопечатания». Начался период настоящего цензурного террора. Как отмечает исследователь этих последних лет царствования Николая I, «российская общественность, зрелая до той степени, чтобы обнаружить различные более или менее устойчивые идейные направления, на целых 7 лет практически полностью потеряла печать как средство самовыражения»⁴⁴.

Но мысль нельзя было уничтожить. За границей складывалась достаточно многочисленная политическая эмиграция. В обществе получали распространение рукописные произведения. Да и само его молчание говорило о многом. П.А. Вяземский, назначенный товарищем министра просвещения, высказываясь за устранение излишних стеснений для печати, писал: «...притеснения могут именно возродить ту опасность, от которой думают отделаться прозорливостью цензуры. Они (писатели. – А.К.) могут составить систематическую оппозицию, которая и без журнальных статей и мимо цензуры получает в обществе значение, вес и влияние...»⁴⁵ Однако правящие «верхи» ни тогда, ни позднее так и не пришли к осознанию того факта, что бороться с «крамольными» идеями можно только противопоставив им не менее притягательные идеи.

* * *

Обозревая даже сравнительно краткий перечень усилий правительства по решению насущнейших проблем, встававших перед страной, видимо, можно усомниться в широко распространенном взгляде, что внутренняя политика Николая I была чужда каких-либо преобразовательных начал, что она демонстрирует в полном виде только политику застоя. Особенность ее заключалась не в недостатке преобразовательных попыток, а скорее наоборот – власть весьма самонадеянно бралась за разрешение широких и коренных государственных задач. Другое дело – направленность и способы решения назревших проблем.

Как и в предшествующий период, все эти попытки упирались в необходимость комплексного решения, по крайней мере, двух основных задач – преобразование системы управления империей и ее социальной структуры, в том числе – отмена крепостного права.

Первую задачу Николай I попытался решить путем всемерной централизации и отчасти даже милитаризации всего государственного аппарата. Императорская Канцелярия с ее многочисленными отделениями и комитетами стала фактически основным стержнем всей административной модели, причем император сосредоточил у себя все нити управления, пытаясь решать буквально все управленческие вопросы и даже личные дела подданных. При неизбежно расширявшейся и усложнявшейся сфере управления административная централизация и бюрократизация могли на какое-то время решить задачу сохранения самодержавной монархии, наведения «порядка» и даже мобилизационного использования ресурсов государства для развития экономики, но модернизировать, сделать скольконибудь эффективной административно-управленческую систему тем путем, который избрал Николай I, оказалось невозможным. Одна из современниц, фрейлина императрицы А.Ф. Тютчева, имевшая возможность близко наблюдать за жизнью императора, дала следующую характеристику его деятельности: «Он чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовывать своею волею. В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели ни права на них указывать, ни возможности с ними бороться»⁴⁶.

Задачу приспособления новых социальных структур, хотя и медленно, но менявшегося традиционалистского общества, император намерен был решать путем их включения в сословный строй империи, фактически подавив все возможные в их рамках начатки самоуправления. Цензурный и политический

террор, переживания, связанные с Крымской войной, обнажившей отсталость России в целом ряде важнейших сфер экономической и социально-политической жизни, вызывали в обществе критику в адрес Николая I и его политической системы, нарастание отчужденности между властью и общественностью. Впоследствии, уже в новую эпоху, породившую свои проблемы, более острые и обширные, чем ранее, ряд современников николаевского царствования, призывая к «беспристрастной оценки личности и значения» императора, указывали и на некоторые позитивные стороны его деятельности – кодификация законов, некоторые достижения в экономике, определенные сдвиги в сфере образования и культуры, попытки решения крестьянского вопроса, давшие незаменимый опыт при подготовке отмены крепостного права, и т.д. Но тем не менее даже наиболее авторитетные из них, как, например, министр финансов Н.Х. Бунге, отмечая заслуги Николая I, указывали прежде всего на его усилия «поддержать дух порядка и дисциплины», т.е. те меры, которые, доведенные до крайностей, лишали общество всякой самостоятельности⁴⁷. Преобразователь русской армии Д.А. Милютин, также считая Николая I «крупной, можно сказать колоссальной» личностью, вместе с тем отмечал: «Говоря совершенно откровенно, и я, как большая часть современного молодого поколения, не сочувствовал тогдашнему режиму, в основании которого лежали административный произвол, полицейский гнет, строгий формализм. В большей части государственных мер, принимавшихся в царствовании Императора Николая, преобладала полицейская точка зрения, то есть забота об охране порядка и дисциплины. Отсюда проистекали и подавление личности, и крайнее стеснение свободы во всех проявлениях жизни, в науке, искусстве, слове, печати...»⁴⁸. Действительно, общественная жизнь в России того времени, как и само общество, были, видимо, еще в стадии становления. Но тем не менее, без сколько-нибудь широкого участия общественности преобразовательская деятельность николаевского правительства была обречена на непоследовательность, противоречивость, сама политическая воля самодержавного монарха во многом была ограничена традиционалистскими препонами как

мировоззренческого, так и социального порядка, была в значительной мере как бы «бегом на месте». Весьма интересно признание самого монарха, который в разговоре с П.Д. Киселевым однажды обмолвился: «Как частный человек, ежели бы я выбирал, при каком правлении жить, я бы выбрал для себя и своей семьи республику; на мой взгляд, такая форма правления лучше всего обеспечивает гарантии и безопасность. Но она подходит не для всякой страны; она применима для одних и опасна для других. Так что лучше придерживаться того, что выверено временем»⁴⁹. Но время никогда не стоит на месте. И уже лежа на смертном одре, император вынужден был признать несостоятельность своих усилий. «Сдаю тебе мою команду, – сказал он наследнику, – к сожалению, не в том порядке, как желал, оставляя много хлопот и забот». Но при этом все же добавил, что править надо жестко, держа страну в кулаке.

¹ Корф М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1898. Т. 98. С. 26.

² Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1957. С. 103.

³ Сборник русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 74. С. 264.

⁴ Окунь С.Б. Указ. соч. С. 105.

⁵ Сборник русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 74. С. 171, 172.

⁶ Строев В.Н. Столетие Собственной Его Императорского Величества Канцелярии ... СПб., 1912.

⁷ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1997; Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX – XIX столетий: исторический очерк. М., 1910; Багдасарян В.Э. Николаевская управленческая модель: между авторитаризмом и рациональной бюрократией // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 139–176.

⁸ Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 459.

⁹ Майков П.М. Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1826–1882. СПб., 1906.

¹⁰ Позднее, в 1839 г., в связи со смертью кодификатора, получившего незадолго перед тем графский титул, Николай I говорил М.А. Корфу: «Михайла Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статься, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; клевета осмелилась коснуться его даже по случаю истории 14 декабря! Но по-

- том время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью, с неустававшей никогда деятельностью. Теперь все знают, чем я, чем Россия ему обязаны, и клеветники замолчали» (*Корф М.А. Жизнь графа Сперанского*. СПб., 1861. Т. 2. С. 307, 308). Кстати, примерно такую же эволюцию проделали и ближайшие сподвижники молодого Александра I по Негласному комитету – В.П. Кочубей и Н.Н. Новосильцев, занимавшие при Николае I посты соответственно председателя Государственного совета и председателя Комитета министров.
- 11 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 65, 66, 69.
 - 12 См.: Государственная безопасность в России: история и современность. М., 2004.
 - 13 *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 1. С. 147.
 - 14 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 12, отд-ние 1. № 10303. Далее: ПСЗ.
 - 15 См.: *Багдасарян В.Э.* Указ. соч. С. 164–168.
 - 16 *Боханов А.Н.* Николай I. М., 2008. С. 127.
 - 17 ПСЗ. Собр. 2. Т. 6. № 4989.
 - 18 *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 144.
 - 19 Обзорение расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 году // Крестьянское движение в России, 1827–1869 гг. М., 1931. Вып. 1. С. 16.
 - 20 Отчет о действиях III отделения собственной вашего императорского величества канцелярии и корпуса жандармов за 1839 год // Там же. С. 31. Нравственно-политический отчет за 1839 год.
 - 21 Там же. С. 32.
 - 22 Цит. по: *Миرونенко С.В.* Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990. С. 115.
 - 23 Там же. С. 130.
 - 24 *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 2. С. 208.
 - 25 *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 153.
 - 26 *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 35.
 - 27 Там же. С. 130.
 - 28 ПСЗ. Собр. 1. Т. 7, отд-ние 1. № 15462.
 - 29 *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 178, 179.
 - 30 Сборник Русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 107–122.
 - 31 *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 240–262.
 - 32 *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 74.
 - 33 Там же. С. 84–86.
 - 34 *Шевченко М.М.* Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 171, 179.
 - 35 Там же. С. 51.
 - 36 *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001.

- С. 333, 334; *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ: русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 624–628.
- ³⁷ См.: *Шевченко М.М.* Указ. соч. С. 47, 48; *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 205, 206.
- ³⁸ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2-е. СПб., 1875. Т. 2, отд-ние 1. С. 71.
- ³⁹ Цит. по: *Шевченко М.М.* Указ. соч. С. 158.
- ⁴⁰ См.: *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2000. С. 252, 253, 293.
- ⁴¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 1. № 403.
- ⁴² *Шевченко М.М.* Указ. соч. С. 47.
- ⁴³ *Венгеров С.А.* Очерки по истории русской литературы. 2-е изд., без перемен. СПб., 1907. С. 26.
- ⁴⁴ *Шевченко М.М.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁵ *Щебальский П.К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 82.
- ⁴⁶ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров: воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М., 1990. С. 34, 35.
- ⁴⁷ *Бунге Н.Х.* Загробные заметки // Река времен. М., 1995. Кн. 1. С. 207.
- ⁴⁸ *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843–1856. М., 2000. С. 327, 328.
- ⁴⁹ *Бибиков Г.Н.* Указ. соч. С. 292.

РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ: «ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ»

Поражение в Крымской войне обнажило язвы николаевской системы, приведшей к еще большему отставанию России от ведущих держав Запада. Осознание этого факта вызвало не только бурный всплеск негодования общественности, но и вообще рост социально-политической напряженности в стране. Уже на исходе войны главной мишенью тотальной критики, как извне, со стороны общественного мнения, так и не в меньшей степени изнутри – самими чиновниками, стал механизм государственного управления. Именно его неэффективность признавалась главной причиной военного поражения. Известный литератор и цензор А.В. Никитенко в дневниковой записи осени 1855 г. отмечал, что «теперь только открывается, как ужасны были для России прошедшие 29 лет»¹. Вместе с тем в обществе появились какие-то еще неясные, но твердые надежды на перемены. В.С. Аксакова в своем дневнике так описывала это состояние ожидания: «Все неволью чувствуют, что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать; вдруг возродились небывалые надежды; безысходное положение, к осознанию которого почти с отчаянием пришли наконец все, вдруг представилось доступным изменению»². Эти настроения известный русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев весьма удачно назвал «оттепелью» – слово-символ, вошедшее впоследствии, наряду с другими («гласность», «перестройка»), в исторические исследования, публицистику, в общественный обиход как верный

признак назревавших перемен. Эмоциональные характеристики переживавшегося времени более глубоко и сжато подытожил историк и публицист М.Н. Погодин. Еще сравнительно недавно восхвалявший николаевский режим, он через три месяца после смерти императора в письме от 16 мая 1855 г. констатировал: «Прежняя система отжила свой век». Ознакомившись с тяжелым для России Парижским трактатом, завершившим Крымскую кампанию, 8 мая 1856 г. он пишет: «Медлить нечего. Надо вдруг приниматься за все: за дороги, железные и каменные, за оружейные, пушечные и пороховые заводы, за медицинские факультеты и госпитали, за кадетские корпуса и училища мореплавания, за гимназии и университеты, за промыслы и торговлю, за крестьян, чиновников, дворян, духовенство, за воспитание высшего сословия, да и прочие не лучше, за взятки, роскошь, пенсии, аренды, за деньги, за финансы, за все, за все... Конституция нам не нужна, а дельная, просвещенная, диктаторская власть необходима»³. Приведенный перечень проблем, стоявший перед властью, отнюдь не полный и не ранжированный по значимости, был, действительно, многообразен и крайне сложен. Война наглядно показала усиливавшееся отставание России не только в военном, но и вообще в экономическом, социальном, культурном и политическом отношениях, что грозило утратой империей статуса ведущей европейской державы. Все это ставило перед властью задачу неизбежных преобразований.

Александр II, только оказавшийся на троне, в своих первых публичных выступлениях не смог отступить от традиционных заверений в намерении придерживаться во внутренней и внешней политике принципов царствования своего «августейшего родителя». Но уже вскоре стало ясно, что это невозможно, и новый царь довольно быстро оценил сложившуюся ситуацию и начал осторожно нащупывать пути выхода из кризиса.

Оказавшись на престоле в 37 лет, Александр был уже вполне сложившимся человеком, с определенным опытом государственной деятельности. Как и все Романовы, он получил вполне приличное домашнее образование (его наставником был известный поэт и литератор В.А. Жуковский, среди преподава-

телей выделялись М.М. Сперанский, Е.Ф. Канкрин, К.И. Арсеньев), хотя и не без уклона в военное дело. К концу военной карьеры он был уже «полным генералом», побывал с инспекцией в Севастополе в разгар военной кампании, потом командовал армией, расположенной под Петербургом. Еще будучи наследником, он принимал участие в государственных делах: присутствовал на заседаниях Государственного совета, Комитета министров, формально возглавлял со второй половины 40-х годов секретные комитеты по крестьянскому делу. На заседаниях он предпочитал отмалчиваться, но тем не менее консервативный настрой его взглядов был очевиден. В частности, судя по материалам Комитета 1846 г., он проявил тогда себя сторонником сохранения крепостного права и неограниченного самодержавия. «Доколе Россия, по непредвиденным судьбам не утратит своего единства и могущества, —отмечалось в журнале возглавлявшегося им Комитета, — дотоле другие державы не могут служить ей примером. Колосс сей требует иного основания и иных понятий о свободе не только крестьян, но и всех состояний. Основанием России было и должно быть самодержавие, без него она не может существовать в настоящем своем величии. Свобода в ней должна состоять в ограждении каждого и лично, и по имуществу от притеснений другого и в повиновении всех законам, исходящим от одного высшего источника»⁴. Естественно, на его позиции и в целом мировоззрении, несомненно, сказывались и вековые монархические традиции, и непосредственно – влияние могущественного отца-императора, не терпевшего возражений и требовавшего безукоснительного повиновения.

Как бы то ни было, уже в манифесте о заключении мира 19 марта 1856 г. новый царь так обозначил внутривосточные задачи, стоявшие перед страной и правительством: «Да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуют в судах ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных». Это расплывча-

тое обращение было воспринято обществом как намек на грядущие преобразования. Тем более, что новизна во внутренней политике уже была заметна и выражалась прежде всего в снятии множества запретов и ряде послаблений. Последовала отмена стеснений, введенных в университетах после 1848 г., ликвидировались военные поселения, возобновилась свободная выдача заграничных паспортов, налицо было ослабление цензуры, последовали прощение недоимок и освобождение на три года податных сословий от рекрутских наборов и т.д. В августе 1856 г. к коронации была объявлена амнистия политическим заключенным (декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания 1831 г., 9 тысяч человек освобождались от административно-полицейского надзора). В немалой степени это было связано, видимо, с заботой о престиже страны в глазах мирового общественного мнения, со стремлением создать благоприятный имидж обновляющейся России за рубежом, что шло в разрез с амбициозной изоляционистско-националистической идеологией предшествовавшего царствования. В частности, такая задача была возложена на заграничное издание МВД – газету «Le Nord» (Бельгия), которая должна была «ознакомить Европу с действительным положением России», «стремиться к уничтожению неосновательных, ложных понятий о нашем отечестве». Специальный циркуляр предписывал губернаторам поддерживать распространение этого издания и внутри России, организовав на него подписку. Но не менее важными в этом плане были внутренние факторы, повлиявшие на либерализацию курса внутренней политики. Цезурный запрет на печатное слово был сметен страстной потребностью общества выговориться. Распространение печатной и рукописной литературы, в том числе самых разнообразных проектов преобразований, проблемных записок (К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, Н.А. Мельгунова, Н.А. Жеребцова и др.), приняло небывалые масштабы. Гласность – само это слово впервые получило гражданское звучание – возникла стихийно, и правительство, поняв неизбежность этого, попыталось взять ее на вооружение, особенно в первые годы нового царствования⁵.

Контуры нового курса внутренней политики вырисовывались постепенно, хотя ведомственные «наработки» различных ее аспектов насчитывали порой не одно десятилетие. Как ни покажется странным, оказались в наличии и кадры – как специалистов из числа прогрессивно настроенного чиновничества, окончивших Училище правоведения, лицеи, университеты, так и исполнителей царских предначертаний, в недавнее еще время слывших консерваторами и ретроgrадами, а теперь становившимися «прогрессистами». На первом плане оказались социально-политические проблемы – и в первую очередь, естественно, крестьянский вопрос. И это не случайно, так как именно крестьянская реформа фактически стала отправным рубежом и для преобразований важнейших сторон государственно-административной системы, социальной структуры и культурной жизни страны.

Новый император, зная о болезненном отношении высшего сословия к отмене крепостного права, в речи перед предводителями дворянства в Москве 30 марта 1856 г. заявил: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния: это несправедливо, и вы можете сказать это всем направо и налево... Но не скажу вам, чтобы я совершенно против этого, мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. И думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»⁶. В этом заявлении все – и опасение перед дворянской фрондой, и понимание необходимости идти в ногу со временем, и связь необходимых преобразований с внешней и внутривполитической обстановкой, требовавшей пересмотра старого и выработки нового правительственного курса. И тем не менее, несмотря на явное сопротивление помещиков, Александр II все более определенно склоняется к освобождению крестьян. Но в этом «деликатном» и одновременно «страшном» деле он хотел не только добиться согласия и поддержки дворянства, но и его почина. С согласия царя министр внутренних дел С.С. Ланской во время коронационных торжеств в Москве в августе 1856 г. вел переговоры с предводителями дворянства о подаче от имени дворянских обществ петиций с просьбой об освобождении

крестьян. Однако ожидаемой поддержки тогда не последовало. Только виленский генерал-губернатор В.И. Назимов, личный друг Александра II еще в пору молодости, да петербургский генерал-губернатор П.Н. Игнатьев согласились попытаться склонить помещиков своих губерний на выступления с нужной правительству инициативой.

Подготовка реформы началась вполне традиционно -- открытием в января 1857 г. очередного секретного Комитета, которому было предложено вновь (в который уже раз!) изучить все материалы по крестьянскому делу, накопившиеся за предшествующие царствования. Как уже отмечалось, проекты реформирования помещичьей деревни предусматривали, не считая указов о вольных хлебопашцах и об обязанных крестьянах, еще два варианта: освобождение крестьян без земли, как это было реализовано в трех прибалтийских губерниях, и введение инвентарей в трех юго-западных губерниях, предусматривавших правительственную регламентацию наделов и повинностей при фактическом сохранении крепостного права. Предположения Комитета не выходили за эти пределы. Но были в его деятельности и новые симптомы: его члены высказались за необходимость публикации правительственного указа по крестьянскому делу. Это стремление Комитета придать своим занятиям некоторую гласность вызвано было общей «оттепелью», и, имея целью «успокоить умы и крестьян, и помещиков», являлось важным прорывом общественной жизни в новое качество.

В октябре 1857 г. Назимов сумел-таки убедить дворянство северо-западных губерний (Виленской, Ковенской, Гродненской) подать всеподданнейшие адреса с просьбой об освобождении крестьян -- правда, без земли. На имя Назимова, а затем и Игнатьева были срочно подготовлены рескрипты. Они не отличались радикальностью. В них еще не говорилось об освобождении крепостных, а только об улучшении крестьянского быта, хотя истинный их смысл -- отмена личной зависимости крестьян -- был очевиден. Это были высочайшие акты, т.е. обязательные для исполнения. Дворянство получало право создавать на местах губернские комитеты и на основании рескриптов разрабатывать проекты реформы для своих местностей.

Обратного хода уже быть не могло. Несмотря на недовольство подавляющей части помещиков, дворянские собрания, потрясенные гласностью и конкретностью приступа к реформе, вынуждены были подавать соответствующие адреса и создавать губернские дворянские комитеты. Подготовка реформы получила самый широкий резонанс. Комитет был рассекречен и превращен в Главный комитет по крестьянскому делу, в котором активную роль играл брат царя великий князь Константин Николаевич, слывший «отъявленным» либералом. Одновременно на местах, не дожидаясь инструкций, публиковались стенограммы и протоколы губернских комитетов, вводилась публичность их заседаний. В среде дворянства развернулась борьба за формы и меры уступки крестьянам. В составы комитетов вошли люди самых разных убеждений, со своими представлениями о путях развития страны, своими вариантами реформы. Особую активность проявили крупнейшие помещики-аристократы, требовавшие безземельного освобождения крестьян, ликвидации общины и более широкого доступа дворянства во властные структуры⁷. Гласность, фактически завоеванная обществом, имела совершенно неожиданные для правительства последствия, поставив под сомнение главное условие реформы – всемерный контроль власти над выработкой программы преобразований и над ходом их реализации. И вот уже в апреле 1858 г. по цензурному ведомству рассылается циркуляр, запрещающий обсуждение крестьянского вопроса в печати.

Правда, правительство и сам царь какое-то время колебались в выборе пути реформы, первоначально более склоняясь к проекту безземельного освобождения. В какой-то мере отказ от этого варианта был предопределен крупным выступлением крестьян в Эстляндии зимой – весной 1858 г. Крепостное право там было отменено 40 лет назад, но крестьяне не приняли безземельного освобождения. Сопrotивление приняло форму вооруженной борьбы. Выступление было подавлено силой оружия, но оно вызвало в верхах замешательство, подорвав доверие к «костзейскому образцу» реформы.

В правительственной политике начинается пробиваться новое направление, возглавлявшееся министром внутренних дел

С.С. Ланским, его товарищами А.И. Левшиным и Н.А. Милютиным, признававшее конечной целью реформы превращение бывших крепостных в свободных собственников своих наделов, уничтожение вотчинной власти помещиков, постепенную ликвидацию сословной обособленности крестьян и приобщение их к гражданской жизни. На этот поворот, наметившийся осенью 1858 г., видимо, в немалой степени повлияла позиция члена Главного комитета генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева, которому Александр II полностью доверял. Сейчас трудно объяснить метаморфозу, произошедшую с Ростовцевым, в прошлом не отличавшимся либеральным образом мыслей и за которым закрепилась репутация доносчика на декабристов: личными ли мотивами (стремлением освободиться от тяжелых обвинений и реабилитировать себя хотя бы перед собственными детьми) или верно угаданными тенденциями общественно-политической жизни. Но так или иначе он круто изменил свою позицию и, как отмечали современники, «из реакционера сделался ревностным прогрессистом и эмансипатором», сблизился с либеральными деятелями в правительстве и стал убежденным сторонником освобождения крестьян с землей за выкуп. Как бы то ни было, не без влияния Ростовцева Александр в конце 1858 г. принимает новую программу реформы, и Главный комитет, большинство членов которого являлись противниками нового курса, вынужден был подчиниться царской воле. Либеральная бюрократия во главе с Н.А. Милютиным, олицетворявшим на том этапе творческий потенциал самодержавной системы, не только создала новую модель реформы, предусматривавшую сосуществование двух типов хозяйств – крупного помещичьего и мелкокрестьянского, но и сумела подготовить практические меры по реализации этого курса.

Между тем, пока в правительстве шла выработка стратегии реформы, губернские комитеты начали посылать свои проекты, которые отличались огромнейшим разнообразием мнений. По предложению Ростовцева и Ланского в феврале 1859 г. был создан новый орган – Редакционные комиссии (общая, занимавшаяся основными, принципиальными вопросами реформы, и другое подразделение, задачей которого было определить

применение общих ее положений к региональным особенностям), на которые было возложено создание сводного проекта. В Комиссиях, формально возглавлявшихся Ростовцевым, при фактическом лидерстве Н.А. Милютина, большинство составляли уже сторонники либеральной платформы (Ю.Ф. Самарин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, князь В.А. Черкасский, Н.Х. Бунге, М.Х. Рейтерн, А.П. Заблоцкий-Десятовский и др.). Этот факт создания либерального большинства приобретал особое значение, учитывая преобладание консервативной оппозиции в губернских дворянских комитетах, а также в среде высшей и средней бюрократии. Комиссии использовали гласность как метод государственной практики, как ее инструмент. Их материалы публиковались, деятельность широко афишировалась, что, несомненно, способствовало укреплению либеральных сил в стране, широкому знакомству общества с программой реформ. Представители дворянских обществ дважды приглашались на заседания Комиссий для обсуждения проектов, что являлось необычным, за исключением екатерининской Уложенной комиссии, прецедентом в правительственной административной практике. Темп работы был чрезвычайно и непривычно высок, что также выгодно отличало новое учреждение от предшествовавших государственных органов. И, наконец, Комиссии занимали особое место в системе высших властных структур, подчиняясь только императору.

К этому времени в основных чертах сложилась либеральная концепция крестьянской реформы как часть общего плана преобразований: реформа должна была сопровождаться преобразованиями в системе местного управления, самоуправления, суда, просвещения, что могло иметь объективные последствия для процесса построения правового государства и введения начал гражданского общества. Создавая самобытный вариант решения аграрного вопроса, авторы проекта широко использовали западноевропейский опыт. В объяснительной записке к проектам Комиссии отмечалось: «В этом отношении Россия счастлива. Ей дана возможность воспользоваться опытом других земель... обнять сразу весь предстоящий путь от первого приступа к делу до полного прекращения обязательных отно-

шений посредством выкупа земли»⁸. В опыте европейских стран положительным признавался тот результат, к которому пришла Франция – создание «дробной поземельной собственности», и тот путь законодательных мер в Пруссии и в Австрии, который состоял в выкупе крестьянами земли в собственность при сохранении помещичьего землевладения. Но при этом ставилась задача: избежать издержек прусского варианта – «сосредоточения поземельной собственности в тесном кругу малочисленных владельцев и значительных фермеров».

Российский путь создания нового аграрного строя, по замыслу властей, должен был исключить раскрестьянивание, образование безземельного пролетариата и тем самым избежать революционных потрясений, пережитых Западом. Программа базировалась на максимальном сохранении *status quo*: сохранении дворянского землевладения, обеспечение сначала пользование крестьянами земель за определенные повинности прежним владельцам, а затем и предоставление им в собственность за выкуп дореформенного надела (с некоторыми «отрезками» или «прирезками»), исчисление величины выкупа от принятых размеров повинностей. Гарантом выкупной операции, как и всей реформы, выступало государство, бравшее на себя функции кредитора. Выкуп не был обязательным для помещиков – это было главным условием Александра II, заявившего: «Пока хоть один дворянин будет против выкупа крестьянских наделов, я обязательного выкупа не допущу». В связи с этим все свои надежды авторы проекта Редакционных комиссий возлагали на жесткое регламентирование условий и хода реформы. «Вечность» пользования наделом и неизменность повинностей в условиях меняющейся рыночной конъюнктуры должны были вынудить помещиков к выкупу, который невольно становился единственным выходом для владельцев имений. И следует заметить, что расчет оказался верным: к 1881 г., когда выкуп был объявлен обязательным, 85% крестьян уже покончили с временнообязанным состоянием.

Крестьяне также фактически не имели свободы выбора. Авторы проекта, учитывая, что тяжесть выкупных платежей и повинностей может привести к отказу их от земли, прибегли к

такому законодательному ходу, как запрещение, по крайней мере на 9 лет, отказу от надела. Этой же цели должно было служить и сохранение общины, и затруднение выхода из нее, хотя прямого запрета на это не было. В то же время община, особенно на первых порах, должна была служить инструментом социальной защиты своих членов как от посягательств помещиков, так и от превратностей рыночных условий. Общинные надельные земли фактически выводились из сферы товарного обращения. Одновременно община должна была восполнить утрату помещичьей вотчинной власти, взять на себя некоторые из административных и налоговых функций, которые ранее принадлежали помещикам (как известно, Николай I рассматривал последних как сто тысяч «бесплатных полицейских»). Создавалось крестьянское самоуправление: волостные и сельские общества, с выборными от крестьян должностными лицами, с крестьянскими сходами. Место прежнего вотчинника заняла местная администрация, что усиливало государственное попечительство. Государство брало на себя и роль арбитра во взаимоотношениях сословий. Реализация реформы на первых порах возлагалась на мировых посредников, которые назначались властями из числа кандидатов, предлагавшихся предводителями дворянства. После своего назначения посредники фактически становились в положении коронных чиновников, неподотчетных местным дворянским обществам, что должно было гарантировать соблюдение «духа и буквы» закона.

Проект Редакционных комиссий подвергся ожесточенным нападкам: его критиковали консерваторы и либералы, ретрограды и радикалы. Одни были против реформы вообще – против выкупа полевого надела, против крестьянского самоуправления и ликвидации вотчинной власти помещиков, другие – за выкуп, но при условии уменьшения надела вполчину, и вместе с тем за широкие реформы местного самоуправления, суда, системы просвещения. И всех не устраивало усиление государственного вмешательства в дела сословий и их взаимоотношения. В ходе обсуждения проекта в Главном комитете и Государственном совете он был существенно откорректирован: уменьшение наделов составило в среднем около 20% всего до-

реформенного наделного фонда, повинности увеличились, что удорожало стоимость выкупа. Но в целом, несмотря на давление справа, Александр не отступил от основных принципов реформы. О накале борьбы свидетельствует тот факт, что большинство членов Государственного совета, вопреки очевидной позиции императора, высказались против даже откорректированного проекта, и монарху пришлось утвердить мнение меньшинства. Так или иначе, последний бастион сопротивления реформе был преодолен, и 19 февраля 1861 г. «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» было утверждено царем, и через две недели, после принятия предупредительных военно-полицейских мер, оно вместе с манифестом было обнародовано во всех губерниях⁹.

Согласно опубликованным актам, отмена крепостного права провозглашалась добровольным пожертвованием дворянского сословия. Наряду с личной свободой крестьян декларировалась собственность помещиков на все их земли. Усадьба и хозяйственные угодья оставались в пользовании крестьян за барщинные и оброчные повинности. В течение двух лет предписывалось составить «уставные грамоты», определявшие взаимные отношения между крестьянами и помещиками. Положение это объявлялось временным – вплоть до выкупа крестьянами надела в полную собственность, после чего они превращались в независимых и свободных «крестьян-собственников». Таким образом, реформа предусматривала длительный переходный период, в течение которого практически во многом сохранялись хозяйственные отношения, близкие к старым феодальным. Правда, помещичьи крестьяне с момента обнародования «Положения» объявлялись «свободными сельскими обывателями» и могли пользоваться определенными гражданскими правами – свободой вступления в брак, правом самостоятельного заключения хозяйственных договоров и ведения судебных дел, беспрепятственно заниматься промышленностью и торговлей, отлучаться – с согласия общины – с места жительства, поступать в учебные заведения, переходить в другие сословия. Они получали собственное общественное самоуправление – сельское и волостное, с выборными исполни-

тельными органами, а также собственный волостной суд для решения малозначимых дел, который действовал на основе традиционного обычного права. Для урегулирования нового порядка и введения в жизнь «Положений» создавались специальные органы – губернские присутствия из чиновников и местных помещиков, а также мировые посредники и их съезды, получившие самые широкие административные и судебные полномочия – вплоть до телесного наказания крестьян.

Предпочтение при решении крестьянского вопроса в каждом отдельном случае оказывалось «полюбовным соглашением» крестьян со своими прежними владельцами. Но право перевода крестьян на выкуп полностью передавалось помещикам. Государство в этом случае выступало в качестве посредника и кредитора: оно выплачивало владельцам имений выкупную сумму из расчета 6%-го капитализированного ежегодного оброка, которую крестьяне должны были погасить с набегавшими процентами в течение 49 лет. От крепостной эпохи сохранялась круговая порука сельского общества в исправном отбывании повинностей и внесении выкупных платежей и налогов. Да и сама земля, как уже отмечалось, предоставлялась в общинное пользование, а крестьяне в течение 9 лет не имели права отказываться от надела, т.е. фактически были прикреплены к земле и не могли свободно распоряжаться своей рабочей силой. Объявленные «свободными сельскими обывателями», они оставались по-прежнему обособленным «низшим сословием», лишенным важнейших гражданских и имущественных прав, что имело, как мы увидим, далеко идущие последствия.

Тем не менее, отмена крепостного права стала историческим актом, повлекшим за собой переворот в социально-экономических отношениях и преобразования в различных сферах жизни всего российского общества. Следует иметь в виду, что за помещичьими крестьянами новое устройство получили удельные (1863) и государственные крестьяне (1866), у которых наделы были несколько большими по сравнению с бывшими частновладельческими. Они также оказались включенными в общую систему управления. Но если удельные крестьяне почти сразу были переведены на выкуп, то государственные, хотя и

были объявлены владельцами наделов, фактически оставались их держателями, обязанными вносить в казну государственную оброчную подать. Только через 20 лет, в 1886 г., был объявлен обязательный выкуп казенных наделов, и бывшие государственные крестьяне по внесению выкупной суммы превращались во владельцев земли, также находившейся, как правило, в общинном пользовании. Рядом актов реформа была проведена и на Кавказе, но там временнообязанные отношения сохранились вплоть до начала XX века.

Упразднение крепостного права потребовало преобразований в ряде важных сфер хозяйственной и общественной жизни. С постепенной ликвидацией вотчинной власти помещиков и хотя бы частичным приобщением крестьянства к гражданским правам не мог оставаться прежним весь строй местного управления, самоуправления и суда. Затронув краеугольный камень старой феодально-крепостнической системы, необходимо было менять и другие несущие конструкции социально-политической системы страны, тем более, что следовало найти средства для смягчения возникшей напряженности, затронувшей все слои российского общества.

Еще с 1857 г. в МВД началась разработка проекта земской реформы, для которого имелся богатый материал, оставшийся после М.М. Сперанского. В 1858 г. при министерстве была создана специальная комиссия под руководством Н.А. Милютина, занявшаяся разработкой законодательства об уездном и губернском самоуправлении. К этому времени было уже очевидно, что государственная система управления не могла охватить все многообразие местной жизни, а новая ситуация в деревне требовала новых решений. Проект был тесно увязан с крестьянским «Положением» и был рассчитан как на вовлечение крестьянства в новые общественно-гражданские отношения, так и на определенную компенсацию дворянства за утраченные вотчинные права. Правда, фундаментом будущего земства комиссия сделала принципы выборности и сословности, что стало возможно прежде всего благодаря введению крестьянского сельского и волостного самоуправления. Всесословность достигалась через предоставление всем сословиям права изби-

рать своих представителей в земские гласные и через них формировать органы местного самоуправления (земские управы). Разработка проекта также проходила в упорной борьбе с консервативной и реакционной оппозицией, стремившейся отдать земство полностью в руки высшего сословия. В частности, аристократы-англоманы настаивали на том, чтобы крупные местные землевладельцы попадали в земства без выборов. На последнем этапе в чем-то оппозиции удалось взять верх, что наложило отпечаток на подготовленный проект, хотя и не смогло полностью изменить заложенные в нем принципы. Тем не менее, куримальная система выборов (выборы предусматривались по куриям землевладельческой, городской и крестьянской, причем для крестьянства они были непрямые, двухстепенные и баллотироваться от него могли и помещики) при сравнительно высоком имущественном цензе отдавала в большинстве местностей земства в руки поместного дворянства.

«Положение о губернских и уездных земских учреждениях», опубликованное 1 января 1864 г., вводило земства в 34 губерниях Европейской России¹⁰. На первых же выборах в уездных земствах дворяне составили 41,7% всех гласных, купцы – 10,4%, духовенство – 6,5%, крестьяне – 38,4%. В губернских земствах из 2 055 гласных дворян и чиновников было уже почти $\frac{3}{4}$ (74,2%), купцов – 10,9%, представителей духовенства – 3,8%, крестьян – 10,6%. В дальнейшем дворянство постепенно несколько утрачивает свое представительство, но в целом позиции его оставались еще достаточно прочные, в земских собраниях, как правило, председательствовали местные предводители дворянства¹¹. Компетенция земских учреждений ограничивалась строго вопросами местного хозяйства, народного здравоохранения и просвещения, вся их деятельность ставилась под жесткий контроль местных властей. Земства были лишены как первичного низового (волостного) звена, так и общероссийского центра. Запрещены были даже любые межгубернские сношения земских органов для координации своей деятельности. Более того, П.А. Валуев, ставший с апреля 1861 г. министром внутренних дел, вообще смотрел на земства как на органы государственной власти. «Земское управление, – счи-

тал он, – есть только особый орган одной и той же государственной власти и от нее получает свои права и полномочия»¹².

Впрочем, место и роль земств в структуре органов местного управления самими современниками, в том числе и либеральной ориентации, расценивалась весьма неоднозначно. Так, либеральный экономист В.П. Безобразов, правовед А.Д. Градовский и их единомышленники, анализируя опыт административных преобразований в Германии, считали, что самоуправляющиеся по форме учреждения должны так или иначе входить в единую «властную вертикаль». Правда, при этом они исходили из своего представления о цели этой управленческой комбинации. Они считали, что взаимодействие различных властных институтов должно в конечном итоге создать для власти опору в обществе, структурировать и сплотить само это общество, дав ему возможность для самореализации. Путь к этому они видели не столько в размежевании функций и полномочий «бюрократических» и «выборных» структур, а наоборот – в «сцеплении» их друг с другом. Система земского самоуправления, как отмечают исследователи, в этом случае трактовалась либеральными специалистами примерно так же, как и у Валуева, – как «часть общей государственной системы, но построенной на привлечении общественных элементов», однако при этом упор делался именно на формировании элементов гражданского общества, что не входило в цели властных структур¹³. И тем не менее, несмотря на отчетливо различные родимые пятна прошлой эпохи, введение земств стало заметным шагом вперед в модернизации всего российского общества. Земское «Положение» впервые в столь широком масштабе вводило, хотя бы и только на местном уровне, всеобщее выборное представительное начало, в том числе и для недавно еще совершенно бесправного крестьянства, а возникавшие органы земского самоуправления были по сути своей учреждениями нового типа, близкими к западноевропейским муниципалитетам.

Земская реформа в значительной мере оказала влияние на разработку проектов по модернизации городского самоуправления. Вплоть до начала 70-х годов XIX века основным зако-

нодательным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления, оставалась екатерининская «Жалованная грамота» городам 1785 г. Ее положения, во многом перечеркнутые самой жизнью, давно перестали отвечать потребностям городского коммунального хозяйства. Выборного представительного органа, наделенного распорядительными функциями, не было. Они осуществлялись собраниями «городского общества», состоявшими исключительно из городских сословий (купечества, почетных граждан, мещанства, ремесленников), в которые не входили не только духовенство, разночинцы, сельские обыватели, но даже проживавшие в городах дворяне. Исполнительный орган – дума состояла из нескольких гласных во главе с городским головой и находилась в полной зависимости от администрации. Единственным городом, имевшим с 1846 г. особое общественное устройство, был Петербург, где право участия в общественном управлении было распространено на все неподатные сословия, причем основным критерием для приобретения такого права была уже не сословная принадлежность, а имущественный ценз.

В 1862–1863 гг. это «положение» было распространено также на Москву и Одессу. С этого же времени МВД начинает разработку городской реформы, в которой приняли участие специально созданные министерством комиссии из чиновников и представителей городов. В основу проекта были положены, как и в земском «положении», принципы самоуправления городского общества, всесословного представительства, имущественный ценз, разделение распорядительной и исполнительной властей. Работа над проектом, в немалой степени в связи с опытом взаимоотношений властей с земствами и из-за изменения внутриполитического курса правительства, затянулась, и лишь третий его вариант 16 июня 1870 г. стал законом¹⁴. Распорядительные функции теперь возлагались не на все городское общество, а на думу, избирающуюся раз в четыре года. Дума избирала исполнительный орган – управу и городского голову, который являлся председателем и исполнительного и распорядительного органов. Право участия в выборах, независимо от сословного происхождения, получали владель-

цы недвижимости, облагаемой налогом в пользу города, а также лица, уплачивающие определенные торгово-промышленные сборы. Минимум имущественного ценза не был определен, но устанавливалась так называемая «трехразрядная система», замкнутая, видимо, из прусского муниципального законодательства, группировавшая избирателей соразмерно количеству уплачиваемых налогов. Каждый разряд избирателей выбирал одинаковое количество гласных, что давало определенное преимущество наиболее состоятельным горожанам. Под действие закона попадали города внутренних русских губерний, Сибири и Бессарабии, причем незамедлительно он вводился в 41 губернском и областном центре и четырех портовых городах. Первые выборы показали, что в составе 40 городских дум на долю купечества и лиц, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью, приходилось почти 54% гласных, на долю дворян, духовенства и разночинцев – около трети (причем дворяне составляли примерно 20% всех лиц, уплачивавших взносы с торговых документов), на долю мещан, ремесленников, крестьян – около 13%¹⁵. В дальнейшем власти неоднократно пытались увеличить представительство высшего сословия, но процесс развития городов как торгово-промышленных центров неуклонно вел к росту удельного веса предпринимательских слоев населения, с чем приходилось считаться. Функции органов городского самоуправления претерпели существенные изменения. Если ранее они занимались, главным образом, вопросами взимания налогов и сборов, выполнением разного рода казенных повинностей и даже субсидированием ряда правительственных учреждений, то теперь в ведение городского самоуправления (правда, под жестким контролем властей) передавался широкий круг вопросов муниципального хозяйства, здравоохранения, народного просвещения и образования, продовольственного обеспечения населения.

Еще одним важным направлением преобразовательской деятельности властей была судебная реформа. Реорганизация судебной системы признавалась настоятельной необходимостью уже давно, но лишь с отменой крепостного права она стала неизбежной. Практически разработка реформы началась

с 1856 г., сопровождалась острыми дискуссиями и после неоднократных обсуждений и переработок 20 ноября 1864 г. приняла форму закона¹⁶. Новые судебные уставы, разработанные прогрессивными российскими юристами (С.И. Зарудный, Д.А. Ровинский, Н.И. Стояновский, Н.А. Буцковский) при содействии министра юстиции Д.Н. Замятина, во многом находились на уровне тогдашних достижений юриспруденции и судебной практики передовых стран Европы. Они решительно порывали с дореформенным судоустройством и судопроизводством. Новый суд строился на всесловных началах, была провозглашена несменяемость судей, независимость суда от администрации, гласность, устность и состязательность процесса, вводился институт адвокатуры; при рассмотрении уголовных дел в окружных судах предусматривалось участие присяжных заседателей; прежние сословные судьи заменялись юристами со специальным образованием. Радикально менялась система предварительного следствия, которое ранее выполнялось полицией. Теперь судебные следователи входили в состав окружных судов и подчинялись прокурору и председателю суда. Для рассмотрения незначительных уголовных и гражданских дел создавался мировой суд с выборными судьям, избиравшимися на уездных земских собраниях и утверждавшихся Сенатом. Для всех судов империи действовала единая высшая апелляционная инстанция – уголовно-кассационный и гражданско-кассационный департаменты Сената.

Вместе с тем и эта наиболее последовательная и прогрессивная реформа была несвободна от все тех же феодальных рудиментов. Наряду с общими судами продолжали существовать крестьянские волостные суды, действовавшие на основе обычного права. Мировые судьи не были независимы от местной администрации, т.к. списки лиц, баллотировавшихся на эти должности, предварительно утверждались губернаторами. Ограничена была подсудность чиновников и дворян (для передачи дел в суд на первых требовалось согласие начальства, а для дворян – санкция самого императора), присяжные заседатели отбирались из списков, также утверждавшихся губернатором, и т.д. И тем не менее, судебная реформа, несмотря на все ее

недостатки, сыграла огромную роль, вводя порядки и нормы правового государства. Но именно поэтому ее внедрение затянулось более чем на 30 лет, а многие важные статьи судебных уставов были пересмотрены или вообще отменены.

Был предпринят и ряд других преобразований: школьная реформа («Положение о начальных народных училищах» 14 июня 1864 г. и «Устав для средней школы» 19 ноября 1864 г.), подтвердившие введение всеобщности во всех ее звеньях; принят новый университетский устав 18 июня 1863 г., восстановивший академическую автономию университетов и разрешивший создание научных студенческих обществ, начали действовать временные правила для печати (18 мая 1863 г. и 6 апреля 1864 г.), отменявшие предварительную цензуру для изданий объемом свыше 10 печатных листов и даже разрешавшие критиковать недостатки администрации. Уже на излете преобразовательских усилий власти шла разработка еще двух крупных реформ – известной реформы городского самоуправления 1870 г., о которой речь шла выше, и комплекса военных преобразований, устанавливавших новые принципы организации, размещения и комплектования армии. Важнейшим из последних был закон 1 января 1874 г. о всеобщей воинской повинности. Он имел огромное значение: с точки зрения сугубо военной он позволял модернизировать вооруженные силы страны и создавать крупные обученные резервы при ограниченной численности войск; в плане же социальном – он способствовал сглаживанию сословных градаций в обществе, что, несомненно, являлось важной предпосылкой формирования гражданских начал.

Преобразования широко затронули и социально-экономическую сферу. Законодательство 60-х годов ликвидировало все сословные ограничения в торгово-промышленном предпринимательстве. Положение 8 января 1863 г. «О пошлинах за право торговли и других промыслов» формально предоставляло лицам всех сословий равные возможности¹⁷. Была ликвидирована монополия помещиков на винокурение, дававшая им немалые доходы, предпринят ряд мер по привлечению в промышленность, торговлю и особенно в железнодорожное строи-

тельство частных отечественных и иностранных капиталов. Для ускорения сооружения транспортной инфраструктуры, становившейся «вопросом жизни» для экономики, 20 января 1857 г. было учреждено Главное общество российских железных дорог, которое должно было соорудить первую очередь железнодорожных магистралей протяженностью в 4 тыс. верст (к этому времени в России было всего 1,6 тыс. верст железных дорог). Темпы строительства по тем временам можно признать сравнительно высокими: к 1875 г. были введены в действие 18,9 тыс. верст дорог, построенных частными обществами при активном участии государства. Но успехи были весьма относительны: по протяженности железнодорожной сети Россия в разы отставала от ведущих держав. Собственная промышленная база оказалась весьма слаба, рельсы, оборудование и подвижной состав пришлось закупать за границей. В середине 60-х годов в России насчитывалось всего 644 крупных предприятия с числом рабочих 232 тыс., из которых паровые двигатели имели менее половины. Предпринимательская активность вылилась в лихорадочное грюндерство, беззастенчивую спекуляцию, в которой приняли участие и высшие правящие круги. К концу 70-х годов долги государства по иностранным займам достигли такого уровня, что железнодорожное строительство пришлось свернуть¹⁸. Но государство уже не могло отказаться от курса на оживление предпринимательства. Еще в 1860 г. был учрежден Государственный банк, выдававший кредиты предпринимателям. Затем появился ряд коммерческих и ипотечных акционерных банков, заложивших основы частной кредитной системы. С 1862 г. государственный бюджет, бывший для общества «тайной за семью печатями», стал достоянием гласности, что способствовало открытости правительственной политики и подняло престиж российских финансов за границей и укрепило кредит империи на мировом рынке. С 1866 г. стали публиковаться в прессе и отчеты государственного контроля. Все это способствовало упорядочению финансового хозяйства и частичному смягчению произвола и расточительности в расходовании казенных средств.

Консервативный поворот во внутренней политике правительства обычно связывается с первой попыткой покушения на Александра II, когда 4 апреля 1866 г. в него стрелял студент Д.В. Каракозов. Фактически же эта тенденция прослеживается едва ли не с момента разработки первых реформ и особенно с начала их реализации. В частности, сразу после подготовки крестьянских «Положений» 10 октября 1860 г. были упразднены Редакционные комиссии и их проекты были переданы в Главный комитет по крестьянскому делу, в котором преобладали оппоненты реформы. Главные лидеры преобразований Н.А. Милютин, А.И. Левшин, С.С. Ланской получили отставки через полтора месяца после опубликования манифеста об отмене крепостного права. Реализация реформы была фактически передана в руки ее противников. Мировые посредники так называемого первого призыва, пытавшиеся провести реформу в жизнь в точном соответствии с буквой закона, подверглись ожесточенным нападкам со стороны помещиков и вскоре были заменены более покладистыми кандидатами из дворянской же среды. Позднее, в 1874 г. этот институт был ликвидирован и заменен уездными по крестьянским делам присутствиями во главе с предводителями дворянства и с обязательным непременным членом по выбору местного дворянского собрания. Постепенно вынуждены были подать в отставку и другие либеральные министры (министры просвещения А.В. Головин, юстиции Д.Н. Замятнин и др.), замененные Александром II на деятелей откровенно консервативной ориентации (П.А. Валуев, Д.А. Толстой, В.Н. Панин). Как всегда в таких случаях, появляются властные временщики, пытающиеся узурпировать власть над всеми ведомствами. Таким временщиком с диктаторскими амбициями становится шеф III отделения граф П.А. Шувалов, пользовавшийся с 1866 по 1874 г. безраздельным влиянием на императора.

Эта тенденция не могла быть не замечена общественностью. Видный общественный деятель того времени князь А.И. Васильчиков в записке, написанной где-то в 70-х годах, считал, что явный поворот к реакции отчетливо обнаружился с 1866 г. «Большая часть Министров и Главнуправлений, – кон-

статировал он, — замещена такими лицами, которые во все время, покуда крестьянская, земская и судебная реформы обсуживались, явно или скрытно осуждали самые принципы, на коих основаны были эти положения...». И далее в записке отмечалось, что «почти все главные ведомства государственного управления в настоящее время заняты людьми, не сочувствующими новому порядку вещей», что они «ищут случая повергнуть нашу внутреннюю политику в смысле противоположном самоуправлению, свободе печати и гласности суда». Причем, по его мнению, «реакция» обнаружилась не в законодательных актах, а в секретных инструкциях и конфиденциальных переписках, не в мероприятиях и действиях, а в отзывах начальствующих лиц, их частных разговорах и личных сношениях, не в Министерствах и Департаментах, которые и до сих пор наполнены чиновниками, слывшими недавно ярыми радикалами, а в гостиных и кабинетах великосветского общества, где крестьянские учреждения, земство и гласный суд составляют предмет обыденных насмешек и едких нареканий». Тем не менее, он считал, что этот поворот в правительственной политике не должен коснуться главных, принципиальных основ проведенных преобразований¹⁹.

Фактически ситуация была значительно серьезнее. Охранительный курс властей прежде всего нашел выражение в укреплении административно-полицейской власти на местах. Именно эту цель преследовало постановление Комитета министров от 22 июля 1866 г. об усилении власти губернаторов, которым теперь подчинялись все местные учреждения и их служащие, в том числе и независимые по закону судьи, на их усмотрение передавались судьбы общественных организаций. Судебные уставы, уже поколебленные этим постановлением, затем подверглись неоднократным пересмотрам, в результате которых прежде всего существенно изменился порядок судопроизводства по политическим процессам. На основании закона 19 мая 1871 г. из ведения судебных следователей изымалось первоначальное дознание, передававшееся чинам жандармерии. Указом от 9 мая 1878 г. политические дела изымались из компетенции суда присяжных и переходили в ведение судебных па-

лат. С конца этого года многие политические дела рассматривались уже военными судами. Ограничивалась компетенция земств. В частности, из их ведения изымалось обложение на земские нужды торгово-промышленных предприятий (закон 21 ноября 1866 г.), что заметно сокращало источники поступления средств, расходуемых на местные нужды. В 1867 г. земствам было запрещено устанавливать взаимные контакты, публиковать без разрешения губернаторов свои постановления и отчеты. Вновь ужесточалась цензура. С 1868 г. МВД получило право запрещать розничную продажу «провинившихся» газет и журналов, а «временные правила» 5 апреля 1879 г. вообще представляли генерал-губернаторам своей властью приостанавливать деятельность периодических изданий. И, наконец, вновь в борьбе с «вольнодумством» главным объектом репрессий стала школа. Начальные учебные заведения с 1869 г. были отданы под контроль специально учрежденных инспекторов народных училищ. Затем по прямому указанию Александра II к делу народного просвещения были привлечены предводители дворянства, которые, согласно Положению от 25 марта 1874 г., возглавили уездные училищные советы, на которые возлагалось «попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании». Предводители получили огромные полномочия – вплоть до увольнения неугодных учителей и закрытия школ. Серьезной ломке подверглась и система среднего образования. Уставом 30 июля 1871 г. предусматривались только классические гимназии, где основной контингент учащихся составляли дети дворян. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища, выпускникам которых доступ в университеты был окончательно закрыт.

Главными причинами свертывания реформ, их корректировки было, с одной стороны, осознание или предчувствие властей несовместимости последствий преобразований с сохранением существующего политического режима, с другой стороны – усиление оппозиционного и леворадикального, революционного движения, которое все более принимало организованные формы.

Весь комплекс предпринятых преобразований – от социально-экономических до политических и культурных – неизбежно имел следствием сдвиги как в социальной структуре общества, появлении наряду с существовавшими условиями ростков новых, классовых градаций и их переходных форм (например, «разночинцы»), что остро ставило проблему социальной и культурной самоидентификации, так и в формировании общественного сознания, росте значимости общественного мнения, появлении новых политико-идеологических устремлений и т.д. Возраставшая потребность государства и частных сфер в подготовленных кадрах, несмотря на стремление властей регулировать состав учащихся, в целом имела следствием заметное увеличение слоя образованных людей и продолжавшуюся демократизацию системы образования. Реформы дали новый импульс формированию общественных организаций самых разных характеров и направлений – от коммерческих до профессиональных, от культурно-просветительных до благотворительных, от политико-идеологических до развлекательно-досуговых (традиционные салоны, клубы и т.п.). Из профессиональных научно-технических объединений наиболее значимыми были получившие в 60-х годах официальный статус Российское технологическое общество и Общество для содействия российской промышленности и торговле, в 70-х годах возникли Московское общество распространения технических знаний и Политехническое общество при Московском техническом училище, ставившие целью развитие технического образования в России, а также «лоббировавшие» интересы предпринимателей в правительственных структурах, не останавливаясь, впрочем, и перед их критикой, особенно за постоянное вмешательство государства в частное предпринимательство. Особое распространение получают научные и научно-практические общества. В 1864 г. при Московском университете возникает Общество любителей естествознания, преобразованное в 1867 г. в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, ставившее задачей не только поиск новых форм организации научных исследований, но и стремившиеся «сделать науку достоянием общественности», привить широ-

ким слоям населения интерес к научному знанию и «веру в величие империи, рождающих ученых специалистов». В эти годы проходит ряд всероссийских и региональных съездов специалистов, организуются показательные выставки. Именно после этнографической выставки 1872 г. возник первый национальный музей прикладных знаний – современный Политехнический музей, который, по мнению исследователей, стал примером возможного сотрудничества государства, муниципалитета и общественности, «примером зарождающегося гражданского общества». К концу 70-х годов насчитывалось около 200 различного рода ученых обществ²⁰.

Особое оживление царило в эти годы в организациях, связанных с культурой и образованием. Стараниями К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, М.Н. Лонгинова воспряло к жизни бывшее на грани закрытия Общество любителей российской словесности. Наиболее быстро растущим, ставшим к 1862 г. самым крупным объединением (до 600 членов), было Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литфонд, возникший в 1859 г.), среди основателей которого оказались П.В. Анненков, И.С. Тургенев, А.А. Краевский, К.Д. Кавелин, Н.А. Серно-Соловьевич, П.Л. Лавров, Н.Г. Чернышевский и еще около 70 ведущих писателей, издателей, ученых и журналистов. По инициативе Литфонда при различных организациях (Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства) возникли комитеты грамотности, занимавшиеся сбором данных о состоянии образования среди населения, организацией технических и сельскохозяйственных школ, изданием учебников, открытием воскресных школ и т.п. В феврале 1861 г. Министерство просвещения одобрило проведение регулярных съездов всероссийского исполнительного Комитета по распространению грамотности и представителей воскресных школ с целью «обеспечить единство действий». К лету 1862 г. сеть воскресных школ, ставивших задачей дать бесплатное начальное образование всем неимущим, насчитывала уже несколько сотен заведений и получила официальное одобрение. В марте 1862 г. в Петербурге возникло Общество по изданию дешевых книг для народа, также ставшее приме-

ром для подражания в провинции. Стремительно развивался процесс самоорганизации среди студенчества: землячества, библиотеки, читальни, студенческие суды и собрания, студенческие кассы и т.п. Но наиболее многочисленными в рассматриваемое двадцатилетие были различного рода благотворительные общества. Если до середины 50-х годов насчитывалось всего 40 частных благотворительных обществ и 73 частных благотворительных заведения, то к 1880 г. было уже 348 обществ и 225 заведений, появившихся, как отмечалось в обзоре МВД, в результате внимания к этой проблеме правительства и «постоянно возрастающей самодеятельностью самого общества...». Фактически количество этих обществ было значительно больше: по более поздним данным, их насчитывалось не менее 753²¹.

Процесс самоорганизации российского общества был сложным и противоречивым. Во-первых, несмотря на растущие темпы возникновения общественных объединений и разнородный их характер, они охватывали все же незначительную, в основном верхушечную часть общества. Во-вторых, далеко не всегда выдерживалась линия на сотрудничество с властями. Более того, по мере затухания преобразовательного процесса, выявления негативных, порой непредвиденных последствий реформ нарастает критика правительства, деятельность многих обществ политизируется, а в ряде случаев они перерастают в оппозиционные и даже леворадикальные организации. В составе императорских по статусу Вольном экономическом и Географическом обществах возникают Политико-экономические комитеты, которые обсуждают острые политические вопросы, сопровождающиеся критикой государственной политики. При Литфонде создается студенческая секция, которая занималась помощью студенческому движению, развернувшемуся с осени 1861 г. Орудием и средством оппозиционной деятельности становится даже существовавшее уже много лет «Общество любителей шахматной игры» (Шахклуб). Свыше 100 наиболее активных общественных деятелей столицы (И.Л. Лавров, Н.Г. Чернышевский, братья Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичи, Н.И. Костомаров, П.В. Павлов, бу-

душие деятели первой «Земли и Воли» Н.И. Утин и Л.Ф. Пантелеев и др.) взяли руководство этим объединением в свои руки и использовали его для расширения политической направленности деятельности Литфонда, воскресных школ и других организаций, критически обсуждая проблемы цензуры, системы налогообложения и даже изменения формы правления. При Литфонде создается студенческая секция, которая занималась оказанием помощи нуждающимся учащимся Петербургского университета, особенно в связи с репрессиями, последовавшими после студенческих волнений осени 1861 – весны 1862 г. Для уволенных студентов и всех желающих получить образование был создан так называемый Вольный университет, в котором читали лекции видные профессора.

В сфере политико-идеологической в отсутствие политических партий заметную роль продолжали играть периодические издания, вокруг которых группировались приверженцы тех или иных взглядов. Причем даже в правительственном лагере были свои группировки, поддерживавшие, например, реформаторский курс и группировавшиеся вокруг «Морского сборника» (издание морского ведомства великого князя Константина Николаевича), «Военного сборника» и «Русского инвалида» (органов Военного министерства). Изданиям с либеральным уклоном («Современник», «Голос», «Отечественные записки», «С.-Петербургские ведомости», затем «Вестник Европы») противостояли право-консервативные газеты и журналы («Вести», «Московские ведомости», «Гражданин», «Русский вестник»). Как писал Л.Н. Толстой, это было время, «когда появились журналы под самыми разнообразными знаменами, – журналы, развивавшие европейские начала на европейской почве, но с русским мировоззрением, и журналы, исключительно на русской почве, развивавшие русские начала, однако с европейским мирозерцанием»²². Впрочем, издания нередко меняли свою ориентацию со сменой владельцев и редакторов. Отличительной особенностью этого времени было то, что частная периодика вышла на массовый рынок. Так, если наибольший дореформенный тираж ежедневной газеты составлял приблизительно 500 экземпляров, то уже к середине 60-х годов «Московские ведомости»

М.Н. Каткова печатались тиражом в 12 тыс., а «Сын Отечества» А.А. Краевского – 20 тыс. экземпляров. В прессе всех направлений обсуждались острые проблемы выбора путей развития страны, правительство нередко подвергалось острой критике, за что издания (независимо от направлений) и их владельцы все чаще подвергались репрессиям (штрафы, приостановки, запрещения розничной продажи – вплоть до закрытия изданий и высылки «провинившихся» редакторов).

Появились и новые направления общественной мысли. Наряду с продолжавшейся полемикой славянофилов и западников появились радикально настроенные приверженцы «утопического социализма» (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов), так называемого «нигилизма» (Д.И. Писарев) и ряд других направлений и школ. Помимо публицистики, представители этих направлений предпринимают попытки создания различного рода объединений для практического воплощения своих идей. На крайне левом фланге общественного движения, где все более широкое распространение получали разного рода социалистические идеи, дело дошло до распространения антиправительственных памфлетов и прокламаций («К молодому поколению» М.Л. Михайлова, «Молодая Россия» П.Г. Заичневского, «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», приписываемая Н.Г. Чернышевскому, «Земская дума», «Великорус» и др.), а затем и к формированию тайных обществ. Возник ряд нелегальных студенческих кружков, а затем и подпольных организаций (из них наиболее известные первая и вторая народническая «Земля и Воля», ставившие целью широкую пропаганду своих взглядов, «Народная воля», принявшая на вооружение террористические методы борьбы с правительством и подготовку народного восстания). Это особая тема, не имеющая непосредственного отношения к нашей проблематике. В целом можно лишь отметить, что нелегальные политические организации того времени, претендовавшие на то, чтобы представлять интересы народных масс, не играли сколько-нибудь значимой роли в политической жизни страны. Их значение скорее косвенное – как фактор угрозы существующему строю, который учитывался в политической борьбе, более всего в пра-

вяхших верхах, а также во взаимоотношениях власти и общества. Учитывая необоснованную, как правило, беспочвенную радикальность их взглядов и методов действий, следует иметь в виду, что в определенной мере это была и реакция на сверхжесткие меры властей в отношении «инакомыслящих». А некоторые современники считали, что правительство своими непрерывными колебаниями внутриполитического курса само провоцировало молодежь на сопротивление властям. Тот же князь А.И. Васильчиков, отмечая периодические колебания в цивилизационном движении России, предупреждал, что «если нам суждено... перемещать каждые 10–15 лет все наши образы мыслей и действий, то нельзя также не предвидеть, что... мы дойдем до полнейшего индифферентизма и безверия, зловещих признаков политического растрепания». «...Много жертв понесла Россия от непоследовательности внутренней политики...» – писал он, – и всего прискорбнее то, что каждый из этих перемежающихся периодов, акций и реакций, продолжался довольно долго, чтобы возбудить все живые силы современного поколения и не довольно долго и прочно, чтобы принести какие-либо плоды»²³.

Весьма неоднозначной представляется роль в общественной и политической жизни страны сословий и их организаций. Огромные массы сельского и городского населения, несмотря на собственные формально самоуправляющиеся сословные институты и представительство в земских и городских органах самоуправления практически не принимали в ней никакого участия. Вместе с тем стоит отметить особую активность дворянских обществ, весьма пассивно ведших себя в николаевскую эпоху и оказавшихся с конца 50-х – начала 60-х годов едва ли не на гребне общественного возбуждения. Дворянство впервые попыталось использовать право ходатайств и петиций на имя верховной власти и таким образом впервые вышло на арену гражданской и политической жизни. Объяснялось это как остротой волновавших высшее сословие проблем, так и самим обращением к нему монарха за содействием в преобразовательских планах. Дворянство почувствовало вкус к политике с властью и навязыванию ей своих предложений еще в

ходе заседаний Редакционных комиссий. Известный англоман и один из богатейших людей в России граф В.П. Орлов-Давыдов, петербургский предводитель дворянства, в беседе с провинциальным депутатом убеждал его, что «депутаты не только вправе, но и обязаны сомкнуться в дружную оппозиционную силу против правительства, действия которого, в крестьянской реформе, явно ведут к подрыву не только материального благосостояния дворянства, но и политического его значения, как сословия, служащего исконным оплотом престола; что организованная в таком смысле оппозиция "имела бы значение оппозиции его величества, подобно английской парламентской оппозиции"...»²⁴.

Тогда объединить депутатов на оппозиционной платформе не удалось. Но вскоре, в ходе сессий дворянских собраний 1861-1862 гг. и середины 60-х годов, дворянская фронда приняла более широкий размах. Причем споры о курсе правительственной политики фактически сводились к тому, в какой мере государство может и должно контролировать социальные отношения. Теперь наряду с критикой действий правительства и неприемлемости его реформаторских проектов дворянство потребовало создания в том или ином виде «народного» представительства. Его требовали и либералы, считавшие необходимым ликвидировать сословные привилегии дворянства (по их мнению, его доминирующие позиции сохранятся в силу его культурного и материального превосходства), и консерваторы, рассчитывавшие не только сохранить сословие в прежнем виде, но превратить его в независимый политический институт, чьи права были бы гарантией от посягательств государства. В том и другом случае, при традиционном признании незыблемости монархического строя, речь шла о необходимости представительства, как гаранте от засилья и своеволия бюрократии и как необходимом атрибуте «истинной монархии», затрагивая, тем не менее, особенно учитывая перспективу, фактически существеннейшие основы самодержавного режима²⁵.

Особенно бурным было московское дворянское собрание 1862 г. Инициаторами выступили все те же его аристократическо-«олигархические» верхи. В своем выступлении Н.А. Безоб-

разов, петербургский уездный, а затем волоколамский предводитель, резко осудил крестьянскую реформу, предложив вернуть все земли и вотчинную власть помещикам и созвать выборных от дворянства для восстановления поправленных прав сословия. В таком виде предложение не прошло. Но зато большинство собрания высказалось за введение гласного суда, земства, свободы печати, созыва центрального всесословного представительства. В Петербургском собрании выступил со своей знаменитой «конституционной» запиской А.П. Платонов, царскосельский уездный предводитель, высказавшийся за создание всесословной Государственной думы, но при условии обеспечения преобладания в ней «просвещенных» собственников. Однако ни его записка, ни выступление того же Н.А. Безобразова не получили поддержки большинства. Предложения о созыве в том или ином виде представительства прозвучали в тверском, смоленском, симбирском собраниях, которые реализацию этой идеи связывали с предстоящей земской реформой. Собрания продемонстрировали отсутствие единства в рядах высшего сословия, хаотичность выступлений и организационный разброд. Вместе с тем некоторые исследователи считают, что за всем этим прослеживаются первые попытки наиболее активной части дворянства «освоить стезю публичной, как бы парламентской политической деятельности»²⁶.

Вторая волна дворянской оппозиционности также была связана с очередной сессией дворянских собраний 1863–1865 гг. Несмотря на циркулярные предупреждения МВД о запрете обсуждений важнейших мер правительства, ряд собраний вновь критически высказался по этому вопросу, причем прозвучавшие предложения о необходимости созыва представительства отличались уже более продуманным характером. Не успокоило помещиков и введение земств, которые, как предполагалось, будут способствовать отвлечению дворянства от общегосударственных проблем. И вновь «отличилось» московское собрание: прошедшее в 1865 г., оно рассматривается в литературе как «высшая точка» в конституционном выступлении сословия того времени. Н.А. Безобразов повторил свое предложение о созыве выборных от дворянства. Ему возражал

Д.Д. Голохвастов, звенигородский предводитель и гласный московского губернского земства, предложивший создание всероссийского выборного земского представительства и назвавший окружение царя «опричниной». В.П. Орлов-Давыдов охарактеризовал позицию царя как прокрестьянскую, как «демократический цезаризм», грозящий непредсказуемыми последствиями для самой власти. Его предложение сводилось к созданию наследственного, по назначению императора, представительства (подобно английской палате пэров), которое умеряло бы радикализм «земского собора». Идея созыва представительства была поддержана рязанским дворянским собранием, а также первым же петербургским губернским земским собранием, на котором А.П. Платонов выступил с идеей созыва всеобщего собрания. «С земством или с дворянством придется высочайшей власти считаться, – подводил итог этим событиям Орлов-Давыдов, – сила центрального министерского правительства потрясена. Если не один, так другой способ представительного правления водворится в России, и кажется, что первые к тому шаги уже сделаны»²⁷.

Ждать практических шагов в этом направлении пришлось почти 40 лет. Пока же власть была крайне обеспокоена складывавшейся ситуацией. Пойдя на уступки в удовлетворении конкретных требований собраний (устранение наиболее скомпрометировавших себя в глазах помещиков либеральных чиновников, предоставление льгот и прямой финансовой помощи ряду категорий владельцев и т.п.), власти решительно отвергли их политические притязания. Попытки создания аристократическими группировками нечто вроде политического объединения, используя в этих целях скарятинскую «Весть» и даже Общество взаимного поземельного кредита, оказались безуспешными. Неоднородность и разобщенность высшего сословия, неоднозначность позиций его отдельных слоев и групп позволили правительству достаточно свободно маневрировать, а в кульминационный момент – принять жесткие меры против оппозиционеров. Сначала в ряде циркулярных писем к губернаторам было указано, что собрания вышли за пределы отведенной им компетенции. Когда же эти предупреждения не возы-

мели действия, в ответ на постановления московского дворянства собрание было закрыто, его решения аннулированы, а наиболее активные деятели (В.П. Орлов-Давыдов, Н.А. Безобразов, редактор «Вестей» В.Д. Скарятин и др.) были высланы из столиц, отданы под суд или под надзор полиции. Более того, высочайший рескрипт от 13 июня 1867 г. не только указал, что московское дворянство вышло за рамки дозволенного и посягнуло на неограниченную власть монарха, но и запретил дворянским обществам касаться общегосударственных и политических вопросов. «Ни одно сословие не имеет права говорить именем других сословий, – заявил император. – Никто не призван принимать па себя, перед мною, ходатайства об общих пользах и нуждах государства». Рескрипт явился основанием для изменения законодательства, в котором теперь провозглашалось, что дворянские собрания «не должны входить в обсуждение предметов, прямому его ведению не подлежащих, и касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений»²⁸. Этого окрика хватило, чтобы дворянские общества в течение почти 20 лет не смели касаться общегосударственных проблем. Немногочисленные наиболее активные дворянские деятели сосредоточили свои усилия в земских собраниях, пытаясь всеми способами расширить компетенцию земств, наладить сотрудничество между губернскими управами, не оставляя мысли об «увенчании здания» общеземским представительством.

Идеи «конституционализма» (так воспринимала верховная власть любые предложения о представительстве) имели хождение, так же, как и в начале XIX века, и в правительственных кругах. Правда, теперь – и это важно! – они имели источник и какую-то почву в общественной среде, порой прямо заимствуя идеи представительства. Парадокс заключался в том, что консервативную цель – сохранение монархии в возможно более близком к самодержавию виде – предполагалось достичь с помощью либеральных мер. Течение это, захватывавшее в разное время то одни, то другие группировки в высших правящих сферах, также не отличались ни сплоченностью, ни единым замыслом.

Одним из немногих государственных деятелей того времени, имевших достаточно разработанную политическую программу, был П.А. Валуев, бывший сподвижник М.М. Сперанского в разработке и кодификации российского законодательства, понимавший, что в новых условиях старая система не может существовать в неизменном виде. Будучи с апреля 1861 г. министром внутренних дел, он, выполняя волю императора, достаточно круто реагировал на проявления не только леворадикального, но и дворянского оппозиционного настроения. Вместе с тем он считал, что одними репрессиями нельзя бороться с общественным недовольством. Суть его программы сводилась к следующему: политическая уступка дворянству в форме введения начал общегосударственного совещательного представительства, укрепление аппарата государственной власти и мобилизация прессы для организации идеологического отпора «противоуправительственным стремлениям».

Учитывая, что император на заседании Совета министров 13 апреля 1861 г. ясно дал понять, что он «не имеет конституционных планов», Валуев в своих первых записках (15 и 22 сентября 1861 г.) лишь осторожно намекал на невозможность сохранения безграничной власти монарха в новых условиях. «Одного почерка пера Вашего Величества достаточно, чтобы отменить весь свод законов Русской империи, – писал он, – но никакое высочайшее повеление не может ни поднять, ни понизить курса государственных бумаг на С.-Петербургской бирже». Вместе с тем он указывал, что отношение к правительству основных слоев российского общества негативно и что оно может рассчитывать на поддержку лишь «меньшинства гражданских чинов и войска». С этим вынужден был согласиться и император, начертавший на полях записки: «грустная истина»²⁹. Исходя из этого, министр предлагал «движению, обнаружившемуся в ныне видимых и быстро возраставших размерах, дать исход». «Всемирные летописи свидетельствуют, что в развитии государства настает время, когда для подавления идей, подрывающих государственный порядок, недостаточно употребления государственной власти и недостаточно именно по ограниченному числу безусловно ей подчиняющихся»

ся орудий, – подытоживал он свои наблюдения. – Необходимо содействие той части общества, которая одушевлена или может быть одушевлена идеями противоположными. Противопоставляя одну сторону другой, правительство может с большей безопасностью господствовать над обеими и, сохраняя общественный порядок, удерживать за собою надлежащий простор для собственно ему принадлежащей власти». Как ни завуалирована была автором записки мысль о представительстве, Александр II сразу понял суть предложения и категорически его отверг: «Прежде всего я желаю, чтобы правительственная власть была властью и не допускала никаких послаблений и чтобы всякий исполнял свято лежащую на нем обязанность. Второе же: стремиться к постепенному исправлению тех недостатков в нашей администрации, которые все чувствуют, но при этом не касаясь коренных основ монархического и самодержавного правительства»³⁰.

Ситуация продолжала обостряться, и Валуев, несмотря на выявившуюся позицию императора, в докладе о ходе разработки земской реформы в феврале 1862 г. вновь высказывается за введение представительства – на этот раз прямо предложив преобразование Государственного совета путем введения в него выборных от земств. В связи с польским восстанием и обострением отношений с западными державами, настаивавшими на восстановлении конституционных порядков в Царстве Польском, в апреле 1863 г. он пишет царю новую обширную записку о введении представительного правления в России, подчеркивая, что общественное мнение настроено в пользу учреждения тех или иных представительных институтов и что «необходимо дать России на пути развития государственных учреждений шаг вперед перед Польшей». Затем в ноябре 1863 г. он разрабатывает детальный проект реорганизации Государственного совета с учреждением при нем своего рода нижней палаты – съезда государственных гласных от земств и городов. Настойчивость министра во многом объясняется тем, что идея центрального представительства витала и в правящих сферах, и в обществе. Он неоднократно общался по этим вопросам с представителями аристократических кругов дворянства и, как

это ни парадоксально, опирался на поддержку шефа жандармов князя В.А. Долгорукого, а затем сменившего его на этом посту графа П.А. Шувалова – своеобразного приверженца английского парламентаризма, а также на сочувствие брата царя великого князя Константина Николаевича, у которых имелись свои соображения о представительных учреждениях. Уклончивость императора в оценке этих проектов питала некоторые иллюзии у высокопоставленных авторов, хотя свое резко отрицательное отношение к конституционным началам он выражал неоднократно. При этом царь не раз высказывался в том духе, что он не отрицает вообще конституционного пути для России, но считает не только народ, но и высшие классы не достигшими еще культурного уровня, необходимого для представительного правления, что без самодержавия Россия просто распадется³⁰. Причины для отказа от введения тех или иных представительных начал у Александра II, так же, как у его предшественников, а затем и потомков, были фактически одни и те же – здесь и ссылки на божественное происхождение верховной власти, и на необходимость ее для блага страны и народа и для предотвращения распада империи, и на неподготовленность народа в целом к конституционному правлению. И при этом – использование всех средств, чтобы затруднить гражданское воспитание подданных, задержать формирование политической культуры общества.

Параллельно с разработкой «конституционных» проектов и в тесной связи с ней вызревала идея создания объединенного правительства – на манер западноевропейского кабинета министров во главе с премьером. Диктовалось это необходимостью координации деятельности центральных ведомств, которым были присущи разрозненность действий, автономность и даже соперничество и вражда. Валуев неоднократно повторял мысль Сперанского о министерствах, которые функционировали по принципу «древней системы уделов». Старый Комитет министров с его множеством разнохарактерных и малозначимых дел не отвечал назревшей потребности централизации и согласованности действий в системе управления. Создание Совета министров в конце 1857 г. не решало проблемы: фактически под

этим названием проходили совещания царя с отдельными министрами, созывавшимися от случая к случаю и имевшими целью помочь императору составить мнение по тем или иным вопросам. Попытку превращения Совета министров в действительно объединенное министерство во главе с премьером, состоящее из лиц одного политического направления и с согласованной программой действий, предпринял тот же Валуев осенью 1861 г. Но, как и следовало ожидать, предложение это встретило резкое неприятие Александра II, увидевшего в нем покушение на его самодержавные прерогативы. Совет министров в этом же году был формально конституирован, но не только не стал органом объединенного правительства, но фактически постепенно превратился в нерегулярно заседавший второстепенный орган. Какое-то единство его политической ориентации достигалось подбором императором министров, отвечавших представлениям монарха о правительственном курсе.

Во второй половине 70-х годов в результате очередного всплеска общественного движения, особенно усилившегося в связи с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., в правительственных кругах вновь возникают проекты введения представительных начал, связанные с именами А.А. Половцева, А.В. Голловина, В.А. Арцимовича, Д.А. Милютина, А.А. Абазы, Е.А. Перетца, А.Н. Куломзиша и др. В обществе нарастает брожение в связи с предоставлением по мирному русско-турецкому договору конституции Болгарии. Император колеблется. Наиболее близким к осуществлению оказался проект М.Т. Лорис-Меликова, возглавившего 5 февраля 1880 г., после очередного покушения на царя, Верховную распорядительную комиссию, а затем назначенного министром внутренних дел.

Сам Лорис-Меликов из всех возможных кандидатов в «диктаторы» довольно случайно оказался на вершине бюрократической пирамиды. Профессиональный военный, он не занимал до своего кратковременного губернаторства (1878–1880) крупных административных постов. Назначением своим он был обязан едва ли не единственно паническим настроением в правящих верхах, искавших выход в установлении режи-

ма «крепкой руки» и выбравших для этого боевого генерала. Попав в сложные условия и оказавшись по взглядам близким к умеренным либералам, новоявленный временщик идет на сближение с либеральными группировками в правительстве и обществе. Его идеи были фактически модификацией уже известных проектов³². В докладе императору 11 апреля 1880 г. он предлагает пакет преобразований, весьма разнообразных и довольно скромных по своему характеру (реорганизация духовенства, податная реформа, расширение прав раскольников, либерализация паспортной системы, сдерживавшей передвижение крестьян, расширение крестьянского переселения, принятие закона о найме рабочих, преобразование губернской администрации, уточнение закона о печати и т.п.). Для реализации этой программы предлагалось привлечь представителей дворянства, земств и городов в качестве экспертов. В докладе 28 января 1881 г. вопрос о представительстве ставился уже как часть программы реформ. Предложение сводилось к включению выборных представителей от земств и городов в состав правительственных комиссий по разработке тех или иных законопроектов, касавшихся административно-хозяйственных и финансовых проблем. Их материалы должны были затем передаваться в Общую комиссию, в состав которой вводились члены подготовительных комиссий, депутаты, избранные губернскими земскими собраниями и городскими думами, а также назначенные правительством лица от районов, где не было земских и городских учреждений. Эта Общая комиссия должна была являться как бы нижней палатой при Государственном совете, верхней же предназначалось стать общему собранию членов Государственного совета. Проект рассматривался на особом совещании под председательством самого царя и в принципе – с небольшими изменениями – был одобрен. Подготовлен был уже и вариант правительственного сообщения, которое предполагалось обсудить 4 марта 1881 г. Однако 1 марта 1881 г. Александр II был убит боевиками «Народной воли».

Так завершилось бурное, полное противоречий и конфликтов 25-летнее царствование «царя-освободителя» с его попытками преодолеть смертельную черту между застоєм и модер-

низацией страны, изменить формировавшийся веками социально-экономический уклад огромной страны, приблизить его к западным образцам, не теряя при этом российской самобытности и учитывая особые условия складывания Российской империи. Преобразования коснулись важнейших сфер жизни государства и общества, заложив основы для капиталистического развития страны, перехода от традиционалистского к буржуазному строю. Инициатором преобразований и важнейшим их двигателем выступила верховная власть, которой пришлось преодолевать консервативный и даже ретроградный настрой влиятельнейших кругов во властных структурах и обществе. В ее активе отмена крепостного права, ставшая крупнейшим шагом в ликвидации феодальных структур и пережитков, создание нового правового поля в сфере предпринимательства, давшего новый импульс для развития экономики на рыночных основах, в сфере гражданских правоотношений, масштабное появление нового, муниципального типа хозяйственно-культурного самоуправления и как следствие всех усилий – некоторый рост гражданского самосознания и оживление общественно-политической жизни. Принципиальным шагом вперед в обеспечении личности от произвола властей и формирования гражданственности могла бы стать отмена в 1863 г. телесных наказаний, если бы не сохранение этой формы средневекового насилия над крестьянством (составлявшим более 80% населения), допускавшейся по приговорам волостных судов. Широта фронта преобразований, их невиданные в сравнении с прежними десятилетиями темпы обуславливались рядом факторов объективного и субъективного порядка. Сказались и потребности страны, диктовавшиеся как положением империи в системе мирового сообщества, ходом ее социально-экономического развития и его последствиями, и сама логика реформ, требовавшая комплексного подхода к преобразованиям, и опыт конкретного законодательства, накопленный в предшествовавшие царствования, и появление необходимых кадров специалистов, и более высокий уровень сознания самого общества, сумевшего посредством допущенной гласности оказать давление на правящие круги, и осознание необходимости и не-

избежности перемен самой верховной властью. Сотрудничество властных структур и общественности, одна из форм становления гражданского общества, было продемонстрировано в ходе выработки и оформления программ реформ, особенно в конце 50-х – начале 60-х годов (через печать, записки, ходатайства и т.п.) и реализации ряда конкретных преобразований, в совместной деятельности по ряду хозяйственных и культурных мероприятий муниципальных органов. В результате Россия сделала определенный шаг вперед к достижениям мировой цивилизации, внося в нее и собственный вклад.

В то же время ограниченность и непоследовательность предпринятых реформ обуславливались и возможностями преобразовательных потенций верховной власти, ее неспособностью преодолеть собственную традиционалистскую природу, а также сословной раздробленностью, политической, гражданской и культурной незрелостью российского общества (в середине 60-х годов в империи насчитывалось всего около 20 тыс. лиц с высшим образованием³³), что стало причиной незатухающих в нем противоречий. Коренной перестройки так и не произошло. Преобразования, не успев развернуться, лишь внесли некоторые изменения в социально-экономический и отчасти политический строй и остановились перед непреодолимым препятствием – необходимостью кардинального реформирования главных устоев государственно-политического строя. Для того, чтобы превратить реформы в «революцию сверху», Александру II надо было решиться на следующий шаг – пойти на введение представительного правления, т.е. решиться на введение конституционной монархии или хотя бы на предварительные шаги к ней. Проявленные им в конце жизни колебания в этом вопросе свидетельствовали о каких-то сдвигах в этом направлении. Лорис-меликовская эрзац-конституция могла, видимо, в дальнейшем, при благоприятных условиях, положить начало процессу формирования конституционной монархии. Но вполне могла и не сыграть этой роли, что на самом деле, как мы знаем, и случилось. Проявились и недостатки в административно-управленческой системе. Во-первых, с проведением земской, городской, судебной, военной реформ и появ-

лением новых управленческих структур, часто не совпадавших с административным делением, компетенция губернаторов несколько сузилась и, несмотря на стремление «верхов» придать этой должности статус «хозяина губернии», вошла в некоторое противоречия с другими ведомственными установлениями, и это «неудобство» так и не было преодолено. Во-вторых, обнаружилось издержки преобразований и в самой «властной вертикали», в механизме ее функционирования. Собственно бюрократический аппарат с министерствами и их местными органами, земские и городские самоуправленческие учреждения, сфера управления крестьянством, которое, получив некоторые гражданские права, оставалось изолированным в правовом и административном отношениях, – все эти звенья оказались «непритертыми», слабо между собой связанными. Все попытки как-то упорядочить эту систему, не затрагивая прерогатив монарха, оказывались безуспешными. Д.А. Милютин, автор одного из наиболее радикальных проектов преобразований, в 1879 г. писал: «...Если мы будем ограничиваться только исправлениями существующего хаоса, то ничего стройного не выйдет. По моему мнению, нужно не перестраивать старое здание, а выстроить новое по новому плану»³⁴. Этот план предполагал коренное преобразование политического строя и административного механизма империи с превращением Государственного совета в законодательный орган, наполовину состоящий из выборных от земств, создание объединенного правительства и полное преобразование всей системы местного управления с созданием на местах уездных и областных «палат» из представителей всех административных структур, «разделяющих» управление с земствами. Конечно, столь радикальные предложения не имели никаких реальных шансов, и автор даже не решился их обнародовать. Да и необратимость уже предпринятых реформ, особенно в сфере гражданской и политической, еще далеко не во всем была гарантирована. Реставрационный настрой имел базу и в сохранявшихся традиционалистских укладах, и в менталитете общества, и в сохранившихся почти без изменений природе и структуре старой власти. Нужен был лишь импульс – и опять-таки сверху – для

активизации консервативных сил. И он не заставил себя долго ждать.

- ¹ *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 421.
- ² Цит. по: *Чулков Г.И.* Императоры: психол. портреты. М., 1991. С. 230.
- ³ *Погодин М.П.* Сочинения М.П. Погодина. М., 1874. Т. 4: Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны, 1853–1856. С. 259, 263, 315, 317, 333, 334, 336, 340; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М., 1984. С. 27.
- ⁴ Цит. по: *Российские самодержцы, 1801–1917.* М., 1994. С. 174.
- ⁵ *Захарова Л.Г.* Указ. соч. С. 38–53.
- ⁶ *Голос минувшего.* 1916. № 5–6. С. 393.
- ⁷ *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам, конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002.
- ⁸ Цит. по: *Великие реформы в России, 1856–1874.* М., 1992. С. 35.
- ⁹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 36, отд-ние 1. № 36650, 36652, 36657–36675.
- ¹⁰ Там же. Т. 39. № 40457.
- ¹¹ *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957; *Петров Ф.А.* Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. // *Великие реформы в России, 1856–1874.* М., 1992. С. 204.
- ¹² Цит. по: *Гармиза В.В.* Указ. соч. С. 203.
- ¹³ *Верецагин А.Н.* Земский вопрос в России: политико-правовые отношения. М., 2002. С. 78, 79; *Христофоров И.А.* «Камень преткновения»: проблемы административных реформ последней четверти XIX – начала XX вв. // *Административные реформы в России: история и современность.* М., 2006. С. 222, 223.
- ¹⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. 49. № 52983.
- ¹⁵ *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // *Великие реформы в России, 1856–1874.* М., 1992. С. 229, 230; *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010.
- ¹⁶ ПСЗ. Собр. 2. Т. 39. № 41473–41478.
- ¹⁷ Там же. Т. 38. № 39118.
- ¹⁸ *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 66, 83, 88, 95.
- ¹⁹ Цит. по: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам ... Прил. С. 328–330.
- ²⁰ *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 19; *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 44, 45; *Бредли Дж.* Наука в городе: основание Московского политехнического музея // *Россия XXI.* 2005. № 2. С. 127; *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: власть и общество // *Очерки русской культуры XIX века.* М., 2000. Т. 2. С. 384.
- ²¹ *Линденмейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // *Великие реформы, 1856–1874.* М., 1992. С. 284; *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века. М., 2005.

- 22 Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1979. Т. 3. С. 356.
- 23 Цит. по: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам ... Прил. С. 322, 325.
- 24 Стремоухов П.Д. Заметка одного из депутатов первого призыва // Русская старина. 1900. № 4. С. 141.
- 25 См. подробнее: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам ... С. 138–155.
- 26 Там же. С. 155.
- 27 РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.
- 28 Свод законов Российской империи. Прод. 1876 г. Т. 9. Ст. 142; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 248–251; Скороспелова В.А. Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть» // Вестник Московского университета. Сер. История. 1974. № 2. С. 27–44.
- 29 Цит. по: Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 25.
- 30 Там же. С. 26.
- 31 Там же. С. 30, 37, 49.
- 32 Голицын Н.В. Конституция графа Лорис-Меликова: материалы для ее истории // Былое. 1918. № 4–5. Прил. С. 163; Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 32–53.
- 33 Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 55, 57, 70.
- 34 Цит. по: Христофоров И.А. «Камень преткновения»: проблемы административных реформ последней четверти XIX – начала XX вв. С. 228.

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ: «КОНТРЕФОРМЫ»

С убийством Александра II замешательство в правящих верхах в отношении курса внутренней политики не прекратилось. Как обычно при смене монарха, общество с настороженным вниманием следило за первыми официальными заявлениями нового царя. Уже 2 марта 1881 г., выступая перед членами Государственного совета и высшими сановниками, Александр III сказал: «Я принимаю венец с решимостью. Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им». Но, как мы знаем, «дело» преобразований, особенно в последние годы жизни Александра II, велось им без должной твердости и последовательности. Более того, оно во многом к концу его царствования было свернуто. Таким образом, фраза нового императора могла быть истолкована неоднозначно, и это давало надежду и либералам, и консерваторам, но вместе с тем у многих, знавших его настроения еще в бытность наследником, рождало и опасения. Итак, каковы же были его взгляды и намерения?

Ко времени вступления на престол 36-летний Александр Александрович вполне сформировался как личность. Почти полтора десятилетия он в качестве наследника участвовал в государственной и политической жизни страны, заседал в Государственном совете и Комитете министров. Правда, он не сразу стал цесаревичем. Наследником его объявили только в 1865 г. после смерти старшего брата – Николая Александровича. И лишь с этого времени будущий царь, которому тогда ми-

нуло 20 лет, стал получать необходимую для наследника подготовку. Первым наставником его был граф С.Г. Строганов, человек весьма консервативных взглядов, затем с 1860 г. им стал граф Б.М. Перовский. Новый наставник после первого же знакомства с цесаревичем пришел к заключению, что общее образование его оставляет желать лучшего, что сам он склонен к лени, не умеет выражать свои даже самые простые мысли. Подобран был весьма квалифицированный состав преподавателей, среди которых были известный профессор-правовед Московского университета К.П. Победоносцев, историк С.М. Соловьев, филолог Я.К. Грот, писатель барон М.А. Корф, профессор экономики Киевского университета Н.Х. Бунге, специалист по военному делу генерал М.И. Драгомиров, богословы В.В. Бажанов и И.В. Рождественский. Особую роль в образовании и воспитании наследника играл К.П. Победоносцева, преподававший гражданское право и прививший ему симпатию к консервативным установкам. Его неприязнь к реформам Александра II во многом передалась и воспитаннику. Цесаревич, чья отца, никогда публично не высказывал своих взглядов, но его настроения были известны ближайшему окружению. Помимо увлечения военным делом, общим для всех Романовых, он проявлял интерес к истории и одно время даже возглавлял Императорское историческое общество. Трудно сказать, что он извлек для себя из знакомства с историей: ему импонировали властные, решительные монархи. Особой начитанностью он никогда не отличался и особого интереса и рвения к наукам не проявлял. Победоносцева, которого в свое время раздражали склонность к либеральной фразе цесаревича Николая и его интерес к конституционным проблемам, вполне устраивало умонастроение будущего Александра III. Но при этом он, как и Перовский, весьма невысоко оценивал интеллектуальный уровень своего ученика. «Сегодня, – записывал он в дневник свои впечатления от проведенного с ним занятия, – я пробовал спрашивать вел. кн. о пройденном, чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего – и бедность сведений, или, лучше сказать, бедность идей удивительная»¹. Позднее уже другой видный сановник, С.Ю. Витте, с уважением и

признательностью вспоминая о царе («громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость»), в то же время отмечал, что он был «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования»². Таков был интеллектуальный потенциал Александра III, что, естественно, не могло не сказаться на выборе путей решения неотложных проблем, стоявших перед Россией.

Будучи убежденным антиконституционалистом, император тем не менее сразу не отверг проект М.Т. Лорис-Меликова, последней креатуры отца, о привлечения выборных представителей к законосовещательной работе. Сыграли роль и общая сложная, еще окончательно не определившаяся ситуация, отчасти и заверения министра в том, что он против любого конституционного преобразования форм правления в России, а также ограниченный характер его практической программы. Нерешительность и колебания царя попытались использовать обе группировки в правящих кругах. Лорис-Меликов 6 марта 1881 г. вручил царю всеподданнейший доклад по поводу планировавшегося заседания Совета министров и исправленный проект правительственного сообщения о призыве выборных. Заключительная часть последнего была написана заново: в ней говорилось о «всенародной скорби» по поводу убийства Александра II и о неуклонном стремлении нового императора «исполнить в точности родительский завет...». Александр III одобрил лорис-меликовские предложения, чем, казалось бы, подтвердил свое позитивное к ним отношение. Вместе с тем его усиленно «обрабатывал» Победоносцев, убеждавший царя, что любая уступка общественному мнению, тем более либеральному его направлению, будет губельна для России и для самого монарха.

Первое открытое столкновение сторонников и противников проекта произошло на совещании, созванном Александром III 8 марта 1881 г. Открывая его, царь заявил, что «вопрос не следует считать предрешенным», что он нуждается в дальнейшем обсуждении. М.Т. Лорис-Меликова поддержали председатель Комитета министров П.А. Валуев, военный министр Д.А. Милютин и министр финансов А.А. Абаза. Главным их аргументом

было утверждение, что предлагаемая мера весьма далека от конституции, она имеет целью просто справиться о мнении и взглядах общества, узнать истинные потребности страны и вместе с тем привлечь общественность на сторону правительства. С наиболее яростными нападками на проект выступили бывший наставник императора граф С.Г. Строганов и К.П. Победоносцев, обвинившие автора в конституционных поползновениях, ведущих к умалению роли самодержца. Речь Победоносцева, как отмечал в своем дневнике Д.А. Милютин, заставляла нервно вздрагивать всех присутствующих. «...Это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, – писал он, – а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой!»³ Император пока воздержался от прямой поддержки какой-либо из сторон. Но его настрой все же обнаружился в реплике, которую он произнес по поводу выступления С.Г. Строганова, заявившего, что путь, предложенный Лорис-Меликовым, неизбежно приведет к конституции. «Я тоже опасаюсь, что это первый шаг к конституции», – высказал свое мнение царь. Большинство выступавших тем не менее высказались в поддержку проекта. Заседание закончилось безрезультатно. Отношения между соперничавшими группировками в правительстве приняло характер прямой вражды.

Лорис-Меликов не оставлял намерения осуществить свою программу: 12 апреля он подает всеподданнейший доклад, в котором вновь намечаются задачи, стоящие перед правительством. Во многом они перекликаются с более ранними его предложениями, внесенными им еще при Александре II. Большинство их преследовали охранительные цели, но в чем-то объективно расширяли и либеральные преобразования. И вновь автор подтвердил свое мнение, что необходимыми условиями для выполнения намеченной программы должно быть, во-первых, «единство правительства и программы внутренней политики» и, во-вторых, «привлечение общественных деятелей к предварительной разработке и выполнению реформ»⁴. Одновременно Победоносцев и его сторонники пыта-

лись склонить императора в пользу своих представлений о путях выхода из кризисной ситуации. Результатом было решение царя созвать 21 апреля очередное совещание министров.

Совещание, состоявшееся в Гатчине, в целом не принесло ничего нового ни в аргументацию сторон, ни в их позиции, хотя внешне оно прошло значительно спокойнее предыдущего. Лорис-Меликов вновь изложил свою программу, и она была поддержана его сторонниками, не вызвав особых нареканий и у противников. Более того, обе стороны сошлись на том, что результатом реформ было усиление неурядиц в стране. Эту оценку, казалось, разделяли все, но выводы делались противоположные. Если сторонники преобразований причину этого видели в ограниченности и непоследовательности реформ, то вторые считали ошибочным сам реформаторский курс. Доказывая несостоятельность точки зрения консерваторов, Милютин, излагая в дневнике свою позицию на совещании, делал упор на то, что «последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев». «Я доказывал, – писал он далее, – что недоконченность начатых реформ и отсутствие общего плана привели к тому, что по всем частям государственного организма ощущается полный хаос...»⁵ Совещание опять кончилось безрезультатно, хотя царь и заявил о необходимости «полного согласия и единства между министрами» и рекомендовал согласовывать свои действия. Либералы склонны были даже рассматривать его как свой успех.

Однако наметился уже новый расклад сил. Совещание произвело, как оказалось, крайне неблагоприятное впечатление на императора. В этот же день он писал Победоносцеву: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно этого не будет, я не допущу»⁶. Монарх начал выходить из состояния неопределенности. Отсутствие новых террористических актов, разрознен-

ность и бессилие оппозиции, разгром революционного подполья позволили ему оправиться от парализующего страха. Как только эти опасения стали проходить, Александру III не стоило больших трудов нащупать свою линию, а основа его взглядов определилась давно. Победоносцев, сочтя ситуацию созревшей для решительных действий, направляет 26 апреля императору проект написанного им манифеста, в котором, как отмечалось в сопроводительном письме, «с намерением выражена твердая воля охранять самодержавную власть, – самое существенное, после чего должны уже замолкнуть толки, что сегодня или завтра явится конституция...»⁷. Совершенно неожиданно для Лорис-Меликова и его сторонников манифест был опубликован 29 апреля 1881 г. «Рубикон» был перейден. За образец был взят манифест Николая I от 19 декабря 1825 г., и отныне на все царствование Александра III ложится тень его деда, что еще четверть века назад казалось уже невозможным. Колебания кончились. «Посреди великой нашей скорби глас божий повелевает нам стоять бодро на деле правления в уповании на божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений», – так пышно и неуклюже, «под маской народности и православия», как отмечал Д.А. Милютин, провозглашался курс на укрепление самодержавия, на отказ от всяких уступок обществу. Спустя некоторое время император, возвращаясь к ситуации с проектом Лорис-Меликова, дал ему крайне негативную оценку: «Слава богу, этот преступный и поспешный шаг к конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным меньшинством»⁸. В передаче весьма информированного редактора «Нового времени» А.С. Суворина, по поводу самой идеи представительства царь выразился еще более определенно: «Конституция? Чтоб русский царь присягал каким-то скотам?»⁹

Издание манифеста немедленно вызвало изменения в составе правительства. В отставку были отправлены Лорис-Меликов, Милютин, Абаза. Еще ранее уволен был министр просвещения Сабуров, а великий князь Константин Николаевич

был не только удален с поста председателя Государственного совета, но и от двора. Однако еще некоторое время Александр III не выступал открыто с программой правления, создание которой требовало времени и привлечения в правительство новых лиц. Да и была ли такая общегосударственная программа?

В либеральной дореволюционной, а затем и в советской историографии утвердился тезис о внутренней политике 80-х – начала 90-х годов XIX века как периоде «контрреформ». Последнее время ряд авторов предлагает рассматривать эту политику Александра III как просто попытки «корректировки» правительственного курса и соответственно либеральных реформ 60–70-х годов. Действительно, едва ли правильно оценивать все это царствование как период фронтальных «контрреформ». Как мы увидим, правительство не могло вообще отказаться от преобразований, особенно в сфере социально-экономической, так или иначе отвечавших потребностям развития страны. Но в то же время очевидно, что суть и дух ряда основополагающих реформ предшествовавшего царствования были столь существенно пересмотрены, что это дает основание считать такой подход к реформаторскому наследию «контрреформаторским». Правда, такой поворот во внутренней политике прослеживается еще едва ли не с середины 60-х годов. Причем правительственный курс именно с этого времени постепенно приобретал националистический характер. Этому способствовали и восстание 1863 г. в Польше, вызвавшее националистическую реакцию в определенных кругах русского общества, и русско-турецкая война 1877–1878 гг. и события на Балканах, давшие новый импульс панславистским настроениям, и распространение в Европе и в России взамен положений классической политэкономии о свободе предпринимательства протекционистских идей Ф. Листа о национальной экономике, особой роли государства в задержавшихся в своем развитии стран и т.п. Главными программными установками нового царствования становятся всемерное отстаивание самодержавной формы правления и сословного принципа организации общества как базовых устоев власти и российской государственности вообще.

Идейное обоснование этого курса вызревало в окружение Александра III еще в бытность его наследником в конце 70-х годов. Входившие в это окружение известный публицист генерал Р.А. Фадеев и генерал-адъютант И.И. Воронцов-Дашков подготовили консервативную по своему духу программу в виде книги «Письма о современном состоянии России, 11–20 апреля 1879 – 6 апреля 1880 гг.». Книга была разрешена к изданию за границей еще Александром II, что затем было подтверждено и Александром III. Весной 1881 г. «Письма» были опубликованы в Лейпциге, а затем четырежды переиздавались в России. В них резкой критике подвергались идеи западного конституционализма, которому противопоставлялись «живое народное самодержавие», организованное земство, способное воплотить «идею единения царя с народом» и признающее «царя царем, а не главой исполнительной власти». В то же время авторы с не меньшим энтузиазмом критиковали «непомерно громадный бюрократический механизм», зараженный нигилизмом, и призывали к восстановлению допетровских государственных форм, в частности земских соборов. Идеи Р.А. Фадеева и И.И. Воронцова-Дашкова получили поддержку некоторых славянофильских кругов и должны были стать платформой тайного аристократического сообщества «Святая дружина», образованного в марте 1881 г. для борьбы с революционным движением¹⁰.

Однако идея созыва земского собора встретила резкие возражения Победоносцева и еще одного видного идеолога самодержавия М.Н. Каткова, редактора «Московских ведомостей», которых не устраивала, как и Александра III, любая форма представительства. Вторя Победоносцеву, Катков в своих публицистических статьях восхвалял самодержавие не только как самую совершенную и передовую форму государственного управления, но и как единственно возможную в России, органически связанную с ее национальной почвой, с ее историей и будущим¹¹. Именно этот тандем стал идеологическим центром по выработке нового правительственного курса. Пока же, выигрывая время, император пошел на создание переходного правительства Н.П. Игнатьева, занявшего по рекомендации Победоносцева пост министра внутренних дел. И до поры до

времени идея представительства еще казалась вполне реальной. О ней напоминали не только адреса земств, призывавших царя «войти в непосредственное общение с землей» через земских депутатов, но и верноподданные записки и проекты, исходившие из консервативного лагеря. Используя их, Игнатьев, в частности, предложил идею созыва к грядущей коронации Земского собора с прямыми выборами от сословий, что должно было, по его мнению, похоронить все конституционные устремления. Более того, по его инициативе были созданы комиссии для пересмотра законодательства в области местного управления (Комиссия М.С. Коханова), о правах службы в губерниях (Е.А. Перетца), Гражданского уложения (Н.И. Стояновского), о подрядах и поставках (В.Д. Философова), в которые были приглашены «сведующие люди». Однако усердие министра в этом плане только подорвало в глазах царя его репутацию. Окончательно уяснив, что с созывом собора связывается все та же ненавистная ему идея представительства, император решительно пресек любые попытки реанимировать этот средневековый институт. На созванном 27 мая 1882 г. совещании проекты Игнатьева были подвергнуты сокрушительной критике, а автор их вынужден был подать в отставку. Вместо него 30 мая того же года министром внутренних дел был назначен Д.А. Толстой, само назначение которого свидетельствовало об окончательной победе консервативного курса во внутренней политике.

Толстой, крупный рязанский помещик и удачливый карьерный бюрократ, начинал службу в морском ведомстве (директор канцелярии) и первоначально зарекомендовал себя как либерал-«константиновец», затем резко проэволюционировал вправо и уже в бытность свою министром просвещения и обер-прокурором Синода при Александре II стал символом реакции. Устранение его из правительства в апреле 1880 г. рассматривалось как несомненный успех Лорис-Меликова и его курса на либерализацию внутренней политики. И даже назначение в это же время обер-прокурором Синода Победоносцева, другого столпа консерватизма, не давало повода для переоценки этого факта. И вот теперь возвращение Толстого не просто к полити-

ческой деятельности, но на важнейший в империи пост свидетельствовало об определенности правительственного курса.

Первым наиболее значимым актом, направленным на укрепление политического режима, было «Положение о мерах к охране государственной безопасности и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., разработанное и принятое еще в период министерства Игнатъева¹². Этот акт, более известный как «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», предусматривал объявление в случае «нарушения общественного спокойствия» в тех или иных местностях «исключительного положения», что значительно расширяло пределы власти местных полицейских органов. Право объявлять положение усиленной охраны предоставлялось министру внутренних дел и генерал-губернаторам, а чрезвычайной – Комитету министров с последующим императорским утверждением. «Положение» давало право генерал-губернаторам, начальникам губерний и градоначальникам издавать обязательные постановления «по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности...», неисполнения которых предусматривало крупные штрафы и аресты. Кроме того, местные власти имели право без суда и следствия запрещать любые общественные собрания, высылать из пределов местности лиц, чье пребывание там признавалось нежелательным, закрывать торговые и промышленные предприятия, передавать дела о любых преступлениях из уголовного в военный суд, требовать рассмотрения дел в закрытом порядке. Полиции и жандармерии предоставлялось право задерживать на срок до двух недель всех подозреваемых в совершении преступлений или даже просто причастных к ним, проводить обыски и налагать аресты на всякого рода имущества. И наконец, губернаторы и градоначальники получали право утверждать в должности и отстранять от нее – в случае подозрения в неблагонадежности – чиновников всех ведомств, включая судебное, а также лиц, служивших в сословных, городских и земских учреждениях; приостанавливать и запрещать периодические издания; закрывать учебные заведения. По представлению Толстого от 21 июня 1883 г. статья «Положения», предусматривав-

шая административную высылку лиц, политически неблагонадежных, была изменена: теперь высылке подлежали вообще лица, признаваемые «вредными для государственного порядка и общественного спокойствия». В результате все объективные критерии в отношении такого рода дел совершенно утрачивались, предоставляя простор произволу местных властей. Всего, по официальным данным, за 14 лет александровского царствования за антигосударственные деяния было привлечено около 4 тыс. человек, 17 человек были казнены¹³. Много это или мало? Если вычислить процент по отношению ко всему населению империи (120 млн. человек), это действительно, как считают некоторые исследователи, незначительная величина. Но если учесть, что среди них были в основном лица, получившие образование, то доля их в просвещенной среде будет значительно заметнее.

Этот акт, утвержденный Комитетом министров как временный, затем продлевался каждые три года и фактически превратился в постоянный «дамоклов меч», нависший над общественной жизнью страны и просуществовавший вплоть до 1917 г. Предоставляя местной администрации огромные полномочия, «Положение» привело к определенному усилению и ужесточению властной «вертикали», не только в плане административно-полицейском, но и сводя к минимуму результаты всех преобразований, затрагивавшие нормы общественной жизни и гражданских прав. Упразднялось III Отделение С.Е.И.В. канцелярии, функции которого передавались МВД. В крупных городах учреждаются новые местные органы политического сыска – охранные отделения, в функции которых входят агентурная и розыскная деятельность, перлюстрация корреспонденции и т.п. Все эти меры, практически разрушавшие юридические основы формальной законности, фактически обанкротили идею «правового» самодержавия и вновь вели к созданию военно-полицейского государства.

Вслед за этим последовал ряд других мер по усилению борьбы с «инакомыслием», многие из которых разрабатывались еще в последние годы предыдущего царствования. За основу была взята программа Лорис-Меликова, но многие ее

пункты получили противоположное по своей направленности решение. Очередные «временные правила» о печати, утвержденные Александром III 27 августа 1882 г., ужесточили преследования прежде всего против либеральной печати, поставив ее под жесткий контроль и усилив цензурный гнет. С 1882 по 1887 г. количество официально запрещенных газет и журналов достигло 15 (в том числе лучший демократический журнал «Отечественные записки»), а общее число их составило несколько десятков. Многочисленные циркуляры ограничивали круг тем, разрешенных для освещения в печати. Причем репрессиям подвергся даже такой крайне консервативный орган, как «Московские ведомости» Каткова, позволявший себе критиковать за недостаточный консерватизм министров и порядок управления. В 1884 г. был издан каталог книг, запрещенных к выдаче в публичных библиотеках и читальнях. Таким образом, в России впервые была проведена чистка библиотек: 133 названий книг и периодических изданий, ранее разрешенных цензурой, были признаны «недопустимыми к обращению». Затем такая практика стала постоянной.

Одновременно последовали меры по ограничению университетской автономии и ужесточению контроля над преподаванием. Новый устав, утвержденный 23 августа 1884 г., фактически ликвидировал самоуправление университетов, отдав их полностью в ведение министра просвещения и попечителей учебных округов. Значительно увеличилась плата за обучение. С назначением министром И.Д. Делянова, близкого помощника Толстого в бытность его главой этого ведомства, активизировалась политика правительства в отношении школы. В сфере начального образования усиленно насаждались церковно-приходские школы, целью которых было не столько гражданское обучение, сколько религиозное воспитание в духе беспрекословного повиновения властям. К концу царствования Александра III их посещали около миллиона, в основном, крестьянских детей. В средней школе проводилась последовательная политика отсева претендентов на получение образования из непривилегированных и недостаточно обеспеченных материально слоев населения. Целью ставилось не только не допус-

тить распространение знаний среди детей необеспеченных родителей, но и установить предел процессу сословной нивелировки общества. Еще в 1879 г. для рассмотрения этой проблемы было создано особое межведомственное совещание. Его участники отнеслись со вниманием к предостережениям охранного ведомства, что одной из важных причин появления революционных агитаторов является дешевизна платы за обучение, ведущая к наплыву в учебные заведения таких элементов, которые «не представляют достаточного обеспечения ни к окончанию начатого курса учения, ни к размещению в общественной среде». Было решено вернуться к этому предмету, знакомому еще по николаевскому царствованию, и обсудить: «не следует ли положить предел искусственной поддержке весьма распространенного стремления перемещаться, путем высшего образования, из одного слоя общества в другое»¹⁴. Именно эта цель преследовалась знаменитым дялиновским циркуляром 1887 г. (о «кухаркиных детях»), рекомендовавшим гимназическому начальству ограничивать доступ в учебные заведения детей «недостаточных родителей».

Наряду с текущими, прагматическими административно-охранительными мерами в недрах толстовского МВД предпринимались и более «фундаментальные» попытки оздоровления и укрепления всего государственно-политического строя – и прежде всего на основе восстановления в полной мере идеологии сословного принципа организации общества как важнейшей опоры самодержавного режима. Выразителем подобных настроений стал А.Д. Пазухин, алатырский уездный предводитель дворянства Симбирской губернии. Последовательно отстаивая интересы дворянства, Пазухин решительно выступал против любых посягательств на принцип сословности в земской, городской, судебной и военной реформах¹⁵. Система его взглядов была изложена в программной статье «Современное состояние России и сословный вопрос», опубликованной в начале 1885 г. в «Русском вестнике» Каткова и получившей широкий резонанс. Отмечая негативные явления в обществе («все общественные элементы приходят в брожение, все классы общества охватываются страстью к наживе; наступает царство

фразы и лжи»), он усматривал их причину в бессловном начале, введенном реформами предыдущего царствования. В результате, отмечал автор, сословия, эти «части народного тела, от нормальной деятельности коих зависит здоровье организма», «растворяются довольно быстро в массе бесформенного общества». Укрепить «историческую организацию» общества и власти предлагалось поместному дворянству, вернув ему прежнее служилое значение и права, передав в его руки местное управление, земства и приняв при этом за образец реформы Петра I и Екатерины II. Причем на одном из первых мест стояла задача реорганизации крестьянского управления, восстановления патерналистско-патриархальных отношений в деревне, с участием поместного дворянства, но на несколько иной основе.

Пазухинские предложения были восприняты обществом как идеологический манифест нового правительственного курса. В августе 1885 г. автор их стал правителем канцелярии Толстого, получив фактически *carte blanche* на разработку реформы. И это было не случайно. Идеи, ставшие руководством для охранительного ведомства, были фактически тождественны настроениям Александра III. Так, в ходе коронационных торжеств в мае 1883 г. он, выступая перед крестьянскими волостными старшинами, призвал их «следовать советам и руководству ваших предводителей дворянства» (на что, крестьяне, «естественно», стоя на коленях, хором отвечали: «Мы довольны, много довольны»), а в рескрипте от 21 апреля 1885 г. по случаю 100-летия «Жалованной грамоты дворянству» выразил надежду, что высшее сословие, как и прежде, будет сохранять «первенствующее место в предводительстве ратном, делах местного управления и суда, в бескорыстном попечении о нуждах народа, распространении примером своим правил веры и верности, здравых начал народного образования»¹⁶. В этих словах, собственно, были определены назначение и сферы деятельности дворянства, которые предоставлялись ему верховной властью. Программа Пазухина, предлагавшая установить, при содействии прежде всего поместного дворянства, «твердую власть» в крестьянском управлении, поставить земство так,

чтобы оно перестало быть оппозиционным и служило одним из органов правительства с назначаемыми управами, упразднить мировых судей, передав их полномочия назначаемым земским начальникам, обсуждалась неоднократно и вызвала массу возражений даже консервативных министров. В наиболее полном виде она была представлена во всеподданнейшем докладе Толстого от 18 декабря 1886 г. В ее преамбуле осуждались «отвлеченные принципы и чуждые нам идеалы западноевропейской государственной теории и практики» и провозглашалось, что все органы управления «должны быть подведены и связаны... с властью русского самодержца». В качестве первоочередной задачи ставилось введение единоличной власти по контролю за крестьянством, как «не обладающим необходимым нравственным и умственным уровнем для самостоятельного заведывания делами своего сословия», сохранив вместе с тем «своеобразный, исторически сложившийся быт крестьянского сословия»¹⁷. Вызвано это было рядом обстоятельств и прежде всего тем, что указом от 28 декабря 1881 г. объявлялось об обязательном переводе всех бывших помещичьих крестьян на выкуп и о прекращении с 1883 г. временнообязанных отношений, а с 1886 г. переводились на выкуп и государственные крестьяне. Этими актами фактически завершался первый этап крестьянской реформы, и на повестку дня вставал вопрос об организации жизни деревни, о месте и роли крестьянства как сословия в социальной и властной структурах страны. Ситуация же с деревней становилась все более непредсказуемой: обострявшееся малоземелье, падение цен на сельскохозяйственную продукцию, рост недоимок по налогам и платежам, все более обнаруживающееся «своеволие» крестьян, непривычное для помещиков и властей, и т. д.

Было принято решение отделить реформу крестьянского управления от земской и, ссылаясь на якобы быстро назревающий хаос в деревне, выдвинуть в первую очередь продвижение закона о земских начальниках. В историографии последнего времени оценки места и роли этого института существенно разнятся. Одни исследователи считают, что он сыграл определенную позитивную роль в жизни крестьянства, лишен-

ного привычного начальственного руководства и попечительства. Другие склонны рассматривать его как экстраординарный институт с набором чрезвычайных полномочий и неопределенными задачами по «восстановлению порядка» в деревне. Действительно, земские начальники и их уездные съезды наделялись обширными судебными и административными функциями, большинство которых вообще не были регламентированы, и должны были руководствоваться не только законами и инструкциями, а также нигде не зафиксированным крестьянским обычным правом. Решения их фактически не подлежали обжалованию, хотя формально они подчинялись губернаторам и министру внутренних дел. Как бы то ни было, эта мера утрачивала значение звена в «системной» перестройке административного механизма и фактически лишала даже призрачной самостоятельности крестьянское самоуправление¹⁸.

Обсуждение проекта закона вылилось фактически в его критику со стороны большинства министров и членов Государственного совета. Суть претензий сводилась к тому, что нарушен был принцип разделения судебной и административной функций власти, что начальники наделяются огромными и бесконтрольными полномочиями, что они внесут лишь дополнительный элемент хаоса в местное управление. Был выдвинут контрпроект (граф И.И. Воронцов-Дашков), которым предлагалось учредить просто должность участкового начальника, наделив его только административными функциями, а во главе уезда вместо уездного предводителя, возглавлявшего все уездные административные структуры, поставить уездного начальника, и таким образом создать новые низовые звенья местного аппарата управления. Предложение интересно тем, что оно на 20 лет предвосхитило план реорганизации уездного управления П.А. Столыпина.

Государственный совет большинством голосов высказался против проекта. Однако Александр III не только утвердил мнение меньшинства, но дополнил проект повелением упразднить в сельской местности институт мировых судей (закон 12 июля 1889 г.). Таким образом, земский начальник, в подчинении у которого оказались крестьянские сходы, сельские и волостные

старосты и волостной суд, по приговору которого крестьяне могли подвергаться телесным наказаниям, оказывался монопольным интерпретатором роли закона и обычая. И хотя этот акт преподносился как очередная милость, оказанная властью дворянским корпорациям (дворянские собрания получили право составлять списки кандидатов на новые должности), но утверждались земские начальники губернатором и фактически являлись представителями коронной власти. Известный общественный деятель Б.Н. Чичерин, весьма умеренный либерал, оценивая этот акт, а также факт ликвидации мировых судей, избравших из местных помещиков земскими собраниями, и отмечая умаление роли предводителей дворянства, писал, что «в первый раз бюрократия внедрялась в самое сердце уезда и забирала все местное управление в свои руки»¹⁹.

Следующим шагом власти в укреплении традиционных патриархально-попечительных отношений в деревне стали меры по консервации общины. Ссылаясь на данные о нарастающем процессе дробления наделов и даже утраты крестьянством наделных земель, переходивших в руки зажиточной верхушки деревни и спекулянтов, правительство сначала указом от 18 марта 1886 г. затруднило семейные разделы: теперь они могли происходить только с согласия главы семьи и 2/3 сельского схода. Затем, в связи с масштабным неурожаем и голодом 1891/1892 гг., указом 8 июня 1893 г. были ограничены общинные переделы земли. Законом 14 декабря того же года фактически был приостановлен досрочный выкуп наделов (требовалось согласие 2/3 сельского схода и утверждение его решения уездным съездом земских начальников), запрещена была продажа их в руки лиц иных сословий и заклад в кредитных учреждениях, что в конечном итоге крайне негативно сказалось на предпринимательской инициативе крестьян и переходе их от натурального к рыночному хозяйству. Все предпринимаемые меры также оказывались связанными с реализацией политико-идеологической концепции «народного самодержавия» и попытками затормозить процесс распада его основы – сословного строя. В рамки этой концепции укладываются и правительственные меры, направленные на поддержание де-

ревни, в том числе и имевшие объективно хозяйственно-позитивные последствия – учреждение государственного Крестьянского поземельного банка (указ 18 мая 1882 г.), отмена подушной подати и соляного налога (1882–1886), попытки регулирования найма рабочей силы (указ 12 июня 1886 г.), некоторая либерализация паспортного режима, облегчавшая крестьянское отходничество, и попытки организации переселения крестьян на свободные земли (указ 13 июля 1889 г.).

В 80-е годы наблюдается очередная волна активности дворянских обществ, которые в своих ходатайствах о нуждах высшего сословия настойчиво напоминали монарху о том, что именно оно является орудием и опорой верховной власти, трона и династии. Общим для всех обращений дворянских собраний к императору были просьбы об ограждении сословия от разрушающего влияния пореформенных социально-экономических процессов. И правительство пошло на удовлетворение ряда финансово-экономических притязаний помещиков. Те из них, которые не завершили к началу 80-х годов переход на выкуп, получили от казны в виде как бы особого вознаграждения дополнительные выплаты, составлявшие около 12% всей выкупной суммы (около 46 млн. руб.). Министерство финансов приняло меры по облегчению положения заемщиков частных банков, выкупив закладные листы на помещичьи имения (на сумму в 26 млн. руб.) и передав их учрежденному государственному Дворянскому земельному банку, выдававшему долгосрочные ссуды на чрезвычайно льготных условиях. С 1883–1884 гг. помещикам был разрешен краткосрочный соло-вексельный кредит из Государственного банка для пополнения оборотных капиталов и т.д. Однако большинство мер по спасению помещичьих имений и поддержания социально-политического статуса дворянства оказались безуспешными. Политические же притязания дворянских собраний были, как и ранее, решительно отвергнуты. Правда, в связи с юбилеем «Жалованной грамоты дворянству» была восстановлена статья закона, позволявшая дворянским собраниям ходатайствовать об «исправлении недостатков», замеченных в местном управлении, но им по-прежнему было запрещено касаться вопросов обще-

государственного характера. Более того, когда ряд обществ высказался за созыв в связи с юбилейным событием собрания губернских предводителей дворянства император решительно отказал в этой просьбе, усмотрев в подобных ходатайствах стремление к реализации идеи общедворянского представительства.

Что касается земств, то уже после смерти Толстого после многочисленных переделок 12 июня 1890 г. было принято новое земское положение. В целом оно не меняло ни структуры земских органов, ни компетенции земства и места его в системе управления. Правда, вводились выборы по сословиям, что заметно укрепило позиции дворянства как в составе гласных, так и в управах. Крестьяне фактически лишались права выбора: теперь они могли выбирать по волостям лишь кандидатов в гласные, из которых губернатор назначал гласных. Губернатор получил и более широкие права по контролю за земскими постановлениями: теперь он мог осуществлять надзор не только за их «законностью», но и «целесообразностью». Однако в целом замыслы Толстого превратить земства в некий довесок к местным административным органам провалились. Тем не менее, предпринятые нововведения и ограничения обострили отношения между земскими деятелями и местной администрацией, укрепив в земствах оппозиционные настроения²⁰.

Вслед за земским положением последовало издание и нового городского положения, утвержденного царем 11 июня 1892 г. По замыслу МВД, оно должно было быть согласовано «с земским положением в новом его строе». Целью его также было, во-первых, упрочение позиций дворянства путем преодоления «тяготеющего влияния на выборы торгово-промышленного класса» и, во-вторых, расширение вмешательства администрации в дела городского самоуправления. Новое положение, введя ряд цензовых условий, отстраняло от участия в выборах довольно многочисленный слой средних и мелких предпринимателей, что автоматически должно было привести к увеличению доли представительства высшего сословия. Заметно умахлялась самостоятельность органов городского общественного управления, выборные члены которого получали

статус государственных служащих. О негативных последствиях такого пересмотра городского положения говорилось в ходе обсуждения его на стадии проекта в Государственном совете. Большинство выступавших отмечало, что «в делах общественного управления излишняя правительственная опека представляется столь же вредною, как и недостаток надзора», что такое отношение к самоуправлению «лишь охладит интерес к общественному делу», а это приведет к тому, что «весь центр тяжести» управления местным хозяйством ляжет на администрацию, круг деятельности которой и без того обширен». В результате попытки полностью включить органы городского самоуправления в местную административную систему также оказались безуспешными. Не достигли цели и намерения усилить консервативно-охранительный элемент в составе избирателей и гласных за счет владельцев городской недвижимости, что привело лишь к увеличению среди них доли лиц интеллигентных профессий, склонных к оппозиции властям.

Наконец, настоящим бельмом на глазу консервативно-охранительных сил стали судебные уставы 1864 годов. Судебная реформа совершенно не вписывалась в систему существовавшего государственно-политического строя. Уже к середине 80-х годов отчетливо вырисовываются контуры правительственной политики в этой области, предусматривавшей, во-первых, ликвидацию независимости суда (включение его в «общий строй государственный установлений») и несменяемости судей; во-вторых, отмену публичности судебных заседаний, ограничение состязательности судебного процесса (борьба с «адвокатским произволом») и, в третьих, ликвидация суда присяжных. Автором этих идей стал К.П. Победоносцев. Суды, согласно его мнению, изложенному во всеподданнейшей записке от 30 октября 1885 г., стесняют действия исполнительной власти, заставляя ее по каждому поводу обращаться за разрешением в судебные инстанции. Административный произвол волновал Победоносцева гораздо меньше. И надо отметить, что многое из его обширной программы было реализовано. Уже на основании «Положения об усиленной охране» администрация имела право вмешиваться в дела судебного ведомства и даже

устранять неугодных судей. Законом 20 мая 1885 г. было учреждено Высшее дисциплинарное присутствие при Сенате, которое могло увольнять и перемещать судей за дисциплинарные проступки. Затем 12 февраля 1887 г. был принят закон «Об ограничении публичности судебных заседаний», разрешавший с санкции министра юстиции проводить судебные заседания при закрытых дверях. В 1887–1889 гг. появился ряд указов, направленных против суда присяжных. Из его компетенции были изъяты дела по политическим преступлениям, значительно повышен ценз (имущественный и образовательный) для кандидатов в присяжные заседатели, что резко сократило возможности участия в судах демократических слоев населения. И, наконец, введение института земских начальников и упразднение мировых судей привело к соединению в одних руках административно-полицейской и судебной власти, что открывало путь бесконтрольному властному произволу на местах. Все частные поправки должны были завершиться общим пересмотром судебных уставов. С этой целью весной 1894 г. была создана Комиссия под председательством Н.В. Муравьева, только что назначенного министром юстиции. Смерть Александра III и изменившаяся ситуация не дали возможности правительству осуществить свои планы.

Тенденция к усилению вторжения государства во все сферы жизни страны отчетливо прослеживается и в социально-экономической политике правительства. Еще в царствование Александра II после кратковременного следования либеральным принципам свободного предпринимательства, приведшего к определенному хаосу в экономической жизни страны, особенно наглядно проявившемуся в железнодорожно-строительном и банковском «буме», правительство переходит к более жесткому регулированию торгово-промышленной деятельности и покровительственной политике в отношении развития наиболее важных отраслей промышленности. Эта тенденция становится определяющей в экономической политике при Александре III, будучи обусловленной, наряду с официальными субъективными установками на российскую самобытность и самодостаточность, объективными потребностями страны – бо-

лее тесным включением России в систему мирового сообщества, стремлением поддерживать статус великой державы, внутренними потребностями в развитии экономики, неумолимыми законами рыночных отношений и т. д.

В формировании принципиальных программных установок этой политики немаловажную роль сыграл все тот же тандем – К.П. Победоносцев и М.Н. Катков, положившие в основу ее мысль об укреплении самодержавия с помощью развития национальной промышленности. В ее конкретной разработке и реализации активную роль сыграли министры финансов Н.Х. Бунге (1881–1886), И.А. Вышнеградский (1887–1892) и С.Ю. Витте (1892–1903). Являясь убежденными монархистами, они, будучи высокопрофессиональными специалистами, в своей деятельности руководствовались отчасти и либеральными идеями и использовали комплекс различных мер для придания дополнительного импульса экономическому развитию страны. Их программы предусматривали разные меры поощрения прежде всего тех отраслей промышленности и железнодорожного строительства, в которых было заинтересовано государство (таможенный протекционизм, крупные государственные заказы, льготные кредиты и налогообложение, гарантии доходности и т.п.), укрепление финансово-экономического положения империи (оздоровление государственного бюджета, поддержание денежного обращения, строгий контроль над биржевыми операциями и т.д.), всемерное усиление государственного контроля над предпринимательством – вплоть до огосударствления железных дорог (государственное регулирование железнодорожных тарифов, прямой выкуп в казну ряда частных дорог) и создания крупного казенного сектора в промышленности. Развитие промышленности и торговли вполне отвечало интересам самодержавия как в плане укрепления военно-экономического потенциала страны, так и в плане сугубо фискальных целей – увеличение доходной части бюджета за счет различных налогов и сборов.

В эти годы продолжалось интенсивное железнодорожное строительство, возникали новые крупные предприятия индустриального типа. Вместе с тем вскрылись и последствия «сво-

бодного предпринимательства». В 1876–1884 гг. работала Комиссия для исследования железнодорожного дела, которая пришла к выводу о полной его несостоятельности «в торговом и промышленно-коммерческом отношении», обусловленной «концессионной системой» и убыточной деятельностью частных железнодорожных обществ при правительственной гарантии их доходности. С этого времени активизируется деятельность государства в этой области. В 1885 г. утверждается «Общий устав российских железных дорог», введший единые юридические нормы хозяйственной эксплуатации дорог, твердые государственные начала в регламентации деятельности железнодорожной администрации, создается Совет по железнодорожным делам, а в 1889 г. – Департамент железнодорожных дел при министерстве финансов. Выкуп частных дорог стал частью финансовой политики государства: за 1881–1892 гг. в казну перешли 14 дорог общей протяженностью более 7 тыс. верст. Если первоначально основными мотивами выкупа были причины финансового банкротства и развала железнодорожного хозяйства, то затем на первый план вышли соображения о необходимости повышения эффективности перевозок, требовавшие централизации и реорганизации железнодорожной сети, а также военно-стратегические и политические интересы государства. Продолжалось и строительство новых магистралей. Общая протяженность дорог за 1881–1894 гг. возросла с 22,9 тыс. до 33,8 тыс. верст²¹. Железные дороги стали мощным фактором развития экономики, в первую очередь – тяжелой промышленности (металлургия, металлообработка, добыча полезных ископаемых), темпы роста которой заметно возросли.

Вместе с тем меры по развитию экономики неизбежно имели следствием появления новых проблем, обусловленных потребностями самой торгово-промышленной сферы (прежде всего – модернизация торгово-промышленного законодательства), формированием новых социальных страт, характерных уже для индустриального общества (буржуазии, рабочего класса, зарождающиеся слои, относящиеся к так называемому среднему классу), появления нового типа профессиональных общественных объединений (предпринимательских союзов, всерос-

сийских и региональных торгово-промышленных и сельскохозяйственных съездов и т.п.). Министерство финансов становится, наряду с МВД, одним из ведущих ведомств. Сами министры понимали, что экономическое развитие страны невозможно без частного предпринимательства и что роль государства отнюдь не сводится к финансовому содействию его развитию, но еще более – к созданию общих благоприятных условий для этого. Еще в сентябре 1880 г. Н.Х. Бунге в записке, адресованной Александру II по поводу состояния народного хозяйства, высказывался за принятие прежде всего мер общего характера, в частности за разработку современного фабрично-заводского законодательства, отсутствие которого «сдерживает» развитие промышленности. «...Для содействия обрабатывающей промышленности, заводским и торговым предприятиям... – писал он, – от правительства требуется... не столько материальная помощь, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, примененных к современному развитию народного хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении на полстолетия...»²² Бунге удалось несколько осовременить некоторые нормы торгово-промышленного законодательства (введение фабрично-заводской инспекции, регулирование трудовых отношений на производстве, ограничение использования женского и детского труда, уточнение налогового законодательства и т.п.). Причем промышленное развитие России в программе Бунге связывалось с преобразованиями в деревне. Он выступал за принцип всеобщности в податной политике, за отмену круговой поруки, пересмотр паспортной системы, предоставляя условия для передвижения крестьянства, за переход от общинного к подворному землевладению и т.д., что должно было сблизить торгово-промышленный и аграрный сектора экономики. Все это вызвало град нападков со стороны и помещичьих, и предпринимательских, и бюрократических кругов. В результате ожесточенной критики его деятельности со стороны катковских «Московских ведомостей» он был отправлен в отставку и заменен более компромиссным А.И. Вышнеградским, профессором механики Петербургского технологического института и

известным в предпринимательских кругах благодаря своей деятельности в качестве председателя правления крупного акционерного Общества Юго-западных железных дорог. Будучи более податливым к давлению консервативных кругов, новый министр все же продолжил линию по покровительству промышленности и ликвидации бюджетных дефицитов. В его министерство таможенные тарифы на ввоз некоторых видов иностранной продукции фактически приняли запретительный характер (1891). Очередной бурный всплеск активности этой политики пришелся на министерство С.Ю. Витте, большая часть деятельности которого связана была уже с царствованием последнего российского императора Николая II.

Несмотря на жесткие меры в отношении оппозиции, печати и репрессии в отношении леворадикальных организаций, общественная и культурная жизнь в стране не замерла. Потребность в подготовленных специалистах испытывал не только государственный аппарат, сфера деятельности которого становилась все более разнообразной и сложной, но и различные отрасли народного хозяйства. Количество учебных заведений всех уровней и различной принадлежности и число учащихся продолжали расти. Процесс самоорганизации общества приобрел все более широкие масштабы. Если в первой половине века преобладали литературные объединения, то во второй его половине лидерство перешло к ученым сообществам. Модернизация промышленности, усложнение технической оснащенности предприятий, ширившееся железнодорожное строительство ставило все новые и более сложные задачи, решить которые только через систему государственных заведений было невозможно. К началу 80-х годов насчитывалось около 200 научных объединений, к концу 90-х годов их было уже не менее 340. Нацеленные на консолидацию научных сил, эти ассоциации постоянно расширяли географию своего распространения: в последней четверти века свыше 2/3 их действовали в 100 губернских и уездных городах. Многие из этих объединений скоро переросли рамки чисто научных организаций, деятельность их превратилась в факт социальной и культурной жизни страны.

Либерально-гуманистические взгляды и высокие идейные устремления присущи были организациям врачей, составлявших почти половину всех общественных научных объединений. В царствование Александра III оздоровление народа официально было признано одной из первоочередных задач государственной важности. За пореформенные 30 лет были открыты свыше 100 таких ассоциаций, развернувших свою деятельность в более чем 70 городах (в 1864 г. их было всего 5). О растущей авторитетности врачебных обществ свидетельствуют факты постоянного обращения к ним местной администрации по вопросам организации обследования населенных пунктов в медико-санитарном и эколого-эпидемическом отношениях. Было дано высочайшее разрешение на проведение съездов врачей. В 1883 г. в Москве учреждается Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, занимавшееся организацией этих съездов. Целью общества ставилось развитие медицинской науки и практики, повышение престижа русской медицины и врачебной специальности²³.

Из организаций, работавших в области гуманитарных и общественных наук (к концу века их насчитывалось более 60, в том числе более 30 историко-археологических, до 10 юридических, 6 филологических и т. д.), наиболее заметную общественную роль играли юридические общества, что обуславливалось повышенным общественным интересом к деятельности новых реформированных судебных институтов, ростом престижа юридической профессии и непростыми отношениями служителей юриспруденции с властями. Они функционировали почти во всех крупных университетских городах (Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Казани). Свою задачу они видели в том, чтобы подготавливать население к участию в государственном управлении, формировать у них четкое представление «о праве, законности, о действительных основах порядка», служить «развитию общественного правосознания». Такие масштабные задачи были порождены убежденностью общественных деятелей в приближении «века свободы и демократизма», того состояния общественности, когда, по словам председателя Московского юридического общества С.А. Муромцева, «каждый

сам призван стоять на страже и свободы и равенства, ибо нет той силы, которая могла бы создать их для человека, когда сознание их ему самому чуждо»²⁴.

В результате поправления политического курса самодержавия, жесткого отношения властей к оппозиции и разгрома народнических организаций для общества было характерно обращение к чисто культурнической работе. Идеологи теории «малых дел», увлекшей общественность того времени, выступали с программой постепенного и поэтапного реформирования жизни посредством отдельных социально-экономических и культурных улучшений. Наибольшим вниманием пользовались различные легальные организации профессионально-производственного и культурно-просветительного характера. Многие из них пытались организовывать свою деятельность в сотрудничестве с местными властями. Не всегда это получалось, и тогда в обществе накапливались ферменты недовольства, перераставшие в оппозиционные настроения.

В формировании общественного мнения в России огромную роль играли периодика, литература. В отличие от Запада, где печать отражала состояние общественного мнения, в России она фактически формировала его. Несмотря на усложнение условий работы, в первую очередь в результате цензурных ограничений и административных репрессий, в России к концу царствования Александра III издавалось 804 периодических органа – на русском и других языках. Примерно 15% их составляли «казенные» издания, остальные принадлежали частным обществам и лицам, отражая самые различные стороны общественной жизни. О профильном многообразии изданий свидетельствовал тот факт, что среди них были и общественно-политические, и философские, и богословские, и литературные, и сатирические, и учебные, и спортивные и другие газеты и журналы. Книгоиздательское дело, коммерциализируясь, все более приобретало масштабность. В 1894 г. перечень изданных книг достиг почти 11 тыс. наименований (в 1890 г. – 8 638)²⁵. Культурная жизнь в стране продолжалась. Работали десятки театров и «свободных антреприз», устраивались художественные выставки. В это время творили выдающиеся русские писа-

тели: Н.С. Лесков, А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин и др., поднимавшие, острые, значимые для общественной жизни того времени социально-политические, нравственно-философские, литературные проблемы. Нередко у литераторов и художников возникали конфликты с властями по поводу или иного произведения (Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.Е. Репин, Н.Н. Ге и др.), и это будоражило общество, оказавшееся перед проблемой выбора позиции.

С 80-х годов перед Российской империей встает еще одна важная, приобретающая особую актуальность проблема – необходимость унификации общеимперской системы управления, тесно связанной как с проблемами самой российской государственности, так и с национально-культурными, социально-экономическими и политическими особенностями значительной части ее территорий, в основном окраинных. Причин и факторов такой политики было много – и субъективного, и объективного порядка. Перемены в организации управления на окраинах начались еще в первой трети XIX века. После польского восстания 1830 г. был предпринят ряд мер по ликвидации административно-правовой автономии Польши: упразднился Сейм и Государственный совет, во главе Царства Польского был поставлен Совет под председательством наместника, а в Государственном совете Российской империи был образован департамент для рассмотрения законодательных вопросов, касавшихся польских губерний. После восстания 1863 г. там вводится общеимперская система управления. Царство Польское становится Привислинским краем, разделенным на 10 губерний, во главе с Варшавским генерал-губернатором. Уезды управлялись уездными начальниками, возглавлявшими уездные управления. В сельских местностях были созданы всеобщие органы волостного и сельского управления – гмины во главе с войтом и гминный суд.

На Кавказе с 1844 по 1867 г. действовало «Положение об управлении Кавказским наместничеством», согласно которому в наместничестве, возглавлявшемся личным представителем императора, существовали губернии во главе с военными гу-

бернаторами, которым были подведомственны военные и гражданские дела. Деятельность наместника контролировалась Кавказским Комитетом, функционировавшим с 1840 по 1882 г. Права наместника постепенно сокращались, и в 1883 г. Кавказское наместничество было упразднено, а главой администрации стал главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

В Туркестанском генерал-губернаторстве долгое время действовали временные положения, распространявшиеся на отдельные области, округа и отделы. В 1886 г. было принято единое положение об управлении Туркестанским краем. Его разработчики исходили из того, что военное завоевание Средней Азии закончилось, край достаточно «обрусел» и может управляться на основе общеимперского законодательства, при сохранении для коренного населения отдельных традиционных учреждений. Правда, был создан Совет туркестанского генерал-губернатора, которому были предоставлены широкие полномочия, вплоть до права законодательной инициативы в вопросах, связанных с управлением краем, но сокращены были полномочия во внешнеполитических вопросах.

Особое внимание Александр III уделял положению прибалтийских губерний, где действовала особая, отличная от имперской, система местного самоуправления, основу которой составляли немецкие дворянские общества (рыцарства) – Курляндское, Лифляндское, Эстляндское и о. Эзель. Органы местного дворянского самоуправления (ландтаги, конвенты), формально будучи дворянскими корпоративными учреждениями, фактически являлись властными структурами с достаточно широкой компетенцией, составляя как бы параллельную общеимперской систему исполнительной власти в крае²⁶. По настоянию императора в Остзейских губерниях был проведен ряд административных преобразований, ограничивавших привилегии местного дворянства. В 1888 г. была проведена реформа полиции, которая была реорганизована по общеимперскому образцу. В следующем году на прибалтийские губернии была распространена судебная реформа, ликвидировавшая сословные судебные органы (гофгерихты, ландгерихты, магистраты).

Была предпринята попытка ввести в этих губерниях и земские учреждения, но в результате активного сопротивления местного дворянства этот проект так и не был осуществлен.

Несколько выпадает из общего направления правительственная политика в отношении Финляндии, автономные права которой несколько даже расширились. Так, в 1863 г. был создан финляндский Сейм, не собиравшийся с 1809 г. В 1869 г. его Общему собранию было разрешено самостоятельно решать ряд дел, связанных с управлением княжеством. А в 1886 г. Сейму было даже представлено право законодательной инициативы, что существенно подняло его статус как представительного учреждения. Этому способствовали как политическая стабильность в регионе, так и его особое внешнеполитическое положение.

Тенденция к административной унификации отчетливо прослеживается в сокращении генерал-губернаторств и ограничении полномочий их глав. С 1856 по 1881 г. было упразднено восемь таких административных подразделений. Теперь они оставались или учреждались вновь, в основном, в политически проблемных регионах²⁷.

Составными частями этой унификационной политики были меры по насаждению на окраинах административных кадров преимущественно русского происхождения, а также обязательное введение русского языка в местное управленческое и судебное делопроизводство, в учебные заведения. Известное пристрастие Александра III к национализму, русификаторству проявлялось и в стремлении распространить там влияние православной церкви, в поддержке русскоязычных газет и журналов, в ограничении культурно-национальных особенностей, что было присуще, в основном, западным регионам, по ряду параметров социально-экономического и культурного развития превосходившие великорусские губернии. Эти меры и по своей направленности и по последствиям были весьма противоречивы: с одной стороны, это могло быть реакцией властей на зарождавшееся национальное самосознание, появление культурных (культуртрегерских) и политических организаций (политические партии появились на окраинах раньше, чем в

великорусском центре); с другой стороны, они вызывали протестные настроения и способствовали ускорению процесса оформления националистической идеологии и национальных движений. Правда, в то время такие настроения, как правило, в большинстве своем не выходили за пределы требований национально-культурной автономии. Но и эти крайне ограниченные пожелания чаще всего не встречали понимания властей, что вело к их конфронтации с местной общественностью. Вместе с тем важно отметить и то обстоятельство, что унификааторская тенденция в правительственной политике, в государственном строительстве, несомненно, имела и объективную подоплеку. Развитие промышленности, торговли, средств связи, транспорта и т.п. требовало единого государственного языка общения, единого правового поля, одинаковых административно-управленческих приемов решения конкретных проблем и т.д.

Все это не было особенностью Российской империи. Подобные тенденции были присущи и другим многонациональным государствам. Среди многочисленных проектов, предлагавшихся для решения этой проблемы, особый интерес представляет записка Н.Х. Бунге «Задачи царствования, 1881–1894 гг.», поданной в начале 1895 г. уже Николаю II. Автор пытался объяснить националистический курс Александра III явлениями общемирового порядка. «Венгрия хочет омадьярить славян, немцев и румын, – писал он, – Германия – онемечить французов в Лотарингии, датчан в Шлезвиге и поляков в Познани. Поляки стремятся ополячить малороссов в Галиции; мы пытаемся также обрусить наши окраины». В выборе политической линии в решении этой крайне важной для империи проблемы он искал «золотую середину». Сам Бунге был приверженцем русской государственной власти, русских государственных учреждений, но с учетом бытовых условий и традиций национальных меньшинств, что должно было способствовать их сближению с русским населением; русскому языку отводилась роль государственного, но при сохранении местных языков и наречий; наконец, господство православной церкви не должно было стеснять свободу совести инородцев и даже сектантов. В

целом административную обособленность окраин он не считал наиболее важной проблемой. Более того, по его мнению, административные преобразования и возможны не для всех окраин (например, для Финляндии они вообще излишни). Более важными, считал он, являются вероисповедные и языковые особенности, но они требуют особо осторожного подхода²⁸. Однако все эти «тонкости» и «деликатности» в решении назревавших этноконфессиональных и национальных проблем в должной мере так и не были осознаны властями.

Запас политической стабильности режима, созданный в царствование Александра III, казался вполне прочным и не вызывал особого беспокойства правящих верхов. Между тем в самой правительственной политике был заложен крайне противоречивый вектор движения империи по как бы расходящимся направлениям. С одной стороны, налицо был поворот курса внутренней политики вправо, имевший целью консервативно-охранительными мерами реанимировать сословную структуру общества и укрепить социальную базу самодержавного режима. Вновь ставка делалась на российскую самобытность, а фактически на возрождение и поддержание принципов традиционализма, патриархальщины, базой которых оставалась деревня. Поворот, особенно очевидный с середины 80-х годов, был естественным продолжением наметившейся еще в предыдущее царствование тенденции к свертыванию преобразований, объяснить который можно и все более обнаруживавшейся несовместимостью старого режима, не желавшего никакого коренного обновления, и новых институтов, явлений и процессов, характерных уже для буржуазного общества, но не ставших еще в жизни государства определяющими.

С другой стороны, укрепление того же режима требовало мер по развитию рыночных отношений, новой инфраструктуры, индустрии, подготовки необходимых кадров и, соответственно, поддержки образования и культуры и т.д., что влекло за собой часто не совместимые с сохранением старых властных структур последствия. Складывалась парадоксальная, становившаяся уже типичной для пореформенной России ситуация, когда в условиях засилья старых, традиционалистских укладов

прорыв к новому мог быть радикально произведен только с помощью сильной, в данном случае самодержавной власти; в то же время утверждение новых форм общественной жизни оказывалось несовместимым со старыми властными институтами.

В целом несмотря на серьезный откат от позиций реформ 60–70-х годов, за полтора десятилетия царствования Александра III ему так и не удалось полностью добиться своих целей. Наибольших успехов консервативные устремления достигли в сферах административно-политической и в аграрно-крестьянской, что, несомненно, оказывало тормозящее влияние на социально-экономическое и общественно-политическое развитие страны. Даже объективные процессы, ведущие к определенной консолидации различных регионов империи, в условиях самодержавия принимали форму насильственной нивелировки их политических и национально-культурных особенностей (Польша, Прибалтика, Украина). Успехи этого консервативного курса в лучшем случае были относительны. Объективные факторы внешнего и внутреннего порядка (включение страны в систему мирового сообщества, развитие экономики, рыночных отношений) оказались сильнее субъективных устремлений. Особенно наглядно это проявилось в экономической сфере, где внутренние тенденции в той или иной мере совпадали – что далеко не всегда осознавалось – с интересами самодержавия. Усложнение общественной и хозяйственной жизни империи требовало не только использование новых приемов и методов управления, но и введения новых институтов и учреждений, более широкого привлечения общественности. Именно это обстоятельство препятствовало полному огосударствлению земского и городского управления, ликвидации судебных уставов и делало невозможным возвращение к дореформенным системам управления и суда. Это осознавалось и либерально настроенной частью правящих верхов. Александру III неоднократно приходилось идти на прямую конфронтацию с Государственным советом и Комитетом министров, утверждая, как это было с пересмотром университетского устава и законом о земских начальниках, мнение меньшинства. В целом же в годы его цар-

ствования было потеряно во многом судьбоносное для страны время, когда можно было постепенным, эволюционным путем решать острейшие политические (введение хотя бы начальных форм общегосударственного представительства) и социально-экономические (завершение крестьянской реформы) проблемы.

- ¹ Цит. по: Российские самодержцы, 1801–1917. М., 1994. С. 218.
- ² *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 189.
- ³ *Милютин Д.А.* Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 4. С. 35.
- ⁴ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. [М.], 1964. С. 355.
- ⁵ *Милютин Д.А.* Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1879–1881. 2-е изд. испр. и доп. М., 2010. С. 312. См. также: Там же. С. 313.
- ⁶ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1, полутом 1. С. 49.
- ⁷ Письма Победоносцева к Александру III. [М.], 1925. Т. 1. С. 331.
- ⁸ *Голицын Н.В.* Конституция графа Лорис-Меликова: материалы для ее истории // *Былое*. 1918. № 4–5. Прил. С. 162.
- ⁹ *Суворин А.С.* Дневник А.С. Суворина. М.; Пг., 1923. С. 166.
- ¹⁰ См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Р.А. Фадеев, С.Ю. Витте* и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // *Исследования по социально-политической истории России*. Л., 1971. С. 299–326; *Чернуха В.Г.* Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // *Исторические записки*. М., 1988. Т. 116. С. 161–186.
- ¹¹ См.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 201, 202.
- ¹² См.: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 230, 231; *Его же.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. С. 400–410.
- ¹³ См.: *Боханов А.Н.* Александр III. М., 2007. С. 329.
- ¹⁴ *История России в XIX веке: в 9 т.* [СПб.], [1909]. Ч. 3, т. 5. С. 52.
- ¹⁵ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 83.
- ¹⁶ *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 282; *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 135, 151, 258, 259.
- ¹⁷ Цит. по: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам, конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. С. 246.
- ¹⁸ Там же. С. 246, 247.
- ¹⁹ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 276, 277.
- ²⁰ *Захарова Л.Г.* Указ. соч.; *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
- ²¹ *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 178–182.

- 22 *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861–1900. М., 1974. С. 59; *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 145, 146. Записка Н.Х. Бунге опубликована А.П. Погребинским в: *Бунге Н.Х.* Записка Н.Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России», 20 сентября 1880 г. // Исторический архив. 1960. № 2. С. 132–143. (Финансовая политика царизма в 70–80-х годах XIX в.).
- 23 *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX в. М., 2000. Т. 2. С. 384; *Их же.* Наука: «ученые средства» и «ученые силы» // Там же. М., 2001. Т. 3. С. 293; *Радулович В.И.* Очерк истории русских медицинских обществ, их цель, значение и взаимная связь. Орел, 1890. С. 23, 28; *Нейдинг И.И.* Медицинские общества в России. М., 1897. С. 111.
- 24 *Каблуков Н.В.* В Московском юридическом обществе // Сергей Александрович Муромцев: сб. ст. М., 1911. С. 140; *Томсинов В.А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2. С. 140, 141.
- 25 *Боханов А.Н.* Указ. соч. С. 230.
- 26 Свод местных узаконений губерний остзейских. СПб., 1845. Ч. 2: Законы о состояниях. С. 50–358. Разд. паг.
- 27 *Бахтурина А.Ю.* Административные преобразования на окраинах Российской империи XIX – начала XX вв. // Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 320–324; *Кэмпбелл Е.И.* «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.
- 28 *Бунге Н.Х.* Загробные заметки // Река времен. М., 1995. Кн. 1. С. 210–214.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА ЗАКАТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Русское общество, как всегда со сменой монарха, связывало с возведением на престол Николая II надежды на перемены. Еще А.С. Хомяков подметил особую закономерность в череде российских монархов. «В России, – писал он, – хорошие и дурные правители чередуются через одного». Судя по открытому им «закону повторяемости», новый царь должен бы быть склонным к либеральным преобразованиям. Эту же особенность российской династической истории отмечали и современники последнего царствования – историк В.О. Ключевский и политик-кадет В.А. Маклаков. «В России было традицией, – писал последний, – что перемена политики совпадала со сменой ее самодержца; от Николая II ждали не конституции, ждали только прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе»¹. В.О. Ключевский, близко наблюдавший жизнь императорской семьи в бытность свою преподавателем у цесаревича, был настроен пессимистически, полагая, что с Александра III и особенно с его детей отчетливо прослеживаются черты вырождения романовской династии. Он считал, что она «не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужной, и будет прогнана...». «В этом, – заключал он, – и счастье и несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время»².

Предсказания историка сбылись. Но это стало очевидно позднее. Пока же в адрес нового царя посыпались многочисленные адреса, ходатайства, петиции, основным мотивом которых стало требование перемен. Девять земств (Тверское, Тульское, Тамбовское, Курское, Орловское, Полтавское, Саратовское, Уфимское, Черниговское) обратились к императору с адресами, рассчитывая на определенную либерализацию правительственной политики. Послания не содержали требований изменения государственного строя, а лишь призывали власть считаться с мнением общественности и соблюдать законность и личные права. Насколько были обоснованы эти надежды?

Николай II (1868–1918) был старшим сыном многодетного Александра III. Как цесаревич, он получил прекрасное домашнее образование, занимаясь с преподавателями, подобранными для него родителями и наставником генералом Г.Г. Даниловичем. Среди них были уже известные лица – профессора К.П. Победоносцев и Н.Х. Бунге, генерал М.И. Драгомиров, преподававшие в свое время и Александру III, военные специалисты Н.Н. Обручев (начальник Генерального штаба, автор ряда военно-научных трудов), А.Р. Дрентельн (генерал-адъютант), дипломат Н.К. Гирс и др. С детских лет его отличали усидчивость, аккуратность и даже, по мнению его учителей, особое усердие в учебе, хотя, как говорится, звезд с неба он не хватал. В силу традиций своей семьи, Николай II отдал должное военной подготовке, находя в службе особое удовольствие. С семилетнего возраста он был зачислен в гвардию и дослужился до чина полковника, завершив в этом звании свою военную карьеру. Прекрасно владел языками – немецким, английским, французским; грамотно, в отличие от отца, писал на русском. С ранних лет проявил интерес к истории – особенно к жизни и деятельности великих полководцев и правителей, почитая больше всего из царей Алексея Михайловича и своего отца, хотя ни характером, ни цельностью их натур не обладал. По складу личности, по своей душевной организации он отчасти напоминал своего прадеда Александра I, ощущая власть как бремя, тяжелый долг, которому необходимо следовать даже вопреки желанию, настроению и расположению к частной,

семейной жизни. Он с усердием занимался государственными делами, стараясь доходить до мелочей и при этом часто упуская главное. И еще его отличала глубокая религиозность, позднее перешедшая в мистицизм. Непосильные заботы, тревоги, частые неудачи превратили его в фаталиста, руководствовавшегося одним принципом: «Все в руках Господа!». По своим политическим воззрениям он был убежденным сторонником сохранения неограниченной монархии, искренне полагая, что это необходимо для процветания России, врученной ему Провидением, и считал долгом передать «неурезанную» самодержавную власть сыну. Все это, учитывая его склонность к старым, традиционным институтам и природное упрямство, создавало, как мы увидим, особые сложности в деле модернизации империи, в разрешении ее насущных проблем.

И, действительно, Николай II сделал все возможное и даже более того, чтобы остаться самодержцем, «Хозяином Земли Русской», как он сам написал в графе о своем занятии, отвечая на вопрос анкеты переписи населения 1897 г. Уже в первом же публичном выступлении 17 января 1895 г. на приеме депутатов по случаю бракосочетания с принцессой Алисой Гессен-Дармштадской (ставшей императрицей Александрой Федоровной) новый царь заявил: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я ... буду сохранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». В этом его решении немалая «заслуга» К.П. Победоносцева, написавшего для него текст приведенной выше речи, а также скандально известного консервативного публициста, редактора журнала «Гражданин» князя В.П. Мещерского (внука историка Н.М. Карамзина), неустанного критика всех истинных и мнимых либеральных поползновений власти. Оба они в свое время являлись близкими советниками Александра III и теперь оказывали определенное влияние, особенно в первые годы нового царствования, на молодого императора.

Это заявление, ставшее фактически жизненным *credo* последнего российского монарха, базировалось на «трех китах»: на ставшем уже традиционным убеждении, что Россия, особенно ее народные низы, еще не готовы к восприятию идей народного представительства; на фанатичной вере в сакральное предназначение верховной самодержавной власти и особый, отличный от Запада путь развития страны; на представлении о преданности народных масс царской идее и вере их в царя как Божьего помазанника. И следует иметь в виду, что эти представления еще совсем недавно, видимо, были небеспочвенны. Но бурное обновление экономического, социального, культурного облика страны, особенно заметное на рубеже XIX–XX веков, привело к тому, что Россия из аграрно-традиционной, феодально-крепостнической по строю своих общественных отношений страны в сравнительно короткий срок превращалась в аграрно-индустриальную державу, с достаточно еще рыхлой сословно-классовой структурой, но уже с явно прослеживающимися чертами современного буржуазного общества, с формирующимся новым менталитетом и общественными запросами.

Речь царя вызвало бурную реакцию общества. Уже 19 января в Петербурге появилось «открытое письмо» Николаю II, годом позже опубликованное в Женеве. В нем говорилось, что «слова царя бьют по самым скромным надеждам» и «вызывают на борьбу живые силы». «Вы первый начали борьбу, – писал, обращаясь к монарху, автор письма П.Б. Струве, известный впоследствии праволиберальный деятель, а тогда “легальный марксист”, – и борьба не заставит себя ждать»³. Там же в 1896 г. была опубликована брошюра видного земского и общественного деятеля князя Д.И. Шаховского «Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа», в которой содержался ряд программных требований либералов – созыв Земского собора, преобразование Государственного совета и введение в него представителей от земств, провозглашение свободы печати, совести, отмена сословных привилегий⁴. Эти протесты, казалось, потонули в нараставших социально-политических событиях 90-х годов. Но они сыграли, как мы увидим, заметную

роль в консолидации и идейно-организационном размежевании основных общественно-политических сил.

Тем не менее первое пятилетие нового царствования складывалось, казалось бы, вполне благополучно. На первый план в правительственной политике вышли экономические проблемы. На рубеже XIX–XX веков в мировом сообществе происходили крупные сдвиги в социально-экономическом и политическом плане, менявшие соотношение сил, сложившийся к тому времени ранжир в стане ведущих держав. Впечатляющий рывок в своем экономическом развитии продемонстрировали США, вышедшие в начале 90-х годов на первое место по промышленному производству и опередившие «промышленную мастерскую мира» – Англию. Резкий скачок в индустриальном развитии сделала Германия, также переживавшая экономический бум. На востоке быстрым экономическим ростом выделялась Япония. Старые промышленно-развитые страны – Англия и Франция, уступая в темпах развития своим молодым соперникам, предпринимали (и небезуспешно) усилия, чтобы удержать свои лидирующие позиции в Европе.

Все это ставило перед Россией, также претендовавшей на сохранение положения одной из великих держав, задачу ускорения своего экономического и прежде всего промышленного развития. Политика индустриализации страны, рассматривавшаяся властью и как стратегическое средство упрочения российской государственности, получили в царствование Николая II особый размах во многом благодаря С.Ю. Витте. Выходец из дворянско-чиновничьей среды, он после окончания Новороссийского университета сначала предпочел государственной службе сферу бизнеса, став одним из видных специалистов-менеджеров в частном железнодорожном предпринимательстве. По настоянию самого Александра III он оставил пост управляющего Обществом Юго-Западных дорог и в 1889 г. возглавил департамент в Министерстве финансов, ведавший тарифной частью железных дорог. Служебная карьера его была головокружительной: в 1892 г. он назначается министром путей сообщения, а через год возглавляет финансовое ведомство.

Оказавшись в правящих сферах, Витте развивает бурную деятельность. Теоретическая и практическая подготовка, широта взглядов, опыт, приобретенный в частнопредпринимательской деятельности, сравнительная молодость и бьющая через край энергия выгодно выделяли его на фоне рутинного окружения. В качестве теоретического обоснования своей программы он взял на вооружение идеи, высказанные немецким экономистом первой половины XIX века Ф. Листом, исследованию взглядов которого он посвятил специальную книгу – «Национальная экономия и Фридрих Лист» (1889). Все страны, согласно Листу, проходят в своем развитии определенные стадии – от дикости и варварства к земледелию и свободному обмену товарами, затем к созданию собственной промышленности и соединению ее с сельским хозяйством и коммерцией (т.е. налицо «цивилизационная» типология развития человечества). Но в то же время, отмечал он, разные страны находятся на неодинаковых уровнях развития, и для создания собственной промышленности отстающим государствам необходимы меры по ограничению проникновения на внутренний рынок чужих товаров и поддержка отечественных предпринимателей, т.е. разумный протекционизм. Сходные идеи, как известно, высказывал еще Козодавлев, министр финансов Александра I. Но, как это часто бывает в России, в свое время они не были использованы в полной мере и оказались забыты.

В России, по мнению Витте, сложились все условия для применения этой системы, а неограниченность верховной власти даже давала ей преимущество. Такой курс, предупреждал он, потребует определенных жертв, особенно от народных масс. Но они временны и окупятся сторицей. И как бы предвосхищая сопротивление этому курсу со стороны аграриев, он указывал, что, во-первых, временное повышение цен на товары отечественного производства и импорт сменится в ближайшем будущем понижением их в результате конкуренции между производителями; во-вторых, развитие промышленности приведет к расширению рынков сбыта и для земледельческой продукции; в-третьих, создание собственной промышленности усилит и земледелие, развивая в нем специализацию и комби-

нацию производительных сил, поднимая его уровень до совершенства. Общие принципы этой политики, приспособленной к общеполитической доктрине царствования Александра III еще Катковым и Победоносцевым и принятые к реализации Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградским, Витте развил и придал им в ряде своих всеподданнейших записках логичность и масштабность.

Государственное вмешательство в хозяйственную сферу нашло отражение в ряде мер, предпринятых новым министром финансов, – от разработки и внедрения тарифного законодательства, регулирующего железнодорожные перевозки, чрезвычайного усиления роли государства в сфере внутренней и внешней торговли до выкупа в казну почти 2/3 всех железных дорог, расширение казенного промышленного сектора и повышения роли Государственного банка во всей народнохозяйственной системе. Вместе с тем он пытался активизировать и частный сектор, введя новую систему налогообложения, облегчив порядок возникновения и деятельности акционерных предприятий. При нем продолжалась политика таможенной защиты российской промышленности от иностранной конкуренции и в то же время активизировалась линия на привлечение в страну иностранных инвестиций. Активная политика по поддержке промышленности требовала крупных затрат: расходные статьи бюджета с 1893 по 1903 г. выросли почти вдвое (с 1 040 до 2 071 млн. руб.). Витте пошел на увеличение прямых и особенно косвенных налогов. Немалую роль в пополнении бюджета сыграло введение с 1894 г. государственной монополии на продажу винно-водочных изделий, дававшее до четверти всех поступлений в казну. И, наконец, огромное влияние на всю экономическую жизнь страны оказала денежная реформа 1895–1897 гг., стабилизировавшая курс рубля и введшая золотое обращение. Реформа не только способствовала упорядочению денежного обращения, но и повысила конвертируемость русской валюты на мировых рынках, чем укрепила авторитет империи в международном сообществе и облегчила приток в страну иностранных капиталов⁵.

Виттевский курс на индустриализацию страны вызвал бурные протесты аграриев, особенно поместного дворянства. Золотое обращение, повысив курс рубля, оказалось для помещиков-экспортеров невыгодным, т.к. рост цен на сельскохозяйственные продукты снижал их конкурентоспособность на мировом рынке. Поднялась буря возмущения, подогревавшаяся прессой, ходатайствами земских и дворянских собраний. Государственный совет неоднократно пытался торпедировать законодательные предложения финансового ведомства. В этих условиях решающую роль сыграла поддержка реформ Николаем II.

И тем не менее натиск был таким массивным, что император вынужден был разрешить в феврале 1896 г. созыв специального совещания губернских предводителей дворянства для обсуждения нужд сословия, что фактически стало прорывом во взаимоотношения верховной власти и дворянства. Записка, составленная предводителями при определении программы совещания, охватывала широкий круг общеэкономических проблем и фактически предлагала переориентировать экономическую политику правительства на первоочередное удовлетворение нужд сельского хозяйства и, прежде всего, интересов крупных землевладельцев. Финансовому ведомству было предъявлено обвинение едва ли не в сознательном подрыве экономической мощи государства⁶.

Витте пытался парировать наскоки оппонентов, утверждая, что поместье дворянство вовсе не обойдено заботами правительства. Среди его мер были и организация дешевого и льготного кредита, и особая тарифная политика правительства, ограждавшая помещичий хлеб от конкуренции дешевого сибирского зерна, и закупка фуража интендантством и т.д. Главной же причиной оскудения помещиков он считал неумение их приспособиться к новым условиям, понять перспективы развития страны. «В России теперь происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... – заявил он. – Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон»⁷. Следует обратить внимание на смелость и особую ответственность этого выступления. По-

следние российские самодержцы, в том числе и Николай II, поддерживая развитие промышленности, серьезно не задумывались о сущности преобразований и о тех социально-экономических и политических последствиях, к которым неизбежно должна была привести эта политика, о чем предупреждал в свое время М.М. Сперанский. Витте убеждал своих критиков, что решающая роль в жизни страны переходит от землевладения, сельского хозяйства к промышленности, к банкам, и призывал дворянство заняться предпринимательством.

Предложения министра финансов поддержки не получили. Более того, один из лидеров консервативно-охранительных кругов В.К. Плеве, в то время товарищ министра внутренних дел, отверг все выводы и аргументы Витте. «Россия, – утверждал он, повторяя уже известные старые доводы, – имеет свою отдельную историю и специальный строй». Указанные Витте законы развития он пренебрежительно назвал «гадательными». По мнению Плеве, «имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий». Уже ближайшие годы показали, как грубо ошибался Плеве. Но тогда его позиция вызывала сочувствие правящих кругов, да и самого царя. Витте не отказался от своей идеи, но ему пришлось неоднократно убеждать Николая II в необходимости продолжать политику индустриализации как единственное средство укрепления материальной базы государства, его военно-экономического потенциала.

И надо отметить, что ему удалось в какой-то мере добиться реализации своих планов. В российской экономике за время промышленного подъема 90-х годов произошли заметные сдвиги: промышленное производство практически удвоилось, вступили в строй около 40% всех действовавших к началу XX века фабрично-заводских предприятий, число которых составило почти 24 тыс. с общей численностью рабочих в 3 млн. (общая же численность рабочих во всех отраслях экономики к этому времени составляла свыше 12 млн.), функционировало более 1,5 тыс. акционерных компаний с общей суммой капиталов в 2,5 млрд. руб., произошло заметное усиление финансовой мощи акционерных коммерческих и ипотечных банков, по-

строено более 20 тыс. верст железных дорог, в том числе знаменитая Транссибирская магистраль, в сооружении которой Витте внес немалый личный вклад. В итоге Россия по важнейшим экономическим показателям приблизилась к ведущим странам Запада, заняв пятое место в мировом промышленном производстве. Но все же отставание от ведущих мировых держав и в абсолютных показателях, и особенно по потреблению на душу населения оставалось еще весьма значительным. Да и сама промышленная политика Витте, остававшегося убежденным монархистом, была глубоко противоречива. Во-первых, она использовала для индустриального развития страны средства и условия, соответствовавшие феодально-абсолютистской природе существовавшего в России государственно-политического строя, и тем самым способствовала укреплению материальной базы изживавшего себя самодержавного режима. Во-вторых, основной акцент ее делался на развитие крупной, прежде всего тяжелой промышленности (ее удельный вес возрос с 30 до 39 процентов), в ущерб средней и мелкой, что имело следствием нарастание дисбаланса между отраслями. В-третьих, курс на индустриализацию страны все более приходил в противоречие с аграрно-крестьянской политикой правительства, тормозящее влияние которой все более сказывалось и на развитие промышленности.

После обширного неурожая и голода 1891–1892 гг., потребовавшего значительных расходов на ликвидацию их последствий, последовал ряд сравнительно благоприятных лет, что дало возможность правительству продолжить старый курс аграрной политики по сохранению патриархально-попечительных начал в российской деревне. В это время Витте еще полностью разделял законодательные меры Александра III, выступая горячим сторонником сохранения общины и неотчуждаемости наделных земель. Однако вскоре он понял, что в новых условиях материальное положение деревни не обеспечивает возросших потребностей экономики – низкая платежеспособность крестьян влияет на источники поступлений в государственный бюджет и ограничивает внутренний рынок промышленности. Выход он видел в поощрении крестьянской самодее-

тельности и хозяйственной самостоятельности. В частности, этому должно было способствовать содействие государства становлению кооперации. В 1895 г. было принято «Положение о мелком кредите», согласно которому специальное управление при Государственном банке стало курировать кредитную кооперацию, предоставляя ей займы и оказывая организационную помощь. Был взят курс и на поддержку потребительных, сельскохозяйственных обществ, артелей и т.п., были разрешены кооперативные союзы и кооперативные съезды⁸. Но все эти начинания упирались в общинную организацию деревни, и постепенно Витте приходит к убеждению о необходимости ликвидации правовой обособленности крестьян. Уже в октябре 1898 г. он обращается к Николаю II с запиской, в которой призывает царя «завершить освобождение крестьян», сделать из крестьянина «персону», освободить его от давящей опеки местных властей и общины. Проведенные реформы сулили, по его расчетам, блестящие перспективы – от 3 до 4 млрд. руб. ежегодных поступлений в бюджет, что укрепило бы мощь России⁹. Однако тогда император оставил это предложение без ответа. Лишь разразившийся финансовый и промышленный кризис, неурожаи 1899 и 1901 гг., крупные крестьянские выступления 1902 г. заставили Николая II создать ряд комиссий и совещаний для пересмотра крестьянского законодательства и выработки мер по подъему сельского хозяйства.

Витте возглавил один из важнейших межведомственных органов – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905), сыгравшее заметную роль в разработке нового курса аграрно-крестьянской политики. Изучив представленные материалы, Витте окончательно убедился, что выход из создавшейся ситуации может быть один – укрепление индивидуальной крестьянской земельной собственности и постепенное уравнивание крестьян в правовом отношении с остальным населением империи. С этой целью, полагал он, необходимо предоставить крестьянам, внесшим выкупные платежи, право свободного выхода из общины с выделением в собственность причитающегося им надела, как это и предусматривалось «Положением» 1861 г. Ему удалось добиться от-

мены наиболее архаичных статей крестьянского законодательства, таких, как круговая порука, телесные наказания по приговору волостных судов. Были облегчены условия переселения крестьян на свободные казенные земли, расширена деятельность Крестьянского банка по покупке и перепродаже частновладельческих земель, изданы законы и нормативные правила, касающиеся мелкого кредита и кооперации. Таким образом, были сделаны первые, после преобразований 1860-х годов, шаги по включению крестьянства в новую социальную структуру.

И опять-таки свой взгляд на пути решения проблемы ему пришлось отстаивать в жесткой борьбе с консервативными помещичьими и бюрократическими кругами, настроение которых выражала созданная также по указанию императора как бы параллельная структура – Редакционная комиссия по пересмотру крестьянского законодательства во главе с все тем же В.К. Плеве, ставшим к тому времени министром внутренних дел. Между ведомствами и их главами развернулось острое соперничество за лидерство в разработке новой аграрной программы, к обсуждению которой были привлечены, главным образом на местном уровне, представители общественности – земств, дворянства, сельскохозяйственных обществ, крупные и средние землевладельцы, арендаторы и даже крестьяне. И в этой борьбе Плеве при поддержке Николая II удалось взять верх. Основные принципиальные положения проекта Редакционной комиссии получили верховную санкцию царя в манифесте 26 февраля 1903 г. Согласно этому акту, руководящими принципами аграрной политики оставались неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения; сохранение сословного строя и сословной обособленности крестьян; неотчуждаемость наделных земель. Новым было признание очевидного факта имущественной дифференциации общины и предоставление некоторым из зажиточных крестьян права выхода из нее. Опубликованные 8 января и 12 декабря 1904 г. высочайшие указы обещали, при неукоснительном соблюдении Основных законов, продолжить преобразования, обратив особое внимание на необходимость приведения крестьянского законодательства в соответствие с общими законами империи, с тем,

чтобы превратить крестьян в «полноправных сельских обывателей». Фактически это были первые шаги власти к провозглашению новых принципов аграрной политики.

И тем не менее, в целом Витте тогда проиграл. Положение еще недавно могущественного министра пошатнулось едва ли не с первыми признаками изменения экономической конъюнктуры – вступления империи в полосу финансового и экономического кризиса 1899–1903 гг. и последовавшей длительной депрессии, в немалой степени явившейся следствием виттевской программы индустриализации. Авторитет главы финансового ведомства оказался поколебленным и в результате его сопротивления экспансионистским авантюрам на Дальнем Востоке могущественной группировки влиятельных лиц, близких ко двору. Но главное – им начал тяготиться сам император, считавший, что амбициозный и влиятельный министр своим поведением и активностью умаляет его монаршее достоинство. В августе 1903 г. Витте был уволен с поста министра финансов и назначен на почетный, но маловлиятельный пост председателя Комитета министров.

Начало русско-японской войны и первые же поражения русской армии привели к назреванию политического кризиса, захватившего широкие слои российского общества. После массовых крестьянских выступлений 1902 г., волны всеобщих забастовок, прокатившихся по стране летом 1903 г., после активизации леворадикальных сил, создавших политические партии (РСДРП, Партия социалистов-революционеров) и развернувших антиправительственную агитационно-пропагандистскую деятельность под лозунгом свержения самодержавия, радикализировались и оппозиционные настроения в высших классах. Состоялся ряд полулегальных земских съездов, за границей (в Женеве) земцами и представителями либеральной интеллигенции был создан «Союз освобождения». Среди земской оппозиции наметился раскол, были сделаны первые шаги к организационному оформлению земцев-конституционалистов и умеренных либералов. Состоявшийся 6–8 ноября 1904 г. съезд земских деятелей большинством голосов высказался за

введение представительного правления, установления в стране демократических свобод, немедленную отмену положения об усиленной охране. Было принято обращение к верховной власти, составленное, правда, в традиционно-умеренном, верно-подданническом духе, в котором выражалась надежда, что она «призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа». Это обращение поддержали практически все губернские земские собрания. Однако Николай II отказался принять депутацию с обращением съезда. Оппозиционное либеральное движение принимает открытый характер. По призыву «Союза освобождения» в рамках так называемой «банкетной кампании» в ноябре – декабре 1904 г. в 34 городах состоялось более 120 собраний и митингов, в которых приняло участие около 50 тыс. человек, открыто выступивших против неограниченного самодержавного режима.

Вместе с тем в эти же годы заметно активизировалось и консервативное направление. Задачу консолидации монархических сил взяла на себя возникшая в октябре 1900 – январе 1901 г. русофильская элитарная организация «Русское собрание», превратившаяся в некоторое подобие политической партии, ставшая мозговым центром консервативных сил. Ее ставка на традиционную триаду – «православие, самодержавие, народность», ее призывы к сохранению и укреплению неограниченной монархии – гаранта единой и неделимой России – соответствовали менталитету и настроениям монархически настроенной части населения, причем самых различных его слоев и сословий.

В правительственных кругах также выявились различные точки зрения в оценке ситуации и на задачи правительственной политики. Наиболее четко полярные позиции в этих вопросах обозначились в ходе противостояния С.Ю. Витте, еще в его бытность министром финансов, и В.К. Плеве, ставшего министром внутренних дел. Витте считал, что общественное движение достигло такого уровня, что его уже невозможно остановить только репрессивными мерами. Это явление порождено, пола-

гал он, незавершенностью реформ 60–70-х годов: «Здание перестроено, а купол остался нетронутым». Поэтому ему понятны были стремления к «сувенчанию здания», «понятно желание свобод, самоуправлений, участия общества в законодательстве и управлении». Избежать революции, по его мнению, правительство могло бы, дав выход «этому чувству легальными путями», пойдя навстречу движению, «встать во главе его, овладев им». Власти необходимо опереться на образованные классы. «Иначе на кого же правительству опираться? – вопрошал он, – на народ? Но ведь это только фраза...» Плеве же источник революционной угрозы, наоборот, видел как раз в силах, представленных «так называемыми образованными классами, общественными элементами, интеллигенциею». Он считал, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема», а реформы, призванные обновить Россию, «по плечу только исторически сложившемуся у нас самодержавию». «Очень может быть, что мы накануне больших потрясений, которые поколеблют государство, – соглашался он с оппонентом. – Все это я не отрицаю. Но именно потому я и думаю, что мы не только можем, но и обязаны бороться с таким положением вещей. Если мы не в силах изменить историческое движение событий, ведущих к колебанию государства, то мы обязаны поставить ему преграды, дабы задержать его, а никак не плыть по течению, стараясь быть всегда впереди». И привел последний аргумент: «У нас до сих пор, слава богу, еще крепок... престиж царской власти и есть у государя верная армия». Впрочем, и он понимал, что существующая политическая система переживает кризис и нуждается по меньшей мере в обновлении. Но он считал, как и Николай II, что страна не готова к кардинальным переменам, что для этого нужно еще 30–40–50 лет¹¹. В письме от 31 августа 1903 г. своему единомышленнику придворному генералу А.А. Кирееву он признавал, что «быстро развернувшаяся в России за последние полвека «социальная эволюция опередила работу государства по упорядочению вновь возникших отношений», что «и самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении»¹². В частности, по его

инициативе 22 марта 1904 г. при МВД был создан Совет по делам местного хозяйства, в который, наряду с чиновниками ведомства, входили и представители земств и городских управ. Ему предоставлялась возможность предварительного обсуждения законопроектов перед внесением их в Государственный совет. Создание этого органа рассматривалось как шаг по сближению с «общественностью». Однако тогда это учреждение так и не приступило к работе. В июле 1904 г. Плеве был убит эсером-террористом. Ситуация явно становилась предреволюционной, что все четче осознавалось и обществом, и правящими кругами. «У нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два-три месяца Россию охватила жажда преобразований, о них говорят громко, – писал в своем дневнике великий князь Константин. – <...> Революция как бы громко стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно»¹³.

В таких условиях власть, помимо ужесточения репрессий, пытаясь сбить волну недовольства, встала на путь лавирования. В ноябре – декабре 1904 г. в правительственных кругах обсуждался всеподданнейший доклад нового министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского, имевшего репутацию либерального бюрократа. На первой же своей аудиенции у императора он прямо заявил: «Если не сделать либеральные реформы и не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут, и уже в виде революции». В то же время он заверял, что «желание громадного большинства благонамеренных людей» заключается в том, чтобы осуществить эти реформы, «не трогая самодержавие». Доклад же представляет особый интерес как первая попытка обстоятельного анализа правительственного внутривластного курса на протяжении всего пореформенного сорокалетия, на основе которого и была предложена новая программа реформ. Неизбежность преобразований, отмечалось в нем, обуславливалась всем ходом развития страны и являлась, как это ни покажется странным, следствием мер по укреплению государственности. И связано это было не только с мерами по развитию экономики, общим повышением уровня благосостояния народа, но и с появлением новых социальных страт (таких, как промышленные

рабочие, городские сословия с их особыми социальными укладами), с количественным и качественным ростом «мыслящих классов». Последнему обстоятельству придавалась особая значимость. «Шестьдесят лет тому назад, – отмечалось в докладе, – образование и мысль были достоянием ничтожных по численности классов населения, исключительно почти дворянства, высших слоев духовенства и некоторых кругов вышедшего из других сословий чиновничества; остальная его масса продолжала жить в понятиях, сложившихся еще в бессознательном прошлом народной жизни, и если в ней оказывались сильные и исторически устойчивые умственные течения, то лишь в области религиозной». Именно новым тенденциям, проявившимся в жизни и настроениях не только высших слоев общества, но и «народных низов», уделялось особое внимание. «Развитие производительных сил страны», констатировалось в докладе, «сдвигая народные массы с их привычных устоев и ставя их в новые условия, не могло не пробудить в них умственные работы, настойчиво и с мучительным усилием мысли стремившихся к разрешению новых, выдвигаемых жизнью вопросов». Распространение революционных идей, как бы ни были они «дики и уродливы», находили известный отклик в обществе прежде всего потому, что оно было лишено «возможности открыто высказывать свои взгляды на многие вопросы внутреннего управления». В этом плане в докладе весьма критично оценивался внутривластный курс после 1 марта 1881 г. Устремленное, «с одной стороны, к укреплению на местах авторитета государственной власти, а с другой – к ограничению общественной деятельности и подавлению всякого более или менее свободного движения общественной мысли, не подходившего под понятие благонадежности», это направление внутренней политики, «невзирая на то, что оно с большей или меньшей последовательностью применялось в течение двадцати с лишним лет, нередко людьми крупных талантов и большого государственного опыта, не дало тех результатов, на которые было рассчитано». «Общественное развитие страны, – отмечал Святополк-Мирский, – переросло административные

формы и приемы, доселе применявшиеся, и общество не подчиняется более в достаточной мере их воздействию...»¹⁴.

Министр предлагал ряд мер по пересмотру рабочего и крестьянского законодательства, по расширению компетенции земского и городского самоуправления, по ограничению административного произвола и т.п. Был включен и пункт о введении в том или ином виде законосовещательного представительства, вызвавший оживленную дискуссию среди участников созванного царем совещания, большинство которых поддержало это предложение. Зная настроения монарха, министр постарался не только преуменьшить распространенность конституционных требований, но и отрицал связь с конституционализмом таких понятий, как упрочение законности, децентрализации управления и даже саму декларацию прав человека и гражданина. Мнение меньшинства высказал К.П. Победоносцев, убеждавший царя, что введение представительства в любой его форме неизбежно приведет к ограничению верховной власти, что этого делать нельзя, т.к. «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер, и государь не вправе ограничивать свою миссию, возложенную божественным промыслом». А великий князь Сергей Александрович даже заявил, что основные законы не дают императору права изменять государственный строй.

Однако этот пункт все же первоначально был включен в проект императорского указа. Но затем Николай II собственноручно вычеркнул его, заявив, что он его смущает. Свою позицию по этому вопросу он изложил в беседе с князем П.Н. Трубецким, московским губернским предводителем дворянства. На вопрос князя об отношении монарха к конституции царь ответил, что он неоднократно ставил этот вопрос перед собой, «душой переболел над ним» и пришел к заключению, что страна еще не готова к ней: «При малой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т.д. одно самодержавие может спасти Россию. Притом мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда – я вас поздравляю, господа!»¹⁵

В результате указ от 12 декабря 1904 г., обещавший некоторые преобразования в духе доклада Мирского, был опубликован без пункта о представительстве и с твердым заявлением о «незыблемости основных законов империи»¹⁶. Более того, наряду с указом было опубликовано правительственное сообщение, в котором уже традиционно всякая мысль о политических реформах и представительных учреждениях объявлялась «чуждой русскому народу, верному исконным основам существующего государственного строя», и которое угрожало репрессиями за возбуждение на различных собраниях вопросов, «на обсуждение которых они не имеют законного полномочия». Таков был ответ верховной власти земцам, который даже В.А. Маклаков, раскаявшийся позднее либерал, назвал изумительным по бестактности. Трудно сказать, как развивались бы события дальше, если бы не революционный взрыв, последовавший после 9 января 1905 г. Оправдались слова Мирского, высказанные им царю еще в конце 1904 г., что «Россия превратилась в бочку пороха» и доведена до «вулканического состояния».

Николай II вынужден был уступить, но само признание необходимости перемен в форме правления сопровождалось весьма противоречивыми заявлениями, свидетельствовавшими об обуревавших императора чувствах. Восемнадцатого февраля 1905 г. появилось три акта, содержание которых во многом было взаимоисключающим. В манифесте, оглашенном утром, он грозил искоренением крамолы, призывал к борьбе с внутренним врагом, помышляющим «разрушить государственный строй и вместо него учредить новое управление страной на началах, отечеству нашему не свойственных». Днем был опубликован указ, разрешавший подавать в Совет министров на имя царя предложения об «усовершенствовании государственного благоустройства». В указе стремление к реформам рассматривалось уже не как смута и «покушение на устои», а объявлялось «похвальным радением об общей пользе и нуждах государственных». Вечером же, по предложению нового министра внутренних дел А.Г. Булыгина, император подписал рескрипт о созыве Особого совещания для выработки проекта создания

при царе законосовещательного представительного органа из «достоинейших, доверием народа облеченных», избранных от населения людей. Этот орган должен был заниматься предварительной разработкой законодательных предположений при «непременном сохранении незыблемости основных законов империи».

Такой проект вскоре был подготовлен и после неоднократного обсуждения одобрен царем. Из множества вариантов Николай II выбрал тот, который менее всего посягал на его прерогативы. Автор проекта С.Е. Крыжановский, подготовивший в свое время и программный доклад П.Д. Святополк-Мирского, впоследствии вспоминал: «Стараясь связаться с традицией и по возможности избежать упрека в копировании западных образцов, я взял за образец проект учреждения Государственной думы, составленный в свое время М.М. Сперанским, с его довольно сложной регламентацией и подразделениями. Существенной особенностью этого плана, весьма подходившей для молодого представительного учреждения, являлось перенесение центра тяжести работы в образуемые в составе Думы отделы по главным отраслям дел государственного устройства и ограничение роли общих собраний с их неизбежной риторикой»¹⁷. Сложная, многоступенчатая куриальная система выборов, построенная по образцу старого земского положения 1864 г., отстраняла от участия в них рабочих, население «инородческих» окраин, давала преимущества цензовым элементам и особенно крестьянам, которые считались по традиции наиболее консервативной силой.

Закон о так называемой «булыгинской» законосовещательной Думе был опубликован 6 августа 1905 г. Но уже в момент его обнародования стало ясно, что он явно запоздал. Революция ширилась, захватывая все новые и новые регионы и слои населения. В сентябре в стране прошли железнодорожные забастовки, а с середины октября разразилась Всероссийская политическая стачка, в ходе которой революционная стихия захватила около 2 млн. человек. Возникли Советы рабочих и крестьянских депутатов, в ряде мест, в том числе в обеих столицах, пытавшихся стать альтернативными центрами власти.

В то же время по стране прокатилась волна черносотенных погромов: Россия оказалась на грани гражданской войны.

Первой реакцией правительства явилось ужесточение репрессий. Петербургский генерал-губернатор Д.Ф. Трепов, кандидат в военные диктаторы, 14 октября отдал приказ: «Холостных залпов не давать и патронов не жалеть». Однако подавить движение оказалось невозможно: войска были еще на Дальнем Востоке. В ряде мест стачки начали перерастать в вооруженные выступления. В этих условиях С.Ю. Витте, только что вернувшийся в столицу после подписания Портсмутского мира с Японией, представляет императору всеподданнейшую записку. «Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частных несовершенств государственного и социального устройства, только как результат организованных действий крайних партий, – писал он монарху, фактически повторяя аргументацию Мирского в попытке объяснить скрытые пружины событий. – Корни этого явления несомненно лежат глубже. Россия переросла форму существующего строя. Она стремится к строю правовому на основе гражданской свободы»¹⁸. Обрисовав ситуацию, он убеждает Николая II, что еще возможно мирное разрешение кризиса. Правительство должно взять инициативу в свои руки, заручившись содействием «общественности».

В личных беседах с императором 9–10 октября, в присутствии императрицы, Витте поделился своими замыслами. Он вновь поставил царя перед выбором – или назначение его, Витте, премьером кабинета с предоставлением ему права подбирать министров и осуществлять предложенную им программу преобразований, или подавление «смуты» силой, для чего нужна военная диктатура. Последняя, по его мнению, в сложившихся условиях невозможна: нет ни достаточного количества войск, ни подходящей кандидатуры на роль диктатора. Что же касается реформистского пути, то следует в первую очередь определиться с социальной и политической базой. «Прежде всего, – откровенно и цинично наставлял он монарха, – постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на вас устремленные, направит на себя. То-

гда обнаружится течение, которое сможет вас вынести на твердый берег»¹⁹. Расчет был на то, что предложенная им программа вызовет замешательство и раскол в рядах оппозиции и прежде всего – переход на сторону правительства умеренных либералов.

Последней каплей в чаше сомнений Николая II стали заявления великого князя Николая Николаевича и Д.Ф. Трепова, призвавших его отказаться от идеи военной диктатуры и уговаривавших царя стать на путь реформ. Наконец, Витте было поручено подготовить развернутую программу действий и проект манифеста. О продолжавшихся колебаниях императора свидетельствовал тот факт, что готовилось несколько вариантов манифеста. Но решение все же было принято. В письме к матери Николай II назвал этот свой шаг «страшным решением», которое он тем не менее «принял совершенно сознательно». «Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу, – писал он, – затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, т.е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не могли осуществляться бы. Другой путь – предоставление гражданских прав населению – свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенность личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу – это в сущности и есть конституция»²⁰. В записке Д.Ф. Трепову он с горечью вынужден был констатировать отсутствие сколько-нибудь массовой опоры власти. «Дорогой Дмитрий Федорович! Да, России даруется конституция, – писал он своему confidentу. – Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»²¹. И этого своего ре-

шения он вынужден был придерживаться до конца, хотя никогда не скрывал своего отвращения к представительным учреждениям и «свободам».

Вечером 17 октября 1905 г. манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» был подписан Николаем II²². В нем объявлялось, что в целях скорейшего прекращения «столь опасной для Государства смуты», помимо мер по подавлению беспорядков, создается объединенное правительство, на которое возлагается «выполнение непреклонной... воли» монарха:

«1) Даровать населению незыблемыя основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительнаго участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

В историографии до сих пор нет единства мнений в оценке этого акта: ограничил или не ограничил он самодержавие или только декларировал эволюцию форм правления от абсолютной монархии к конституционной, были ли воплощены в жизнь провозглашенные в нем гражданские права и свободы и т.д.? Несомненно, манифест провозгласил начала буржуазного конституционализма в России, внеся изменения и в форму правления, и в политический режим государства в целом. Но пока этот акт был не более как декларация о намерениях власти, которые еще надо было воплотить в жизнь путем выработки конкретных законов и положений. С этой целью указом 19 октября учреждалось объединенное правительство – Совет министров

во главе с премьером-председателем, которым стал С.Ю. Витте. На него возлагались сложнейшие в тот момент задачи – закончить с революцией, создать сильную администрацию, разработать серию законодательных актов по реализации положений манифеста.

Появление манифеста и обещания преобразований предотвратили немедленное крушение самодержавия. Спасая режим от краха, Витте начал искусно маневрировать, заявив в правительственном сообщении от 20 октября, что провозглашаемые реформы требуют времени, а потому пока должны действовать старые законы. Первые предпринятые правительством меры носили достаточно случайный, вынужденный характер: была объявлена амнистия политическим заключенным, введены новые правила о печати, упразднявшие предварительную цензуру, указом от 3 ноября 1905 г. сокращались наполовину, а с 1 января 1907 г. вообще отменялись выкупные платежи крестьян. Вместе с тем обнаружены были указы, направленные против захватов и разгромов крестьянами помещичьих имений. Премьер настоял на уходе из правительства наиболее скомпрометировавших себя министров и одновременно повел переговоры о вхождении в состав кабинета видных общественных деятелей, в том числе с членами бюро земских и городских съездов. В переговорах приняли участие довольно широкий круг представителей либеральной оппозиции – Ф.Ф. Кокошкин, Ф.А. Головин, Г.Е. Львов, Д.Н. Шипов, М.А. Стахович, князь Е.Н. Трубецкой, А.И. Гучков, А.С. Муромцев, П.Н. Милоков. Стремясь заручиться поддержкой прессы, Витте провел совещание редакторов петербургских газет. Еще в ходе Октябрьской стачки состоялось собрание представителей большинства столичных периодических изданий, в результате которого был образован «Союз в защиту свободы печати». Приглашенные редакторы озвучили его требования свободы печати и политической амнистии. «Я сам возмущаюсь насилиями... Помогите мне, дайте несколько недель», – просил Витте, призывая собравшихся поддержать власть, не нарушать законов о цензуре и пообещав устранить цензурные «недоразумения»²³. Обращения премьера к «общественности» за поддержкой, в

основном, оказались безуспешными. Эйфория от издания манифеста, рассматривавшегося как победа над режимом, в небольшой степени определила позицию и либеральных кандидатов в министры, и ряда руководителей прессы, выдвинувших заведомо неприемлемые для власти требования (созыв Учредительного собрания для выработки основных законов, немедленное осуществление возвещенных манифестом свобод, отмена военного положения и усиленной охраны и т.п.), что фактически означало отказ от сотрудничества. Да и было ли искренним поведение главы правительства, не было ли это просто тактическим приемом? Сам инициатор появления манифеста и последующих мер впоследствии так оценивал свой маневр: «Конечно, теперь я не стал бы рекомендовать того преобразования государственного строя, на котором я настоял 10 лет назад. Тогда надо было спасать положение вещей... Раздавить поднявшиеся и разгулявшиеся буйные силы возможно было или вооруженной рукой и потоками крови, или компромиссом в виде народного представительства. Все равно, рано или поздно, Россия пришла бы к таковому, а тут манифест сыграл роль громоотвода, и образовавшиеся к тому времени партии бросились врукопашную друг с другом и перегрызлись между собой. Положение было спасено, а тем временем с Дальнего Востока прибыли воинские части. С их содействием оказалось возможным приступить к тушению пожара, который охватил всю Россию»²⁴.

Правительству удалось с применением воинской силы подавить важнейшие очаги революционных выступлений, в том числе декабрьское вооруженное восстание в Москве. Революция прошла свой «пик», хотя до полного успокоения страны было еще далеко. Немалую роль сыграли и обещания преобразований, внесших раскол в освободительное движение. Даже у части рабочих и особенно у демократической интеллигенции манифест вызвал определенную конституционную эйфорию. Забастовки временно пошли на убыль. У оппозиции окрепла надежда на возможность сотрудничества с властями. Общество получило новые возможности для самоорганизации. Возникло множество политических партий и организаций всероссийско-

го, регионального и национального характера – по данным исследователей, в начале XX века их было более 150²⁵. Среди них были объединения и либерально-оппозиционные, и проправительственные с либеральным уклоном, и консервативные, и охранительно-монархические, и националистические, и партии социалистической ориентации. Наиболее крупными и влиятельными среди объединений либерального толка были лево-либеральная «Партия народной свободы» (конституционные демократы, или кадеты) и либерально-консервативный проправительственный «Союз 17 октября» (октябристы). Фактически их голосами земско-городской съезд, состоявшийся 6–8 ноября 1905 г., высказался за поддержку правительства при условии, «если оно будет проводить конституционные начала манифеста правильно и последовательно»²⁶. Укрепились и правая оппозиция, роль которой играли также достаточно многочисленные право-монархические партии и организации, выступавшие против политических реформ, за полноту самодержавной власти, – Русская монархическая партия, Союз русского народа, Союз русских людей, несколько позднее – Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ (Объединенное дворянство) и др. Заметно выросла численность социал-демократов и эсеров. Обилие самых разнородных политических объединений, с одной стороны, было обусловлено социально-политической пестротой российского общества, его внутренней конфликтностью и политической незрелостью, продолжавшейся борьбой за выбор пути национального развития; с другой стороны, это свидетельствовало об активизации политической и гражданской жизни в стране и накоплении населением опыта самоорганизации. Но все же следует иметь в виду, что несмотря на значительное число политических партий, общее количество их членов было невелико, составляя в 1905–1907 гг. примерно 0,5% от общей численности населения, многие партии раскололись на фракции или же разделились на самостоятельные партии.

В эти же годы заметно увеличилась численность и разнообразие различного рода общественных объединений. Возникли

всероссийские, региональные и отраслевые организации предпринимателей, взявшие на себя экономические и представительские функции, во главе с Советом съездов представителей торговли и промышленности. Основными направлениями деятельности съездов и их Совета были: анализ состояния промышленности и торговли в России, обсуждение актуальных вопросов экономической жизни страны, подготовка документов для правительственных органов и экспертиза соответствующих законопроектов, а также участие в работе различного рода правительственных комиссий и совещаний по экономическим вопросам. Как бы в противовес им организовывались многочисленные профсоюзные объединения рабочих и служащих (в 1905 г. были созданы более 480 профсоюзов в 142 населенных пунктах, а к концу революции – свыше 1 350). Это были организации нового типа, пополнившие собой традиционные заведения социальной защиты и социальной реабилитации (благотворительные общества, общества взаимопомощи, общества призрения и т.п.)²⁷. Возникли профессионально-политические союзы профессоров, адвокатов, журналистов, инженеров, учителей и т.д., объединившиеся в Союз союзов. С 1905–1906 гг. начался бурный рост кооперации, все более бравшей на себя не только социально-экономические, но и культурно-просветительские функции (количество только кредитных кооперативов с 1905 по 1907 г. возросло с 1 431 до 2 189, численность членов – соответственно с 564,2 тыс. до 932,9 тыс.)²⁸. По-прежнему заметную роль в общественной жизни страны играли образовательные, медицинские, научные, культурно-просветительские, досуговые и другие объединения, число которых также постоянно росло. Особенностью этого процесса было то, что они все более становились заметной чертой жизни не только столичных и университетских, но и провинциальных городов.

Взаимоотношения общественных организаций с властью были достаточно противоречивы и непостоянны. С одной стороны, убеждаясь в конструктивной роли, которую играла легальная общественная самодеятельность в различных сферах жизни страны, и все более осознавая, что государственные

структуры не в состоянии всецело удовлетворить растущие потребности населения, власть вынуждена была все более широко привлекать общественность к решению насущных конкретных задач, расширяя тем самым границы и сферы приложения общественной самодеятельности и инициативы. Но с другой стороны, правящая бюрократия не переставала опасаться, что эта самодеятельность может выйти за отведенные ей рамки и стать фактором дестабилизации режима. Определенным рубежным этапом в развитии общественного самосознания и самоорганизации можно считать начало 90-х годов XIX века, когда общественность пришла на помощь властям в деле борьбы с неурожаем и голодом 1891/1892 гг. В организацию помощи голодающим включились земства, городские управы, благотворительные общества. Общественные деятели попытались принять активное участие в обсуждении глубинных причин неустройства деревни. Но это не могло продолжаться долго. Известная деятельница либерального движения А.С. Тыркова по поводу попыток сближения власти с общественностью в 1891 г. писала: «Наконец власть и общественность стали сотрудничать. Их сблизило народное бедствие и осознание общей ответственности. Это продолжалось недолго, года полтора. Прошла беда, и правительство опять стало хмуро, недоверчиво и недоброжелательно коситься на всякое проявление общественной самодеятельности»²⁹. В результате общественное настроение все более политизировалось, приобретая оппозиционный характер. Немалую роль в этом сыграли и попытки правительства ограничить компетенцию земского и городского самоуправления. Следующим рубежом во взаимоотношениях власти и общественности стала русско-японская война, вызвавшая первоначально в стране патриотический подъем. Земства и города организовывали военно-санитарные отряды, собирали средства, посылали на фронт своих уполномоченных и т.д. Неспособность командования, череда военных поражений, вызвав негодование общественности, вновь обострили ее отношения с правительством. И, наконец, события 9 января 1905 г. породили новую оппозиционную волну. Даже Императорское Московское общество сельского хозяйства,

постоянно получавшее казенные субсидии, 14 января приняло резолюцию, осуждавшую действия правительства, приведшие к расстрелу рабочих, и призывавшую к созыву Учредительного собрания «на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права». В руководство общества были избраны известные либералы: председателем его стал И.И. Петрункевич, вице-председателем князь Д.И. Шаховской. Новый состав его Совета, почти полностью состоявший из представителей «Союза освобождения», вошел в соглашение о совместных действиях с Педагогическим обществом и московским отделом Императорского Русского технического общества. На их совместном заседании 16 мая была принята резолюция, в которой осуждалось правительство, оставшееся «верным обветшалым традициям административного произвола», препятствовавшее «живой общественной работе над политическими вопросами». Все общественные организации призывались «неустанно работать над делом политического освобождения страны». Резолюция в количестве 472 экземпляров была разослана земским управам, сельскохозяйственным обществам и другим общественным организациям³⁰. Педагогическое общество было закрыто 31 июля 1907 г. Советом министров. Деятельность же двух других, имевших статус Императорских, временно была приостановлена, но их высоким покровителям удалось отстоять общества от нападков МВД, сославшись на то, что их закрытие могло бы нанести существенный ущерб экономике страны.

Обширные полномочия в вопросах возникновения общественных объединений и надзора за их деятельностью, предоставленные губернаторам еще в 1866 г., давали местной администрации большие возможности для проявления произвола. Но теперь процесс организационного оформления этих объединений все более выходил из-под контроля властей. Право общественности на свободу образования союзов все более утверждалось в сознании публики как неотъемлемая часть прав и свобод личности. Большой вклад в формирование этих представлений внесли российские правоведы – Н.И. Лазаревский, Н.М. Коркунов, В.М. Хвостов, В.М. Гессен, В.М. Ивановский,

С.А. Котляревский, Н.П. Ануфриев и др. Признавая общественную самостоятельность важным фактором обновления общественного и государственного строя, они создали теоретическую базу для закрепления за русской публикой права свободного образования обществ и союзов³¹. Известный правовед Н.И. Лазаревский в опубликованной в январе 1905 г. в газете «Право» статье «Бюрократия и общество» признавал всплеск общественной самостоятельности, охватившей страну еще накануне революции, закономерным итогом развития общественной жизни начиная со времен Великих реформ 60–70-х годов XIX века, ставивших перед властью все более сложные задачи. У самодержавия, считал он, не оставалось иного выхода, как привлекать общественные силы. Обращение к обществу за содействием в вопросах государственного управления делало власть более открытой, вынуждало ее «прислушиваться к голосу общественного мнения... печати... прибегать к гласности как к необходимой гарантии законности и целесообразности управления». Не проходило это бесследно и для самого общества, способствуя развитию самосознания и росту заинтересованности «в увеличении свобод»³². Профессор права Московского университета В.М. Хвостов в статье «Свобода союзов и собраний» писал: «Представляется совершенно бесспорным, что без свободы собраний и союзов невозможно правильное развитие народной жизни и осуществление принципов конституционного государства. Законодательство, не открывающее достаточного простора ассоциациям граждан, подрывает основной нерв самостоятельности населения во всех областях политической, духовной и экономической жизни... Самостоятельность граждан есть лучший оплот против того зла, которое разъедает современные государства, именно против бюрократии или всевластия чиновников...»³³. Указывали правоведы и на особую значимость таких последствий осуществления гражданских свобод, как придание законности государственному управлению, обеспечение контроля общества над деятельностью государственных органов и ходом законодательных работ, проведения выборов и т.д.

В условиях постоянного внешнего давления виттевский кабинет начал осуществлять программу преобразований. Еще в разгар московского восстания, 11 декабря 1905 г. появился закон о выборах в Государственную думу. В основу избирательной системы был положен сословно-куриальный принцип: создавались землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая курии. Выборы были многоступенческими, не всеобщими, не прямыми и не равными. Преимущество отдавалось крестьянству, которое считалось политически наиболее консервативной силой. Этот принцип первоначально горячо отстаивал Витте, опасавшийся, что в крестьянской стране, где большинство населения некультурно и не имеет политического опыта, всеобщие, прямые, равные и тайные выборы могут привести к победе оппозиции. 20 февраля 1906 г. после серии совещаний по выработке положений о Государственной думе и Государственном совете, которые проходили под председательством императора и в которых приняли участие и представители от «общественности», были опубликованы соответствующие акты. Согласно им, наряду с Думой законодательными функциями наделялся и Государственный совет, который теперь наполовину состоял из членов, назначавшихся императором; другую половину составляли выборные представители от земств, городов, дворянских обществ, съездов землевладельцев, торговых-промышленных организаций, Академии наук и университетов и Православной церкви. Все это внешне напоминало западноевропейский двухпалатный парламент, но с сохранением властных прерогатив за монархом. Учрежденный как бы в противовес Думе, более консервативный Государственный совет фактически должен был стать «плотиной» для радикальных законопроектов нижней палаты. Из компетенции палат выводились некоторые важные финансовые, а также военные и внешнеполитические вопросы, в перерывах между сессиями палат правительство могло с одобрения императора принимать обязательные к исполнению указы. Создававшаяся политическая система законодательно закреплялась принятыми 23 апреля 1906 г. Основными законами Российской империи, которые также исключались из ведения народного представительства³⁴.

Этим актом фактически завершился процесс реформирования государственно-политического строя страны, который большинство исследователей склонны трактовать как дуалистическую монархию – переходную от традиционного к конституционному устройству власти. Сам Николай II, до конца остававшийся приверженцем неограниченной монархии, на совещании, созванном для обсуждения проекта новых Основных законов, заявил: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав... Могут сказать, что это отступление от обещаний, данных 17 октября. Я это знаю и понимаю... Но надо уразуметь, с чьей стороны будет укор. Он, конечно, последует со стороны всего так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия. Но я уверен, что 80% русского народа будет со мною...»³⁵ Большинство участников высказалось тогда за снятие слова «неограниченный» при определении в ст. 1 формулы существа верховной власти. Практически же прерогативы монарха во многом оставались «неурезанными». Ст. 4 Основных законов по-прежнему гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Он оставался главой исполнительной власти, неподотчетной народному представительству; обладал правом вето на любые законопроекты, принятые палатами; сохранял посты верховного главнокомандующего вооруженными силами и руководителя внешней политики. И все же манифест 17 октября и комплекс законодательных и практических мер по его реализации внесли серьезные изменения в государственный строй Российской империи, ставший как бы переходным к образцам западного парламентаризма.

К открытию Думы кабинетом Витте спешно готовилась программа преобразований, включавшая в себя как обещанные реформы, так и ранее разрабатывавшиеся в недрах ведомств проекты. Спешка была обусловлена стремлением правительства предупредить и ограничить законотворческую инициативу народного представительства. Среди них, в частности, были

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.³⁶ Разрешительная система открытия общественных объединений была заменена регистрационной. Ст. 2 правил указывала, что общества и союзы могли образовываться «без испрошения на то разрешения правительственной власти». Специально создаваемым губернским (городским) по делам об обществах присутствиями передавались права по санкционированию (регистрации) создания обществ и союзов и надзор за их деятельностью. В состав присутствий входили как представители местной администрации (губернатор – в качестве председателя, вице-губернатор, председатель и прокурор окружного суда, должностные лица ряда ведомств), так и члены сословного и общественного самоуправления (губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, городской голова, по одному гласному от губернского земского собрания и городской думы губернского города). Казалось бы, регистрационная система открытия обществ и союзов предоставляла им большую независимость, но, как показала практика, губернаторы, пользуясь правом надзора за их функционированием, располагали широкими возможностями влиять на характер деятельности и судьбы объединений, вплоть до их закрытия. Формально право закрытия обществ и союзов принадлежало присутствиям. Но фактически губернаторы и градоначальники довольно свободно получали их согласие. Под предлогом «угрозы общественной безопасности» можно было закрыть любое общество, не вызывавшее доверия у главы администрации. Административным репрессиям подверглись многие просветительные общества, общества взаимопомощи интеллигенции (учителей, врачей и т.п.), литературно-художественные и даже сельскохозяйственные общества. С крайней подозрительностью относились власти к национальным объединениям. Позднее, в циркуляре МВД губернаторам от 20 января 1910 г. отмечалось, что преследуя задачи «объединения инородческих элементов на почве их исключительно национальных целей... такие общества несомненно ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойст-

вию и безопасности». Особую неприязнь властей вызывали также рабочие профсоюзы: с июня 1907 г. по март 1908 г. были закрыты более 80 союзов. Излишнее «усердие» губернаторов в этом плане неоднократно отмечалось даже в циркулярах охранительного ведомства. Но тем не менее «Временные правила» все же сыграли немаловажную роль в всплеске общественной активности и самоорганизации населения, дав возможность легализоваться самым разным общественным объединениям – от культурно-просветительных и профессиональных до политических партий и организаций³⁷.

К созыву Государственной думы кабинет Витте подготовил пакет важнейших законопроектов, который должен был надолго занять «умы и языки» народных избранников. Но несмотря на, казалось бы, успешную деятельность его кабинета, напряженность между Витте и обществом не спадала. Его двойственная политика, вынужденные компромиссы не снискали ему популярности ни среди либералов, ни в правоконсервативных кругах. Особенно усердствовали черносотенцы, видевшие в нем ниспровергателя основ самодержавия, виновника позорного, по их мнению, мира с Японией. К тому же на весну 1906 г. пришла новая волна стачек и крестьянских бунтов, что дало повод обвинить главу правительства в бездействии. Старая неприязнь к нему Николая II и особенно императрицы, внешне с трудом маскируемая, вновь переросла в прямую враждебность. Не помогло и то, что Витте при обсуждении положений о Государственном совете и Думе и особенно в ходе дискуссий о новой редакции Основных законов проявил активность в отстаивании неограниченности власти императора и ограничении полномочий палат. Накануне открытия Думы, 22 апреля 1906 г. премьер был вновь отправлен в отставку, тоже внешне почетную, но на этот раз бесповоротно. Причину противоречивости его взглядов и поступков раскрывает его позднейшее признание своему биографу – историку Б.Б.Глинскому. «Сердцем я за самодержавие, – признавался он, – умом за конституцию. Самодержавию я всем обязан и люблю его, а умом понимаю, что нужна конституция»³⁸. Такова еще одна трагедия российского реформатора – виднейшего деятеля переходной эпохи.

Как и ожидалось, I Государственная дума по составу оказалась крестьянской. Политически же в ней доминировали кадеты, пытавшиеся блокироваться с фракцией трудовиков, в которой также преобладали представители деревни. Главным в нарастающем противостоянии Думы и власти стал аграрно-крестьянский, земельный вопрос, по которому их позиции коренным образом разошлись. В ответ на требования большинства думцев в той или иной форме решить его путем отчуждения части помещичьей земли правительство пошло на роспуск народного представительства, а на политическом олимпе появилась новая фигура – П.А. Столыпин, проделавший буквально менее чем за два месяца головокружительную карьеру. Недавний саратовский губернатор 26 апреля 1906 г. был назначен министром внутренних дел, а уже 8 июня стал председателем Совета министров, сохранив и министерский портфель. На этом посту он сменил И.Л. Горемыкина, возглавлявшего правительство после Витте всего около двух месяцев и имевшего в обществе репутацию ретрограда. Уже вскоре стало очевидно, что этот типичный бюрократ старой закваски не отвечает требованиям момента. В изменившихся условиях, когда начала функционировать представительная власть, когда сформировались и начали действовать политические партии и движения, нужны были государственные деятели иного уровня подготовки, иного склада мышления, способные контактировать с представительными учреждениями и с общественностью. Такой фигурой и стал Столыпин, на которого пал выбор императора.

Новый премьер принадлежал к старинному дворянскому роду, имевшему глубокие корни в российской истории и связи в высшем обществе. Его отец был лично известен Александру II, дослужился до высокого чина генерал-адъютанта и в последние годы жизни исполнял обязанности коменданта Кремля. Семья располагала обширными поместьями в ряде губерний. Вопреки стародворянским традициям, П.А. Столыпин не начал службу в гвардии, не поступил в престижное Училище правоведения, а окончил естественный факультет Петербургского университета. Затем все же по семейным обстоятельствам поступил на службу в министерство внутренних дел.

1905 г. застал его на посту губернатора беспокойной Саратовской губернии, где он показал себя не только поборником строгости и порядка, но и проявил недюжинные способности и умение в лавировании между различными политическими силами. Несмотря на сравнительную молодость, он к тому времени обладал уже немалым административным и хозяйственным опытом, не понаслышке зная проблемы, волновавшие правительство и общество. В частности, он, как и Витте, был противником общины, считая, что только единоличная крестьянская собственность на землю не только может привести к подъему сельского хозяйства, но и будет служить залогом устойчивости государственного строя. Правда, тогда его представления о реформировании деревни не шли дальше положений, провозглашенных манифестом 26 февраля 1903 г.

На посту премьера Столыпин с первых же дней проявил себя как опытный и жесткий администратор и достаточно искушенный политик. С одной стороны, именно с его подачи была разогнана Дума, были пресечены попытки собравшихся в Выборге депутатов обратиться к народу с призывом к гражданскому неповиновению, подавлены восстания солдат и матросов в Свеаборге и Кронштадте и попытки рабочих поддерживать эти выступления путем политической забастовки. В деревнях свирепствовали карательные команды. Решительные и крутые меры на время сделали Столыпина кумиром правых кругов. Prestиж его необыкновенно вырос, особенно после покушения на него, совершенного 12 августа 1906 г. эсерами-максималистами. С другой стороны, он показал себя и как сторонник преобразований, приняв как данность, как проявление воли монарха и как руководство к действию Манифест 17 октября, учреждения народного представительства и, естественно, новую редакцию Основных законов. Как и Витте, он попытался привлечь в правительство лидеров оппозиции (князя Г.Е. Львова, Д.Н. Шипова, Н.Н. Львова, А.И. Гучкова). И опять эта комбинация завершилась безрезультатно, в немалой степени потому, что кандидаты в члены кабинета потребовали у премьера ознакомления с правительственной программой, которой пока у него не было.

Впервые правительственная программная декларация была опубликована 24 августа 1906 г. в «Правительственном вестнике». Наряду с угрозами ужесточения репрессий в отношении революционного движения в ней провозглашался курс на реформы. «Путь правительства – успокоение, порядок и реформы, – возвещал премьер. – Правительство не может, как того требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования, приостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу с крамолой, сосредоточившись на проявлениях зла и не углубляясь в его существо». Тем более, подчеркивал он, что пугь реформ торжественно возвещен Манифестом 17 октября, и идти назад нельзя. Вскоре в его принципиальной установке – сначала успокоение, затем реформы – происходит существенная корректировка. Теперь он склоняется к мысли об одновременности этих направлений внутренней политики. «Реформы во время революции необходимы, – писал он в начале 1907 г., – так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину... <...> Это было бы и роковой ошибкой – там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признание бессилия правящей власти»³⁹.

В развернутом виде правительственная программа, во многом почерпнутая из подготовительных материалов виттевского кабинета, была изложена Столыпиным в его первом выступлении уже перед II Государственной думой 6 марта 1907 г. и – повторно – 16 ноября 1907 г. перед III Думой⁴⁰. Он признал, что принимавшиеся до сих пор правительственные меры носили характер вынужденных уступок – как правило, разрозненных и не имевших четко сформулированного замысла и плана их реализации. Главной задачей провозглашалось построение правового государства. «Преобразованное по воле монарха Отечество наше должно превратиться в государство право-

вое», – так определялась конечная цель всех преобразований. Первоочередной задачей была признана разработка правовых норм для реализации гражданских и политических свобод, провозглашенных Манифестом 17 октября. Этот комплекс законов и нормативных актов, определявший права и обязанности граждан, должен был составить правовую базу общества.

Другой комплекс должны были составить законопроекты по реорганизации и усовершенствованию системы органов местного управления, суда и самоуправления. В сфере местного управления предполагалось прежде всего укрепить губернское и уездное административное звено – расширить полномочия губернаторов, заменить уездных предводителей дворянства, фактически возглавлявших уездную администрацию, коронными начальниками уездов, ликвидировать скомпрометировавший себя институт земских начальников и заменить их участковыми комиссарами, лишёнными судебных функций. Эти меры были рассчитаны не только на укрепление «властной вертикали», но и на упразднение архаичных остатков сословности в системе местного управления и восстановление разделения административной и судебной власти на местах. Новый полицейский устав должен был поставить деятельность охранительного ведомства в законные рамки. Реформа судебной системы предполагала восстановление института выборных мировых судей, реорганизацию сословно-крестьянских волостных судов, введение в судебные уставы ряда новых статей, заимствованных из западноевропейской практики (допуск адвокатов на стадии предварительного следствия, введения условного осуждения и досрочного освобождения из мест заключения и т.д.). Предусматривалось также введение в полном объеме нового «Уложения о наказаниях» и ряда законов в области гражданского права, особенно касавшихся сферы земельной собственности.

В области местного самоуправления намечалось введение земств в Прибалтике, Западном крае, Польше, Сибири, некоторое расширение компетенции земских управ при одновременном усилении административного надзора за их деятельностью, а также создание в качестве низшего административ-

но-общественного звена сословной волости, поселкового и сельского управлений. Умеренные позиции занимал Столыпин и в вопросах национальной политики. Он пытался ослабить остроту еврейского вопроса, провести ряд мер по упорядочению политико-административной автономии Польши и особого статуса Финляндии, но строго в соответствии со ст. 1 Основных законов, гласившей: «Государство Российское едино и нераздельно».

Целый ряд законопроектов отражал социальную политику правительства, носившую отчетливо выраженную политическую направленность. Здесь, несомненно, центральное место занимали указы от 5 октября «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» и от 9 ноября 1906 г. Первый, уравнивавший крестьян в отношении поступления на государственную службу с другими сословиями, должен был стать поворотным в процессе изживания сословных преимуществ. Преамбула этого акта, почему-то не нашедшего должного отражения в историографии, гласила: «Великое преобразование 19 Февраля 1861 года, приобщив миллионы сельских обывателей к общегражданской жизни, положило начало постепенному уравниванию крестьян в правах с остальным населением Империи. Ныне, за воследованием Манифестов наших от 6 Августа (26656) и 17 Октября (26803) минувшаго года, призвавших сельское население к участию в законодательстве, предстоит завершить мудрыя предначертания Царя-Освободителя на возвещенных нами началах гражданской свободы и равенства перед законом всех российских подданных». Объявив, что с этой целью ведется подготовка соответствующих законопроектов, император, признав необходимым немедленно отменить наиболее вопиющие ограничения в правах бывших податных сословий, повелел: «...Предоставить всем российским подданным безразлично от их происхождения, за исключением инородцев (Свода Зак. Т. IX, изд. 1899 г., Зак. Сост., ст. 762), одинаковыя в отношении государственной службы права, применительно к таковым правам лиц дворянскаго сословия, с упразднением всех особых преимуществ на занятие по определению от Правительства не-

которых должностей в зависимости от сословного происхождения»⁴¹.

Второй же указ, имевший весьма скромное название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», предоставлял крестьянам право свободного выхода из общины и закрепление за ними в личную собственность наделных земель⁴². Введенный в чрезвычайном указном порядке (по ст. 87 Основных законов), этот акт лишь 14 июня 1910 г. стал законом, пройдя длительное обсуждение в Думе и Государственном совете. С точки зрения чисто юридической суть его сводилась к введению в действие ст. 165 «Положения о выкупе» 1861 г., приостановленной в царствование Александра III. Фактически же цели, значение и последствия его реализации были значительно шире. Во-первых, упразднение общины должна была поднять производительность аграрного сектора экономики, ликвидировать ее разбалансированность и разнородность, усилившиеся в результате виттевской индустриализации. Как бы в пику идее Витте о первоочередном развитии промышленности, предлагалась новая концепция: сильное сельское хозяйство – процветающая экономика – мощная держава. Во-вторых, предстояло создать из мелких зажиточных крестьян-собственников «средний класс», который, как следовало из опыта Запада, составил бы новую социальную опору власти и укрепил бы на несколько подновленной основе существующий политический режим, сняв социальную напряженность в деревне. Представляя указ на утверждение Думы, премьер вновь и вновь подчеркивал, что насаждение «крепкого личного собственника» в деревне необходимо для переустройства России на «крепких монархических устоях» и для создания преграды развитию в стране революционного движения. Наконец, аграрная реформа, завершая затянувшийся более чем на полвека процесс освобождения крестьян, должна была подвести экономическую базу под обретение ими гражданских и политических прав и отвлечь их от притязаний на помещичьи земли. «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, – справедливо утверждал Столы-

пин, – он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы». Составными компонентами реформы должны были также стать облегчение крестьянам приобретение земли через Крестьянский банк, землеустройство новых собственников (создание хуторов, отрубов) и переселение малоземельных в Сибирь, Среднюю Азию на свободные земли.

Намечалось также коренное изменение отношения властей к рабочему движению. Экономические забастовки предполагалось теперь рассматривать как «естественное стремление рабочих к улучшению своего положения» Рабочему движению предоставлялась возможность «естественного выхода, если оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности». Предлагалось законодательно закрепить временное положение от 2 декабря 1905 г., отменявшее уголовное преследование участников экономических стачек. Реформу рабочего законодательства, по мнению Столыпина, следовало вести в двух направлениях: с одной стороны, вводить законы о страховании и организации врачебной помощи, пересмотреть нормы труда подростков и женщин – все эти меры лежали в русле традиционной попечительной политики; а с другой стороны – постепенно ограничивать вмешательство властей в отношения труда и капитала, переложив эту функцию на предпринимательские и рабочие организации, что соответствовало уже нормам буржуазного общества.

Кроме того, «для достижения возможной равномерности обложения и возможного освобождения широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени» предполагалось ввести прогрессивный подоходный налог, проекты которого разрабатывались Министерством финансов уже едва ли не два десятка лет. Сознывая тесную зависимость экономического и культурного развития страны от уровня просвещения и профессиональной подготовки населения, правительство предлагало провести совместно с органами земского и городского самоуправления реформу образования на всех его ступенях, имея в виду, прежде всего, его доступность, а затем ввести обязательное начальное образование. Намечалось соз-

данис широкой сети профессиональных учебных заведений, дававших также и необходимый уровень общего образования.

Наконец, программа предусматривала возрождение и модернизацию боевой мощи русской армии и флота, подорванной в ходе русско-японской войны. Однако в целом Столыпин был последовательным сторонником неучастия России в каких-либо международных конфликтах при сохранении ею положения великой державы. Как считал премьер, для реализации предлагавшихся преобразований необходимы были, как минимум, 20 лет внешнего и внутреннего покоя.

Такова была в общих чертах сформировавшаяся к этому времени программа столыпинского кабинета – достаточно обширная, с претензией на весьма существенные структурные и даже системные преобразования и в целом, в своей конкретике, несомненно, прогрессивная⁴³. Ее характер отражал соотношение сил, которое сложилось в тот момент как во властных структурах, так и между властью и обществом, причем в ней нашли отражение и умеренные претензии либеральной оппозиции, с которыми она выступала уже не один десяток лет, и отчасти потребности широких масс населения. Большая часть этих проектов уже давно, порой десятилетиями предлагалась различными общественными кругами (в частности, по проблемам общины, структуры местного управления и т.п.), разрабатывались соответствующими ведомствами, но лишь революция заставила власть активизироваться. Столыпин, изучив накопленный опыт и материалы, пожалуй, впервые представил правительственную программу в обобщенном виде и предложил ее законодательным палатам, при участии которых и предполагалось ее реализовать.

По своей сущности это была либерально-консервативная программа, составленная с учетом новых, буржуазных веяний, но рассчитанная прежде всего на возможно полное сохранение старого, хотя внешне обновленного режима. Подавив революционное движение, Столыпин попытался приступить к ее масштабной реализации. При этом, исходя из традиционного для правящих кругов России представления, согласно которому любые преобразования в стране могут быть инициированы и

проведены только «сверху» и только при условии сохранения сильной монархической власти, он дал принципиальную оценку сложившейся ситуации и роли государства по выходу из кризиса. Позицию премьера отчетливо характеризует его выступление в Думе 13 марта 1907 г. по вопросу о военно-полевых судах. Признав, что власти при применении этой меры допустили много «неправильностей», он в то же время оправдывал ее государственной необходимостью. «Государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада, – заявил он в ответ на критику со стороны левых депутатов. – Это было, есть и будет всегда неизменно... Этот порядок признается всеми государствами. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать все нормы права»⁴⁴. Это состояние «необходимой обороны», по его мнению, не только оправдывает применение репрессий, но в крайних случаях может привести к установлению диктатуры. Здесь этактизм премьера достигает абсолюта: государство и власть – хотя последняя, как известно, лишь форма правления – для него превыше всего. Естественно, что отношение к подобным силовым методам правления – и тогда и сейчас – зависит от политико-правовых воззрений сторонников и противников существующего строя. Вместе с тем надо иметь в виду, что в конце концов «нестроение» страны, признававшееся самим Столыпиным и повлекшее за собой революционный взрыв, было во многом результатом политики именно власти, «правлящих верхов», предпочтений в выборе курса внутренней политики самих монархов, не считавших нужным считаться с обществом.

В связи с этим непросто складывались отношения Столыпина с народным представительством. Его позиция в этом вопросе была весьма противоречива. С одной стороны, он провозглашал, что правительство намерено «сохранить те заветы, те устои, те начала, которые положены в основу реформ императора Николая II», и создать «правовое государство». Поэтому признавалось целесообразным и даже неизбежным существование Думы и реформированного Государственного совета.

С другой стороны, он постоянно подчеркивал фактически неограниченную полноту власти монарха, волею которого и было создано народное представительство. Последнее, по его твердому убеждению, может служить лишь помощником царя в управлении страной, ибо только самодержавная власть является хранительницей самого принципа русской государственности и олицетворяет собой силу и целостность России, оберегая ее от распада. Главная задача правительства – «хранить исторические заветы России». Поясняя эту формулу, Столыпин открыто заявлял, что «историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности». Правительство же, назначенное волей императора, не может быть подотчетно Думе, и она не имеет права выражать ему «неодобрение, порицание, недоверие». Поэтому, считал он, «нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужой, чужестранный цветок», явно имея в виду западноевропейский парламентаризм⁴⁵. Важнейшим же шагом к строительству правового государства (скорее, по его понятиям, «правового самодержавия») должно было стать введение законодательных норм, которые бы определяли не только права, но и обязанности подданных и ограничивали своеволие российской бюрократии, особенно на местах.

Вскоре Столыпин на деле показал, какое место занимало народное представительство во внешне обновленной политической системе Российской империи. Как известно, он дважды пошел на роспуск Думы, продемонстрировавшей свою оппозиционность режиму. Этому предшествовали очередные попытки установить контакты с либералами и одновременно заручиться содействием возникшего в мае 1906 г. влиятельного правоконсервативного Объединенного дворянства. Прощупав позиции тех и других и уловив спад массового движения, Столыпин в конце концов инициировал обнародование 3 июня 1907 г. нового избирательного закона, который существенно изменил состав и настроение Думы, дав преимущество дворянству и сделав нижнюю палату более правой. Это событие вошло в историю под названием третьеиюньского государственного пере-

ворота (нарушена была важнейшая статья Основных законов, гласившая, что «ни один закон не может воспринять силу без одобрения его Государственной думой»), ознаменовавшего поражение первой российской революции. Но и получив в верхней и нижней палатах необходимое, как ему казалось, соотношение сил для проведения реформ, премьер весьма настороженно относился к их деятельности. Во-первых, стремясь перехватить законодательную инициативу, важнейшие законопроекты он старался проводить в чрезвычайном указном порядке, ставя Думу и Государственный совет перед свершившимся фактом, ссылаясь при этом на волю императора. Во-вторых, под предлогом необходимости накопления ими опыта законодательной работы он вносил на их рассмотрение массу третьестепенных дел, являвшихся, по его собственному признанию, «законодательной жвачкой». Такая политика вполне отвечала настроениям Николая II, который никак не мог примириться с «дарованным» им же народным представительством. Столыпин, будучи монархистом по убеждению, выступал то в роли буфера между императором и законодательными палатами, то в роли орудия верховной власти. При этом он опирался на противоречивость самих Основных законов, дававших возможность по-разному трактовать их в зависимости от того или иного понимания установившегося в России государственного строя и в зависимости от конкретной ситуации.

Действия Столыпина вызывали нарастающее недовольство со стороны все большей части думских депутатов и даже членов Государственного совета. Демонстрируя силу, твердость и решительность власти, премьер без колебаний шел на конфронтацию с депутатами, употребляя в своих выступлениях резкие высказывания: «Не запугаете!», «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» и т.п. Не только левые радикалы и либералы, но и правые все чаще обвиняли правительство в установлении «режима восточной деспотии» и усилении административного произвола. И, наконец, сама столыпинская программа в скором времени привела к обострению противоречий не только между правительством и обществом, но и в самих правящих кругах. Она не устраивала правокон-

сервативные круги, поскольку, как оказалось, реформы или непосредственно затрагивали их интересы, особенно в сфере местного управления, или грозили непредсказуемыми последствиями (деятельность Крестьянского банка по скупке частновладельческих земель). Не удовлетворяла политика Столыпина и либералов, а со временем и проправительственный октябристский «центр», так как премьер по мере нарастания сопротивления реформам стал все чаще «оглядываться назад». Даже такой весьма умеренный либерал, сторонник «истинной монархии», как Д.Н. Шипов, подытоживая сложившуюся к концу 1908 г. ситуацию, с горечью констатировал: «Разбиты все надежды на мирное преобразование политического и социального строя... <...> ...пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все расширяется, и в населении воспитывается чувство злобы и ненависти... В действиях государственной власти нет необходимой искренности, и все ее мероприятия имеют целью во внешней форме дать одно, а в сущности – установить совершенно противное. От представительного строя по форме не отказываются, но, в сущности, с представительством не считаются и сводят его на-нет, так что самодержавная бюрократия теперь проявляет гораздо больше произвола, чем когда-либо – прежде. Политические свободы включены в наши основные законы, но где они? Столыпин не видит, или скорее, думается мне, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже с него не может сойти, а реакция влечет его по этому пути все далее и далее»⁴⁶.

Крен правящих кругов вправо отчетливо обнаружился вскоре после подавления революции, и этот фактор сыграл решающую роль в свертывании программы преобразований. Уже выступая 16 ноября 1907 г. перед III Думой, Столыпин заметно ограничил круг планировавшихся реформ. Прежде всего оказался практически полностью свернут весь пакет законопроектов, связанных с политическими и гражданскими свободами, которые были признаны «несвоевременными». Весьма показательна в этом плане судьба «Временных правил об обществах и союзах». Необходимость замены «Временных правил» постоянным законом была высказана Столыпиным еще в августе

1907 г. Ставилась задача устранения возможных злоупотреблений свободой союзов, особенно при их регистрации, обсуждались поводы и способы их закрытия. В феврале 1908 г. при МВД создано было межведомственное совещание, включавшее в свой состав не только представителей различных заинтересованных министерств, но и общественных организаций, которые были представлены управляющим делами Совета съездов представителей торговли и промышленности А.А. Вольским и председателем Петербургского общества фабрикантов и заводчиков С.П. Глезмером. Последние были приглашены лично Столыпиным ввиду важности рабочего вопроса и необходимости разработки «грамотного» профсоюзного законодательства. Департамент полиции МВД высказался за ужесточение процедуры открытия обществ и союзов, но большинство участников совещания не поддержали его предложения, как необоснованно жесткие и стеснительные для обществ и нецелесообразные для власти. Министерство юстиции выступило с предложением вообще отложить принятие закона на неопределенное время, т.к. «революционное брожение хотя и не достигает прежней остроты, но продолжает еще наблюдаться в полной мере». Созданный, тем не менее, по настоянию Столыпина, проект закона мало чем отличался от «Временных правил», ужесточив лишь контроль властей за действиями просветительных организаций: они располагали порой весьма значительными средствами, что не могло не беспокоить местную администрацию. Но проект, неоднократно перерабатывавшийся и вносившийся на очередные обсуждения, так и не стал законом⁴⁷.

Фактически не был реализован в запланированном виде и комплекс административно-судебных реформ. Уступая мощному давлению дворянско-помещичьего лобби, заручившегося поддержкой императора, Столыпин был вынужден отказаться от реорганизации местных административных структур. Особое недовольство дворянских собраний вызывали проекты, предусматривавшие пересмотр статуса уездных предводителей и упразднение земских начальников, что было расценено как «выражение недоверия к дворянскому сословию». В новом варианте местной реформы, представленном МВД весной

1911 г., предводители и земские начальники сохраняли все свои права. Удалось лишь восстановить институт мировых судей, который, однако, так и не был введен повсеместно. В результате длительных и жестких столкновений премьера с Думой и особенно с Государственным советом земства были введены только в шести западных губерниях. При этом ему пришлось пойти даже на конфликт с царем, которому он пригрозил своей отставкой. В результате теперь и правые открыто заговорили о «незакономерности» действий столыпинского кабинета, а Николай II проникнулся все большей неприязнью к недавнему своему протезе. Уже конец 1907 – начало 1908 г. стал временем фронтального наступления дворянства на Столыпина, сначала при попустительстве, а затем и по прямому разрешению царя. Тон критики становился все резче, вплоть до инкриминирования премьеру едва ли не сознательного разрушения государственных устоев.

Из пакета социально-политических проектов наиболее продвинутой оказалась аграрно-крестьянская реформа. Указ 9 ноября 1906 г., как уже отмечалось, лишь конкретизировал и вводил в действие ст. 12 общего «Положения о крестьянах» и ст. 165 «Положения о выкупе» 1861 г. По замыслу авторов этих актов, крестьянин после выкупа надела становился полным его собственником и мог выйти из общины. Однако власти, сделавшие ее орудием своей административно-полицейской, фискальной и социальной политики, всячески старались оттянуть этот момент: за 45 пореформенных лет из общины смогли выйти лишь около 145 тыс. хозяев. Контрреформы 1880–1890 гг. сделали этот выход практически невозможным. Лишь революция сдвинула дело с мертвой точки.

Пересмотр курса аграрной политики стал неизбежным с изданием манифеста 3 ноября 1905 г., которым предусматривалась отмена с 1 января 1907 г. выкупных платежей. Столыпин, став премьером, сделал крестьянскую реформу осью всей своей внутренней политики, рассчитанной на модернизацию социально-экономического и отчасти государственно-политического строя империи. Основным назначением указа 9 ноября 1906 г. было пробудить у крестьян частнособственнический

инстинкт, дать толчок постепенному разрушению общины. Каждый крестьянин мог подать заявление о выходе из общины и потребовать выдела причитающегося ему участка наделной земли. Формально заявление должно было утверждаться большинством сельского схода. Если сход в течение месяца не принимал решения, дело передавалось на усмотрение земских начальников, которые, выполняя установку правительства, обычно решали его в пользу заявителя. Но это был лишь первый этап реформы. В хозяйственном отношении простое объявление наделов личной собственностью не устраняло всех неудобств, связанных с раздробленностью, чересполосицей, принудительностью севооборотов, совместным использованием угодьями, характерными для общинного землепользования. Изданный 29 мая 1911 г. новый закон центр тяжести реформы переносил на землеустройство. Теперь сам акт землеустройства считался основанием для признания надела личным владением. Причем основной упор делался на образование хуторских (с перенесением усадьбы на свой участок) и отрубных (с оставлением усадьбы в деревне) участковых хозяйств.

С принятием этих актов преобразования в аграрной сфере приобрели определенную логичность и комплексный характер. В частности, главной цели реформы оказались подчинены операции Крестьянского банка, получившего возможность не только содействовать приобретению крестьянами земли, но и выдавать ссуды под залог наделов, и вся деятельность Переселенческого управления, способствовавшего переселению крестьян на свободные земли в Сибири и Средней Азии. В этом плане сыграл свою роль и указ от 5 октября 1906 г.: с одной стороны, он способствовал выходу из общины тех групп крестьян, которые фактически уже порвали связь с деревней; с другой – ликвидировал архаичные функции общины, укреплял позиции зажиточных крестьян, их правовой и имущественный статус, предоставляя им возможность принимать активное участие в органах земского самоуправления.

Эти направления в реализации реформы, их количественные и качественные параметры обычно и рассматриваются исследователями как аргументы в пользу признания ее успешнос-

ти или провала. Столыпину не суждено было дожидаться плодов осуществления своих планов. Но в сжатом виде итоги за все время действия реформы (в мае 1915 г. в связи с начавшейся мировой войной она была приостановлена, а 28 июня 1917 г. была прекращена постановлением Временного правительства) сводятся к следующему. За это время, по разным подсчетам, из общины вышло от 1/3 до 60% хозяев (последняя цифра явно завышена, т.к. учитывает в числе вышедших и только подавших заявления о землеустройстве, и членов подворных общин). На надельных землях было образовано, опять-таки по разным подсчетам, от 1,6 млн. до 2 млн. хуторских и отрубных хозяйств, общая площадь которых составляла около 11–12% всех надельных земель, а вместе с членами беспередельных общин, которые учитывались как личные владельцы, эта площадь составляла около 28–30%. Остальные «укрепленцы» продолжали хозяйствовать чересполосно, что еще более запутывало земельные отношения в деревне. Заметную роль в пополнении земельного фонда крестьян и землеустройства их хозяйств сыграл Крестьянский банк: за 1907–1915 гг. крестьяне приобрели у банка или купили с его помощью почти 10 млн. дес., получив в ссуду 929 млн. руб.; с помощью банка было образовано около 270 тыс. образцовых хуторских хозяйств. Значительный размах в годы реформы приобрело переселенческое движение. За эти годы за Урал переехали около 3,8 млн. переселенцев и отправленных на разведку «ходоков». Из них на новом месте остались 2,7 млн., вернулось около 1 млн. человек, в том числе 0,5 млн. уже продавших свои наделы и пополнивших пауперизированные слои города и деревни⁴⁸.

В целом за годы действия реформы в деревне, несомненно, произошли позитивные экономические сдвиги: росла урожайность, увеличивались валовые сборы сельскохозяйственных культур, налицо были достижения в специализации и интенсификации крестьянских хозяйств, в использовании минеральных удобрений, машин. Росло и благосостояние деревни. Некоторые исследователи приписывают эти достижения успешной реализации столыпинского плана. Другие склонны объяснять

происходившие сдвиги также и благоприятными условиями объективного порядка – рядом урожайных лет, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию и т.п. Действительно, влияние указанных выше благоприятных условий отрицать нельзя, как, видимо, нельзя сбрасывать со счета и определенный вклад землеустроенных и модернизированных крестьянских хозяйств. Но не меньшую роль сыграло и то обстоятельство, что государство и общество впервые повернулись лицом к деревне, оказывая ей финансовую, организационную и агротехническую помощь. Ассигнования из казны на эти цели, помимо ссуд Крестьянского банка, за 1908–1913 гг. возросли с 5,7 млн. до 29 млн. руб., расходы земств за это время выросли с 11,4 млн. до 18,1 млн. руб. Значительные средства и сельскохозяйственная техника поступала в деревню через бурно развивавшуюся кредитную, потребительскую, закупочно-сбытовую кооперацию. Общее число кооперативов выросло за 1904–1914 гг. с 4 тыс. до 30 тыс.; только кредитные кооперативы, охватывавшие около 28% всех сельских домохозяев, выдали за предвоенное пятилетие ссуд почти на 3 млрд. руб. Земства и кооперативы развернули большую культурно-образовательную работу. Так, за последние предвоенные годы было открыто свыше 300 новых сельскохозяйственных учебных заведений, более тысячи курсов, проведено более 20 тыс. лекций, бесед, чтений на агрономические темы, почти во всех губерниях были организованы опытные станции, показательные поля, введен институт земских агрономов и т.д.⁴⁹ Некоторые исследователи не без основания считают, что именно материально-техническая и агрономическая помощь деревне могла быть главным направлением в постепенной трансформации деревни, которая со временем привела бы и к социально-политическим последствиям⁵⁰.

Вместе с тем следует отметить, что реализация реформы по ряду обстоятельств была еще далека от заявленных целей. В первых, несмотря на высокие темпы землеустройства, общая численность и совокупная площадь участковых хозяйств и особенно их удельный вес в общей массе крестьянского земле-

владения были еще невелики. Во-вторых, большинство таких хозяйств оставалось маломощными. Так, около половины хуторских и отрубных хозяйств располагали площадью менее 8 дес., что было ниже минимальной потребительской нормы. В-третьих, основная масса участковых хозяйств приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии, где община и ранее не имела глубоких корней, а земледельческий центр, требовавший особого внимания, оказался менее всего затронутым реформой. Реформа не устраняла и сословности надельного землевладения. Опасаясь массовой пауперизации деревни, власти приняли меры по предотвращению быстрой мобилизации надельных земель: отчуждение их допускалось только в крестьянские же руки, а приобретение ограничивалось 6 душевыми наделами. К тому же оставалась крайне острой проблема размежевания крестьянских и частновладельческих земель, фактически не решавшаяся все пореформенные десятилетия и становившаяся все более взрывоопасной.

Задача создания «среднего класса» в качестве социально-политической базы режима также была далека от решения. Несмотря на массивное административное давление, а может быть отчасти и в результате его, значительные массы крестьян выступили против насильственного разрушению общины. Открытых выступлений было сравнительно немного (за предвоенные годы их было зарегистрировано около 1,6 тыс.), но недовольство крестьян проявилось и в том, что почти 3/4 подавших заявления о выходе из общины не получили согласия сельских сходов, а вмешательство властей лишь подогревало социальную напряженность в деревне. Наконец, община проявила удивительную живучесть. С одной стороны, сказалось влияние традиций, ментальных и материальных, которые сохранялись в условиях остававшегося сравнительно низким уровня социально-экономического развития деревни, аграрного перенаселения и слабого оттока работников в неземледельческие сферы, что способствовало сохранению общины как института социальной защиты. С другой стороны, община отчасти сумела приспособиться к новым условиям и даже обеспечить некоторый

хозяйственный и агрикультурный прогресс, что отмечали и современники.

В то же время по мере реализации реформы нарастало недовольство ею и со стороны помещичьих кругов и даже недавних соратников премьера. С энтузиазмом встретив заявление правительства о наступлении на общину, влиятельные право-консервативные организации – Всероссийский союз землевладельцев, а затем Объединенное дворянство выступили против «прокрестьянского» курса аграрной политики, обвинив Столыпина и в пособничестве ускоренной распродаже помещичьих имений через Крестьянский банк, и в пролетаризации деревни.

Возникли сложности и с решением рабочего вопроса. В результате сопротивления предпринимателей и охранительного ведомства, возглавлявшегося, кстати, самим премьером, оказался свернут практически весь комплекс законопроектов, посвященный регулированию отношений между трудом и капиталом. В ходе их обсуждений основной удар был направлен против проектов, предусматривавших свободу стачек, против рабочих организаций, особенно профсоюзов. Столыпин, сделавший ставку на достижение компромиссов, сдал свои позиции довольно скоро. Уже в своем выступлении в Думе 16 ноября 1907 г. из пунктов прежней программы он лишь глухо упомянул о разработке мер по страхованию рабочих и оказанию им врачебной помощи, которые позднее отчасти нашли отражение в страховых законах 1912 г. Не был принят и законопроект о введении прогрессивного подоходного налога, вместо этого власти пошли на традиционное увеличение косвенного налогообложения.

Из относительно успешно проведенных преобразований можно отметить реализацию культурно-образовательной программы, одними из важнейших пунктов которой было введение всеобщего начального и профессионального образования. Проблема низкого культурно-образовательного уровня народных масс становилась все более острой, становясь тормозом дальнейшего развития страны, в том числе экономической модернизации. Перепись населения 1897 г. показала, что средний уровень грамотности в империи составлял 21,1%, причем сре-

ди мужчин он составлял почти 30%, среди женщин – около 13%. Особенно катастрофичными эти показатели были в деревне: если среди горожан грамотными были 45%, то среди сельского населения – всего 17%. Правда, следует отметить, что проблемы с грамотностью были прежде всего у старших возрастных групп: среди родившихся до отмены крепостного права средний уровень грамотности составлял 14–15%, среди тех же, кто родился в 1875 г. и позже, он не опускался ниже 50%. Выше среднего показателя была грамотность в Польше, Прибалтике, в Финляндии, значительно ниже среднего – на Кавказе и в Средней Азии⁵¹.

Эта проблема волновала и правительство, и общество. Проект закона о доступности школьного образования разрабатывался в Министерстве просвещения еще с начала 1900-х годов, но поступил он на рассмотрение Думы только в 1909 г. Не дожидаясь его окончательного принятия, Совет министров начал отпускать на эти цели бюджетные средства, пытаясь одновременно привлечь к финансированию создания школьной сети, на паритетных началах, земские и городские управы. К 1910 г. почти все земства заявили о своих претензиях на министерские пособия и более половины, получив их, приступили к реализации программы, срок осуществления которой был рассчитан на 10–25 лет. Но и в этой сфере оставались острые проблемы, связанные с ведомственной принадлежностью школ (церковно-приходские школы оставались в ведомстве Синода), училищные советы продолжали возглавляться предводителями дворянства, а не выборными земствами лицами, продолжались дебаты о преподавании в школах на национальных языках. В результате законопроект, принятый Думой, был отвергнут Государственным советом.

Не принесла особого успеха и политика столыпинского кабинета в национальном вопросе. Сама по себе идея определенной унификации управления на всем пространстве империи имела, как уже отмечалось, и объективную подоплеку. Но реализовывалась она зачастую в открыто националистическом духе, что вызывало протесты населения окраин. Учитывая

происки своих противников, Столыпин попытался сыграть на великорусских шовинистических настроениях, получивших в то время достаточно широкое распространение. Выступая в Думе и Государственном совете, он произнес ряд вызывающе резких речей в националистическом духе, вполне укладывавшихся в концепцию «Россия для русских». Как и ранее, общими направлениями этой политики были: обязательное введение русского языка в местное административное делопроизводство, в учебные заведения, «русификация» управленческих кадров и т.п. В январе 1908 г. Столыпин в специальном циркуляре губернаторам выразил недовольство тем, что «среди инородческих элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию... на почве их исключительно национальных интересов». И он предложил губернаторам впредь отказываться в регистрации «инородческих обществ» и найти способ закрыть ранее разрешенные⁵². Более настойчивыми стали попытки включить национальные окраинные территории, особенно западные, в общеимперскую административно-управленческую систему.

Весьма показательна в этом плане была правительственная политика в отношении Финляндии. Сначала Столыпин попытался рядом мер добиться ущемления автономии Финляндии: назначение финляндского генерал-губернатора в общеимперском порядке, изъятие из ведения Сейма вопросов по управлению почтой, телеграфом, железными дорогами, предварительное рассмотрение Советом министров всех касающихся Великого княжества дел, поступающих для доклада императору, и т.п. Очень болезненно было воспринято финнами появление новых органов власти и управления, предусмотренных новыми Основными законами. По их мнению, Дума и Государственный совет не должны были принимать участие в законодательном процессе княжества. Сейм отказался рассматривать законопроект о разграничении общеимперского и финляндского законодательства, и 24 сентября 1910 г. был распущен императором. Столыпин, выступая 31 мая 1910 г. в Государственном совете, подчеркнул невозможность для правительства идти по иному пути, кроме как установления порядка общегосударственного

законодательства для Финляндии. 17 июня 1910 г. соответствующий закон был издан. К разряду дел, подлежащих общегосударственному регулированию, были отнесены: участие Финляндии в общегосударственных расходах, определение прав русских подданных в Финляндии, сфера применения государственного языка, деятельность имперских учреждений в крае, порядок приведения в исполнение решений судебных и иных учреждений империи на территории Финляндии, наблюдение за школьными программами, выработка правил о союзах и обществах, законодательство о печати, установление денежной системы и т.п. Право законодательной инициативы принадлежало императору. Государственная дума и Государственный совет наделялись правом издавать законы и для Финляндии, а общеимперские акты автоматически отменяли противоречащие им местные законы, что нарушало действовавший принцип разграничения законодательства России и Финляндии⁵³.

Закон и действия столыпинского кабинета вызвали бурную реакцию общества – как в его поддержку правыми националистическими кругами, так и критики слева столь коренной ломки установившихся отношений с Великим княжеством. Правящие круги последнего считали, что закон, принятый без согласия Сейма, не имеет силы на территории края. Правительственное Особое совещание по Финляндии 28 мая 1911 г. прошло к заключению о необходимости выработки целостной программы мер относительно края с учетом реальной обстановки. Такая программа, предусматривавшая укрепление позиций центральной власти в Финляндии и сближение ее с остальными частями империи, ставшая как бы наследием столыпинского кабинета, была разработана и позднее, в сентябре 1914 г., была одобрена Николаем II. Однако война и последовавшие события сделали невозможным ее реализацию и лишь способствовали росту в крае антироссийских настроений.

«Головной болью» правительства оставалась Польша с ее историко-ментальными традициями собственной государственности. Попытки «русификации» управленческих структур, сферы образования, ограничения поляков в приобретении земельной недвижимости, в поступлении на государственную

службу вызывали постоянную напряженность. Единственным оплотом власти в крае открыто признавалось чиновничество. Недоверие к полякам было столь велико, что в 1908 г. было решено запретить им преподавать в Польше русский язык и историю даже в частных школах. Попытки Столыпина ввести в крае земское и городское самоуправление оказались в конечном итоге безуспешными. Правда, требования национальной правящей элиты, находившие отражение в довольно многочисленном польском представительстве в Думе и Государственном совете (польское «Коло»), пока не выходили за пределы культурно-национальной автономии. Но сам премьер считал бесперспективным полное поглощение Польши, и, по некоторым данным, даже подумывал о возможности предоставления ей самостоятельности. Пока же он активно содействовал проекту выделения из ее состава территорий с преобладанием русскоязычного населения, и образования из них Холмской губернии, с подчинением ее киевскому генерал-губернатору, что и было реализовано в 1912 г.

В годы премьерства Столыпина была предпринята комплексная попытка решить проблемы управления, в том числе и окраинами империи, путем некоторой децентрализации управленческой структуры, близкой к федерализации. В 1907–1908 гг. С.Е. Крыжановский, в те годы занимавший пост товарища министра внутренних дел, подготовил проект, который предусматривал фактически новое административное деление страны. Он предложил разделить империю на 11 областей (Прибалтийский край, Финляндию, Северо-Запад, Польшу, Правобережную и Левобережную Украину, Московский промышленный район, Верхнее и Нижнее Поволжье, Северную Россию, разделенную на две области, и Степной край – Западная Сибирь), учитывая их географические, культурно-этнические и экономические особенности. В каждой из них предлагалось создать областное управление, состоящее из правительственного управления во главе с гражданским начальником и выборного земского собрания. Областные собрания, представлявшие собой представительные учреждения переходного типа (от хозяйственного к государственно-политическому), получа-

ли представительство в центральных органах и право местного законодательства по вопросам, не имевшим общегосударственного значения. Их решения должны были проводиться в жизнь после утверждения начальником области или императором. Общегосударственное законодательство сосредоточивалось в Государственном совете. Думе в этой политической структуре места не отводилось вообще. Остальные части империи – военные казачьи области, инородческие районы, Туркестан, Восточная Сибирь, Крым, Кавказ – оставались пока вне этого деления и вне общегосударственного представительства, за исключением двух последних, и фактически получали статус колоний.

Осуществление этой идеи, которая, как отмечал автор, «очень пленяла Столыпина» и которая была заимствована из конституционного проекта начала XIX века, составленного Н.Н. Новосильцевым, позволяло в новых условиях, помимо практического решения ряда проблем с учетом местных особенностей, «ослабить обострение национального вопроса на окраинах и защитить русские интересы там, где их надо защищать». Таким образом, эта мера должна была помочь решению на местном уровне ряда острых политических, хозяйственных, социокультурных и национальных вопросов, сохраняющих актуальность и в наши дни.

Сама идея федерализма вызывала неоднозначную реакцию в правительстве и в обществе. «Начало единства и неделимости Империи, – писал Крыжановский, – было определенно выражено в Основных законах, и общее настроение правящих верхов толковало его широко, считая нарушением всякое местное обособление как наводящее на мысль о федерации и сепаратизме». Вопрос этот не обсуждался Советом министров, но был изложен во всеподданнейшем докладе Столыпина и представлен императору. Николая II предложение это заинтересовало, но он высказал опасение, что подобная мера может явиться шагом к нарушению единства империи. Доклад был возвращен премьеру «до указания опыта III Думы», но затем так и не получил движения⁵⁴.

Из всего комплекса вопросов, к вящему удовольствию националистов, позднее, в 1912 г., был реализован только проект выделения из Польши Холмской губернии, где большинство составляло русскоговорящее население. Проекты изменения административных границ рассматривались также и в отношении Финляндии. Под предлогом защиты столицы империи в случае возникновения военной опасности предлагалось выделить из Выборгской губернии два уезда и включить их в состав Петербургской губернии. Это вызвало волну возмущения финнов. В финской прессе было опубликовано заявление депутатов Сейма, в котором указывалось, что этот акт подорвет экономику края, нарушит национальные и культурные права финского народа. Тем не менее, в августе 1911 г. была создана специальная межведомственная комиссия под председательством С.Е. Крыжановского, которая пришла к заключению о необходимости для защиты Петербурга вообще выделить из состава Финляндии особую Выборгскую губернию с общеимперским статусом. Несмотря на новую волну бурных протестов в Финляндии, Совет министров поддержал предложение комиссии, а Николай II 16 сентября 1914 г. утвердил его мнение. Однако начавшаяся мировая война сорвала реализацию этого плана⁵⁵. Не удалось в полной мере решить и задачу включения прибалтийских губерний в общедминистративную систему, снять остроту еврейского вопроса, решить этноконфессиональные проблемы в западных губерниях. Предпринятые шаги к изменению административных границ империи, рассчитанные как на укрепление стратегических позиций России в связи с нараставшей военной угрозой, так и на усиление русского этнического центра, фактически не решали этих проблем, вызвав лишь очередное обострение национальных противоречий.

В условиях нарастания всеобщего недовольства политикой Столыпина, вынуждавшего премьера на компромиссы с целью хоть в какой-то мере реализовать программу преобразований, позиции его день ото дня слабели. Отставка была предreshена. Он еще не сдавался, пытаясь весной 1911 г. разработать новые предложения по улучшению управляемости империей. В частности, он предлагал обширный проект преобразования цен-

тральных исполнительных структур (создание семи новых министерств – труда, местных самоуправлений, национальностей, социального обеспечения, здравоохранения, исповеданий, природных ресурсов), более широкое привлечение, за счет понижения имущественного ценза, к работе в органах земского и городского самоуправления крестьян и даже рабочих, но при усилении в этих учреждениях административного влияния. В целом проект предусматривал масштабное наращивание государственных структур: Столыпин, видимо, продолжал верить в преобразующую силу бюрократии.

Развязка наступила неожиданно. Приехавший в Киев на торжества по случаю открытия памятника Александру II премьер, в присутствии царя, был смертельно ранен в киевском оперном театре провокатором Д.Г. Богровым и 5 сентября 1911 г. скончался, пав жертвой собственной системы полицейского сыска, созданной им для борьбы с революцией. В итоге программа Столыпина, оказавшегося последним крупным правительственным реформатором, попытавшимся вывести Россию на эволюционный путь развития, в самых основных своих частях осталась невыполненной – для этого не хватило ни времени, ни средств, ни политической воли и мудрости правящих кругов, ни поддержки общества.

Тем не менее, предвоенное пятилетие, казалось бы, давало основание для вполне оптимистического прогноза. Столыпину удалось на некоторое время достичь определенной политической стабилизации, счастливо совпавшей с оздоровлением хозяйственной жизни империи. В 1909–1913 гг. российская экономика после длительной депрессии вновь вступила в полосу подъема. Череда урожайных лет способствовала заметному подъему аграрного сектора, значительному росту экспорта сельскохозяйственной продукции и расширению внутреннего рынка. Почти в 1,5 раза вырос объем индустриального производства, причем наиболее высокими темпами роста вновь выделялась тяжелая промышленность. В значительной мере это было связано с увеличением железнодорожного строительства и казенными военными заказами, обусловленными начавшейся работой по выполнению программ по перевооружению армии

и флота. В этих условиях планы преобразований государственного-политического устройства империи, проблемы создания правового государства отошли на задний план. Сменивший Столыпина на посту премьера В.Н. Коковцов, фактически с благословения монарха, практически отказался от каких-либо серьезных попыток продолжить реформаторский курс.

Однако вернуть страну в прежние рамки было уже невозможно. Уже с 1910 г. начинается новое оживление революционного и оппозиционного движения, во многом как реакция на правительственную политику. Попытки действовать традиционными репрессивными методами – с позиции силы – все чаще наталкивались на активное сопротивление. Так, известный расстрел в апреле 1912 г. забастовавших рабочих Ленских золотых приисков и особенно заявление министра внутренних дел Макарова: «Так было и так будет!» – вызвали бурю возмущения в стране. Прошедшие осенью 1912 г. выборы в IV Государственную думу сохранили для правительства возможность использовать при прохождении в ней два большинства – право-октябристское и октябристско-кадетское. Но теперь третьиюньская система все чаще давала «сбой». Октябристы на своей конференции в ноябре 1913 г. заявили о разрыве «договора» с правительством, политика которого уже стала представлять «прямую угрозу конституционному принципу».

Правительство металось в поисках выхода, не останавливаясь перед проектами роспуска Думы и возврата к дореволюционной политической системе. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков в октябре 1913 г. даже предлагал Николаю II осуществить роспуск Думы и ввести в столице чрезвычайное положение. Царь одобрил предложение министра и предложил обсудить в Совете министров вопрос о превращении Думы в совещательную, что по сути было бы вторым государственным переворотом. «Представление на выбор и утверждение государя мнения большинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и притом в русском духе», – заявил глава МВД. Совет министров лишь отчасти согласился с предложением Маклакова, предложив в случае возникновения «беспорядков» ввести положение

чрезвычайной охраны, а также заготовить указ о роспуске Думы, но с тем, чтобы определение времени опубликования его было предоставлено председателю Совета министров и чтобы в нем было указан срок созыва новой Думы, без изменения ее статуса. В задуманном виде эта акция так и не была осуществлена. Но 11 июля 1914 г. в связи с рабочими выступлениями в обеих столицах было введено положение чрезвычайной охраны.

Разразившаяся мировая война, вызвавшая взрыв патриотических настроений, на время сняла остроту кризиса. Возникли новые общественные организации, ставившие задачей оказание помощи правительству в организации тыла и помощи фронту. В июле – августе 1914 г. были созданы Земский и Городской союзы, взявшие на себя оказание помощи раненым и беженцам, а затем и часть работы по снабжению армии. Летом 1915 г. возникла система военно-промышленных комитетов во главе с Центральным комитетом. Представители Думы, Государственного совета и ряда общественных организаций вошли в различные органы системы Особых совещаний, созданных правительством в целях милитаризации экономики. Кооперация, насчитывавшая к тому времени около 64 тыс. объединений различного уровня и охватывавшая до половины всего населения страны, использовалась властями в качестве закупочной и снабженческо-распределительной сети. Однако гражданский мир, как известно, продолжался недолго.

Серия военных поражений, расстройство народного хозяйства, особенно транспортной системы, неизбежное ухудшение положения широких народных масс вызвали новую волну общественного недовольства. Требуя продолжения реформ, заволаговывалась и либеральная общественность. Уже в августе 1915 г. начал складываться так называемый Прогрессивный блок, объединивший оппозиционные фракции Думы и Государственного совета и потребовавший от царя создания «министерства доверия». В ответ Дума была досрочно распущена. Но ни правительство, ни оппозиция не имели какой-либо конструктивной программы. Да и время для проведения реформ было безнадежно упущено. Началась знаменитая «правительственная чехарда»: за короткий срок сменилось три председателя

Совета министров, два министра внутренних дел и т.д. Перестановки лиц в правительстве не могли исправить положения. В результате престиж правительства упал до нуля. Слухи о засильи «темных сил» у трона, о пресловутой «распутинщине», о предательстве и коррупции правящих верхов, подогреваемые антиправительственной пропагандой и прессой самых разных направлений, окончательно подорвали доверие к верховной власти. Разразившаяся Февральская революция 1917 г. положила конец монархии и Романовской династии. Глубину политического кризиса характеризует тот факт, что император лишился поддержки даже промонархических кругов. «К 1917 г., в атмосфере неудачной войны, все созрело для революции, – писал известный русский историкософ Н.А. Бердяев. – Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция. В народе ослабели и подверглись разложению те религиозные верования, которые поддерживали самодержавную монархию»⁵⁶. Ему вторил Н.Е. Марков, один из ревностнейших монархистов: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники. Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли»⁵⁷.

С падением самодержавия Российская империя лишилась главного своего стрежня и скреп. К началу XX века она представляла собой уникальную для Европы картину структурной неоднородности и этнического многообразия. В ней насчитывалось более 140 различных этносов, сохранивших свой язык и культуру, исповедовавших едва ли не все основные мировые религии и находившиеся на самых разных уровнях экономического, социокультурного и политического развития. Сохранение такого этнического и цивилизационного многообразия свидетельствовало о том, что власти не удалось в скольконибудь значительной мере ассимилировать население присоединенных территорий. Русские (великороссы), государствообразующий этнос, составляли всего 44,3% населения империи и фактически ни по правовым, ни по материально-бытовым и

культурным параметрам не являлись господствующей нацией. В сущности, Россия и не была колониальной державой в общепринятом смысле. Ее внешняя экспансия, определявшаяся прежде всего имперскими устремлениями верховной власти, не имела целью получение каких-либо экономических выгод и диктовалась прежде всего военными, геостратегическими соображениями. Империя имела государственный центр, но фактически он не был типичной метрополией. Взаимоотношения центра и присоединяемых территорий в значительной мере обуславливались способом присоединения, уровнем развития входивших в состав империи народов, внешнеполитическими факторами. Причем расширявшиеся пределы империи укрепляли представления самих самодержцев и их идеологов в необходимости исключительных прерогатив верховной власти как гаранте целостности и неделимости державы.

До начала XX века самодержавию удавалось, за немногими исключениями, сдерживать открытые протестные выступления на этнической почве. Формирование наций, как считают исследователи, тормозилось феодальным, донациональным характером самой империи, низким материальным и культурным уровнем основной массы населения, длительное время лишенного политических и гражданских прав⁵⁸. В годы войны, вплоть до Февраля 1917 г., выступления на национальной почве не играли существенной роли, тем более, что наиболее активные в этом плане регионы (Польша, Прибалтика, Украина, Белоруссия) оказались оккупированными неприятелем. В Февральской революции отразился сложный сплав социальных и национальных противоречий, что соответствовало крайне поляризованной социальной и этнической структуре империи. Оказавшиеся во власти бывшие общественные деятели ожидали, что свержение самодержавия автоматически приведет к решению национального вопроса. Однако события показали, что революция, наоборот, подтолкнула и усилила национальные движения.

Временное правительство, продолжая имперские традиции, видело свою задачу в сохранении России «единой и неделимой». Правда, законодательные нормы, дискриминировавшие

национально-этнические группы населения, были отменены. В полной мере была восстановлена автономия Финляндии и Польши. 10 июня 1917 г. Украинская рада провозгласила автономию Украины, и Временное правительство признало ее. Но окончательное решение национального вопроса было отложено до Учредительного собрания. Эта тактика сдерживания и выжидания, в конце концов, привела к нарастанию масштабов и радикализации национальных движений. В сентябре 1917 г. в Киеве состоялся Конгресс народов России: 93 делегата представляли все более или менее крупные этносы (за исключением поляков и финнов). Временное правительство пошло на уступки и объявило о предоставлении народам права на самоопределение. Но было уже поздно. Пришедшие на смену монархии бывшие оппозиционные силы, в условиях продолжавшихся военных действий, не располагали необходимыми возможностями даже для поддержания *status quo*. До лета 1918 г. от России отделились Польша, Литва, Латвия, Эстония, большая часть Белоруссии, оказавшиеся под протекторатом Германии; затем – Финляндия, Бессарабия, Закавказская федерация (Грузия, Армения, Азербайджан). Неопределенная ситуация в ходе начавшейся гражданской войны сложилась в Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе. Центробежные тенденции, фактически при отсутствии какой-либо сдерживающей силы и потере контроля над оккупированными территориями, привели к окончательному распаду двухсотлетней Российской империи.

* * *

Итак, к кануну первой мировой войны российское государственное устройство представляло собой переходную политическую систему, находившуюся в состоянии неустойчивого равновесия. С одной стороны, верховная власть и полностью ей подчиненная власть исполнительная еще располагали всей мощностью государственного аппарата, собственным огромным экономическим потенциалом в виде государственного сектора экономики и еще могли опираться в значительной мере на не-

подвижность и политическую и гражданскую пассивность огромной массы населения, 3/4 которого составляло крестьянство. Вынужденная в силу внутренних и внешних факторов укреплять свои социально-экономические позиции, эта власть неминуемо – хотя бы в результате последствий своей собственной политики – должна была идти на существенные социально-экономические, а затем и политические преобразования, стремясь, однако, при этом в возможно более полном виде сохранить свои прерогативы. И это стремление не было беспочвенным: оно опиралось на сравнительно низкий материальный, культурный и политический уровень основной массы населения, на обширность многонациональной империи, что – наряду с сохранением традиционных укладов жизни – являлось питательной средой для сохранения авторитарного режима. Вместе с тем чрезмерная активность государства в экономической сфере, рассчитанная на укрепление материальной базы режима, имела свою оборотную сторону. Так, мобилизационные по своему характеру меры по развитию промышленности оказывали негативное влияние на общую ситуацию в стране, вызывая недовольство деловых кругов. В частности, анализируя последствия политики индустриализации Витте, лидеры Совета съездов представителей торговли и промышленности позднее отмечали: «Искусственность экономического развития в 90-е годы заключалась прежде всего в необычайном поспорении народной самостоятельности. Все нити народного хозяйства сходились в кабинете министра финансов: без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять. Власть и вмешательство чиновников становились в экономической жизни страны все более невыносимыми». В результате реализации виттевской экономической программы, по их оценке, «в XX столетие Россия входит с непомерно выросшей обрабатывающей промышленностью, с крайне отсталым земледелием и с умерщвленной самодеятельностью широких народных масс»⁵⁹.

С другой стороны, усложнявшаяся экономическая, социальная и политическая жизнь страны, развитие рыночных, капиталистических отношений требовали преобразований в сфере государственного устройства, демократизации управленчес-

ких структур, более широкого введения начал самоуправления, решения национального вопроса, пересмотра и усовершенствования гражданско-правовых узаконений, т.е. комплекса реформ, которые, в свою очередь, требовали изменения и самого характера государственного устройства, природы верховной власти. Становилось все более очевидным, что абсолютная монархическая власть, выступавшая ранее движущей силой реформаторского процесса, все более исчерпывает свой преобразовательный потенциал. В результате обостряются противоречия между властными структурами и политически и граждански активными слоями общества, выразителями настроений которых во все большей мере становятся учреждения представительной законодательной власти – Государственная дума и реформированный Государственный совет. Они появляются как бы по воле монарха-самодержца, но фактически вопреки его убеждениям и желаниям.

Деятельность представительных учреждений – при всей противоречивости Основных законов – объективно создавала новое политико-правовое поле для становления правового государства и гражданского общества. Они не только встраиваются в существующие государственные властные структуры, но и начинают выстраивать собственную политическую систему, становясь центром притяжения общественных сил и заметным фактором развития всей политической и гражданской жизни страны, способствуя подъему уровня политической культуры и власти, и электората. Дума стала важным фактором в процессе становления многопартийной системы и способствовала формированию новой политической «контрэлиты». Законодательные и бюджетные полномочия народного представительства, несмотря на известные ограничения, предоставляли все же обществу возможности влияния на экономическую и социальную политику правительства. Все это открывало перспективы постепенной трансформации российского самодержавия в конституционную монархию.

Формировались и предпосылки для перерастания массы пассивно-послушных подданных монарха в граждан, строго сословного общества – в гражданское общество. Заметными

темпами росла грамотность, численность слоя образованных и культурно развитых людей, профессионально подготовленных специалистов. За 1896–1910 гг. было открыто больше начальных школ, профессиональных училищ, гимназий и вузов, чем за весь предыдущий период российской истории. К 1911 г. в 104,3 тыс. начальных учебных заведениях всех видов и ведомственной принадлежности обучалось более 6,5 млн. детей. В сфере среднего образования, включавшей почти 2,5 тыс. классических гимназий и реальных училищ, насчитывалось около 728 тыс. учащихся. Особенно быстрыми темпами развивалась высшая школы. Если к началу 60-х годов в России имелось около 20 тыс. лиц с высшим образованием, то к концу XIX века вузами было выпущено около 85 тыс. специалистов разного профиля. К 1914 г. в империи имелось 63 государственных и 54 общественных и частных высших учебных заведений, в том числе 10 университетов. В вузах обучались более 123,5 тыс. студентов, профессорско-преподавательский состав насчитывал около 4,5 тыс. человек. Всего за 1900–1913 гг. отечественные вузы окончили свыше 87 тыс. человек. Но потребность в них по-прежнему оставалась весьма острой. В годы предвоенного подъема возникла даже идея государственного планирования развития высшей школы, особенно для нужд народного хозяйства. Однако, несмотря на некоторые позитивные сдвиги в этой сфере, в целом по показателям грамотности и образованности населения Россия, несмотря на все предпринимаемые меры, оставалась одной из самых отсталых стран в Европе⁶⁰.

И тем не менее, рост грамотности, тяга людей к знаниям и информации, потребности деловой жизни и культуры создавали условия для бурного развития печатного дела. Еще в 80–90-е годы возник ряд крупных книгоиздательских и книготорговых фирм капиталистического типа (издательства И.Д. Сытина, А.С. Суворина, А.Ф. Маркса, Н.П. Карбасникова, М. Вольфа и др.). В начале XX века наступил подъем книгопечатания. И полуграмотная Россия в 1908 г. вышла на третье место в мире (после Германии и Японии) по количеству издаваемых книг. В 1913 г. в ней было издано более 34 тыс. названий книг тиражом почти 119 тыс. экземпляров. Периодика поражала количеством

и своим разнообразием. В начале 1914 г. только в Петербурге и Москве издавалось более 60 ежедневных газет – в 2,5 раза больше, чем в 1900 г. Суммарная величина общего одноразового тиража всех российских газет составляла 2,7 млн. экземпляров – при более чем 800 единицах газетных наименований. Роль книгопечатной продукции и прессы в России для формирования общественных интересов трудно переоценить. Важно отметить, что если на Западе пресса являлась отражением общественного мнения, то в России она фактически формировала его⁶¹.

Кадры образованных и культурных людей значительнополнили ряды общественных деятелей, а процесс самоорганизации общества, особенно на фоне крупных политических сдвигов, получил дополнительный импульс. По сугубо ориентировочным расчетам исследователей, организованная тем или иным образом общественность составляла к 1914 г. около 15–16% населения страны⁶². Особенностью российской общественной жизни была крайняя политизация общественного движения, в значительной мере отражавшая конфликтность и крайнюю социально-политическую поляризацию общества. В этих условиях весьма сложно было наладить сотрудничество властей всех уровней с общественными организациями по причине хотя бы их различной политической ориентации. Тем не менее, земства и городские муниципалитеты, после острых столкновений, типичных для периодов революционно-оппозиционных, пытались наладить сотрудничество с властями в области народного образования, здравоохранения, в деле культурно-хозяйственной модернизации деревни и городов, во время военных действий – поддержкой в организации тыла и помощи армии и т.д. Попытки взаимодействия властей с общественностью, даже через сословное самоуправление, правыми организациями и прессой, создавая прецеденты успешного решения конкретных задач, казалось бы, открывали реальные возможности для преодоления отчужденности между государством и общественными структурами и установления сотрудничества между ними. Но это было весьма чревато последствиями для старой власти, которая неизбежно должна была сама

преобразовываться. Весьма интересно в этом плане наблюдение общественного деятеля и журналиста И.В. Жилкина, который в статье, опубликованной в «Вестнике Европы», отмечал: «Власть, мечтая о восстановлении старых, отживших и поваленных устоев, в пылу борьбы не замечает, что хватается за новое для нее, чуждое ей современное оружие: прессу и общественность. Каковы бы ни были правые организации – все это ячейки с общественным бродильным началом. Создавая здесь себе поддержку, администрация воспитывает в себе новую, роковую для нее привычку – признание общественности»⁶³. Таким образом, налицо были созданные общественностью ячейки формировавшегося гражданского общества, но они так и не превратились в действующую систему.

Неуступчивость старого режима, порой демонстративное третирувание им представительных и общественных учреждений, приверженность к старым, авторитарным и патриархально-попечительным методам правления, несостоятельность в выборе наиболее эффективного курса внутренней политики, который бы позволил без крайних издержек ликвидировать отсталость страны от передовых, ушедших далеко вперед конкурентов, являлись важным деструктивным фактором, препятствовавшим модернизации страны, объединению для решения этой задачи усилий власти и общества. Весь опыт разработки и попыток реализации реформ Витте и Столыпина показывает, что пережившее себя самодержавие, даже попадая в кризисную ситуацию, постоянно запаздывало с преобразованиями, а решившись на них, не могло обеспечить благоприятные условия для их проведения. Старые проблемы, не нашедшие своевременного решения, накладывались на новые, еще больше обостряя ситуацию в стране. В этих условиях широкие структурные и системные преобразования фактически приобретали характер революции «сверху» – со всеми нежелательными для власти «постреволюционными» последствиями. Вместе с тем, следует отметить и то обстоятельство, что чрезмерный радикализм как правой, так и левой оппозиции, чрезмерная политизация общественных объединений, превращение их зачастую в политическую трибуну, отказ от поиска возможностей для конструктив-

ного сотрудничества с властями, торопливость в подгонке глубинных процессов к порой абстрактным программным схемам – все это приводило к нарастанию кризисной ситуации в стране, приведшей к грандиозным революционным катаклизмам 1917 г. и распаду Российской империи. Тем не менее, Россия сохранила ядро своей государственности, дававшей перспективу возрождения ее как великой державы, что позднее и произошло, но уже в совершенно иных условиях и в ином качестве.

-
- ¹ Цит. по: История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 326.
 - ² *Ключевский В.О.* Литературные портреты. М., 1991. С. 453.
 - ³ Цит. по: Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 25.
 - ⁴ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 162, 163.
 - ⁵ Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 15–17.
 - ⁶ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 220–227.
 - ⁷ Цит. по: Там же. С. 292.
 - ⁸ *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917 гг. М., 2009. С. 65–131.
 - ⁹ *Витте С.Ю.* Воспоминания: в 3 т. М., 1960. Т. 2. С. 522–528.
 - ¹⁰ ПСЗ. Собр. 3. Т. 23. № 22581.
 - ¹¹ Отрывки из воспоминаний Д.Н. Любимова (1902–1904 гг.) // Исторический архив. 1962. № 6. С. 81–83.
 - ¹² Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву, [31 авг. 1903 г.] // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 201–203. (Из записной книжки архивиста).
 - ¹³ *Романов К.К.* Из дневника Константина Романова // Там же. 1930. № 6 (43). С. 100, 101.
 - ¹⁴ Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 29; Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 464–474.
 - ¹⁵ *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // Современные записки. Париж. 1937. Т. 64.
 - ¹⁶ Правительственный вестник. 1904. 14 дек.
 - ¹⁷ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, б. г. С. 34.
 - ¹⁸ Исторический вестник. 1915. № 9. С. 603, 604.
 - ¹⁹ См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте: в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., Л., 1963. С. 341.
 - ²⁰ Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 168.
 - ²¹ ГАРФ. Ф. 525 (Трепов). Оп. 1. Д. 45. Л. 6–7.
 - ²² ПСЗ. Собр. 3. Т. 25, отд-ние 1. № 26803.

- 23 *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 233–236.
- 24 Исторический вестник. 1915. № 11. С. 606, 607.
- 25 Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996. С. 5, 6.
- 26 Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 338, 339.
- 27 Там же. С. 549.
- 28 *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917 гг. С. 175.
- 29 *Тыркова-Вильямс А.[В.]*. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 239.
- 30 *Корелин А.П.* Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917 гг. С. 135, 136.
- 31 *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 62–78.
- 32 *Лазаревский Н.И.* Бюрократия и общество // Право. 1905. № 4. Стб. 206, 207, 209, 213, 214.
- 33 *Хвостов В.М.* Свобода союзов и собраний // Московский еженедельник. 1906. № 1. С. 9.
- 34 Свод законов Российской империи. Изд. 1906 г. Т. 1, ч. 1.
- 35 Цит. по: Первая революция в России. Взгляд через столетие. С. 407, 408.
- 36 ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 27479.
- 37 *Туманова А.С.* Указ. соч. С. 142–281.
- 38 Исторический вестник. 1915. № 11. С. 608.
- 39 Цит. по: *Дякин В.С.* Столыпин и дворянство (провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 233, 234.
- 40 *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг. М., 1991. С. 50–62, 93–102.
- 41 ПСЗ. Собр. 3. Т. 26. № 28392.
- 42 Там же. № 28528.
- 43 Проекты реформ, предложенные столыпинским кабинетом, весьма полно представлены в документальной публикации: П.А. Столыпин. Программа реформ: документы и материалы: в 2 т. М., 2002–2003. Т. 1–2.
- 44 *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия. С. 105.
- 45 Там же. С. 63, 102, 106, 107.
- 46 Из отчета о перлюстрации деп. полиции за 1908 г. // Красный архив. 1928. № 2. С. 145.
- 47 *Туманова А.С.* Указ. соч. С. 265–271.
- 48 *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; *Зырянов П.Н.* Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг. М., 1992; *Тюкавкин В.Г.* Великоорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; *Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000; и др.
- 49 *Корелин А.П.* Столыпинские реформы: исторический опыт и уроки // Отечественная история. 2007. № 3. С. 167.
- 50 *Ефременко А.В.* Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002; *Его же.* Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль, 1999.

- ⁵¹ Россия в начале XX века. М., 2002. С. 577, 578. (Россия. XX век. Исследования).
- ⁵² Власть и реформы: от самодержавной до советской России. С. 570.
- ⁵³ Административные реформы в России: история и современность. М., 2006. С. 328–333.
- ⁵⁴ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 122.
- ⁵⁵ Административные реформы в России: история и современность. С. 354–357.
- ⁵⁶ Бердяев Н.А. Русская идея; Судьба России. М., 1997. С. 214.
- ⁵⁷ Цит. по: Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 360.
- ⁵⁸ Каптелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология. М., 2005. С. 399.
- ⁵⁹ Рос. гос. ист. арх. Ф. 150. Оп. 1. Д. 397: Устои и стремления русской торговли и промышленности: доклад Совета съездов представителей торговли и промышленности, 1910 г. Л. 35–36.
- ⁶⁰ Россия в начале XX века. С. 578, 580, 589–602; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 55, 57, 70.
- ⁶¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 211.
- ⁶² Россия в начале XX века. С. 608–619.
- ⁶³ Вестник Европы. 1914. № 3. С. 356–360.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
«Дней Александровых прекрасное начало...» Стагнация или реформы?	6
Апогей самодержавия	44
Россия на переломе: «Великие реформы»	86
Россия на перепутье: «контрреформы»	130
Власть и общество на закате Российской империи	165

Редактор
О.А. Пруцкова

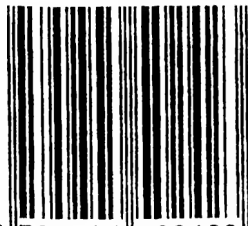
Компьютерная верстка
Л.П. Андриановой

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 04.04.13. Формат 60×84/16. Заказ № 2
Тираж 300 экз. 15 п.л. 12,05 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-8055-0242-3

9 785805 502423

Корелин Авенир Павлович

1933 г.р., выпускник истфака МГУ, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. В Институте работает с 1966 г. Специалист в области экономической, социальной и политической истории России XIX – начала XX в. Автор более 200 исследовательских, документальных и научно-популярных работ, в том числе монографий «Дворянство в пореформенной России. 1861 – 1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация» (М.: Наука, 1979); «С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат» (М.: Терра, 1998) (в соавторстве со С.А. Степановым); «Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917 гг.» (М.: РОССПЭН, 2009); и др.

Девятнадцатый век – особая эпоха в российской и мировой истории. На европейском континенте происходили грандиозные перемены. Страна за страной вступали в период социально-политических и промышленных революций. Ломались средневековые экономические и политические структуры и институты, прорисовывались контуры будущего гражданского общества.

Россия, в силу ряда обстоятельств, встала на путь перемен позднее других ведущих держав, а сам процесс модернизации страны, особенно в сфере государственного устройства, взаимоотношении власти и общества, отличался крайне противоречивостью.

Автор, анализируя причины и ход событий, определявшие специфику движения страны на этом пути, стремился показать, что несмотря на ряд депрессивных факторов, основные тенденции этого времени прослеживались в России вполне определенно. Однако они так и не смогли завершиться взаимоприемлемым для власти и общества исходом, что стало одной из важнейших причин революционных катаклизмов начала XX в.